

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

5 (135)

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

*Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека.
Огонь этот жжёт, греет и освещает... Настоящий поэт сам
неволью и страданьем горит, и жжёт других, и в этом всё дело.*

Л.Н. Толстой

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Борис ШИГИН. Спасибо, сердце, что поешь... Стихи	3
Михаил ФЁДОРОВ. Ольга Алмазова. Рассказ жены белогвадейского генерала	10
Ирина САМСОНОВА. Пройдусь по улицам родным. Стихи	86
Аля ЧЁРНАЯ. Хипстер. Рассказ	90
Анна КОРЖАВИНА. Звездные колокольчики. Стихи	127
Роман КАМБУРГ. Южноитальянская сказка. Рассказ	132
Маргарита СОСНИЦКАЯ. Поэтический букет Михаилу Лермонтову. Стихи	141
Марина НЕКРАСОВА. Четыре истории в поклон короткому лету. Рассказы	144

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Лидия БЕЛОВА. Лермонтов и Екатерина Сушкова: «перекрестные» свидетельства	160
Вячеслав НЕФЁДОВ. Первый директор «Тархан». К 115-летию А.И. Храмова	170

ДАТЫ

Геннадий ГОРЛАНОВ. Писатель и время. К 80-летию Николая Куленко	181
---	-----

ДЕБЮТ

Евгений ШТОРМ. По бездорожью Млечного Пути. Стихи	190
Виктор ВИННИЧЕК. Поездка за грибами. Рассказы	194

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

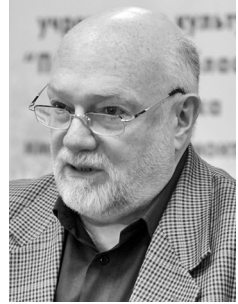
Виктория МУШКОВА. Лирические откровения эпохи исхода	203
Эдуард АНАШКИН. По праву правды	209

ПЕСЕННАЯ ПЕНЗА

Роман ДАВЫДОВ. Прикосновение любви	218
Об авторах	220

Борис ШИГИН

**СПАСИБО,
СЕРДЦЕ,
ЧТО ПОЁШЬ...**

Стихи

* * *

Я созрел. Я хочу свою книгу издать
И не буду от вас своих планов скрывать:
Пусть узнает весь мир о пиите!
Дивиденды меня успокоят вполне,
Впрочем, речь не совсем о высокой цене —
О бесценности, если хотите.
Есть мечта и существенный ориентир:
Я хочу, чтоб её зачитали до дыр,
Чтоб вином заливали и кофе.
Пусть какой-нибудь юный филолог-студент,
Получив её от президента в презент,
Не узнает мой старческий профиль.
Чтоб на полочке было её не найти,
Чтоб она, как и я, пребывала в пути,
Лоск, и цвет, и страницы теряя.
Чтоб в больничной палате лежала с тобой
И с солдатом, когда протрубили отбой.
Чтоб читали её, поверяя
Каждый вздох или выбранный путь... Если б так!
Не сломались бы только перо и верстак,
Не текла бы дырявая крыша.
Чтоб издатель поверил, редактор простил,
Чтобы Бог милосердный грехи отпустил,
И мой сборник таким бы и вышел.
Остаётся немного, совсем пустячок:
Лень и праздность повесить на дальний крючок
Да отдать своё сердце страницам.
Пусть с подтёками крови, с ожогами глаз

Долетят они всё же когда-то до вас,
Как на волю попавшие птицы.

* * *

Птица в мой дом залетела.
Ах, если б только мне знать,
Что ты пропеть мне хотела,
Песней своею сказать?
Весть принесла ли благую
Или судьбы приговор?
Мог бы — и ту, и другую
Выкрал у птицы, как вор.
Но наяву всё иначе:
Птица взмахнула крылом...
Что ж, пожелаю удачи
Птице, покинувшей дом.
Пой, моя милая птица,
Ты рождена, чтобы петь.
Кто-то под песню родится,
Кто-то почувствует смерть...
Души скорбят на погосте
Или ликуют в раю...
Я ж, моя странная гостья,
Просто с тобою пою.

ЛЕТНИЕ ЭТЮДЫ

№ 1

Июнь на исходе, и липы желтеют,
Медовым настоем округу пьяня.
Прохожие будто от чая потеют,
Жару несусветную всеу кляня.
Косцы в парках косят упругие травы,
А мойщики моют уставший асфальт...
И вроде бы правы... Но как же не правы,
Глуша шумом техники утренний альт.
Но мне-то он слышен, я звук его знаю,
Ему все стихи я отдам, не тая.
В обход суеты он крадётся по краю,
По улочкам тихим, таким, как моя.
Он как камертон для влюблённого сердца,
Он густ, как июньский, вновь собранный мёд.

Он к вечеру, если получится скерцо,
Скрипичной экспрессией город зальёт...
Пока ж только полдень, и я, будто пьяный
Сын лавы и пепла — горячий базальт,
Клянусь этот шум, что так нагло и рьяно
Мешает мне слушать мой утренний альт.

№ 2

Играет солнце в листьях клёна:
Один прозрачен на просвет,
Другой горит тёмно-зелёным,
На третьем вовсе бликов нет...
Но все они в одном едины:
В неповторимости своей.
Нет в их оттенках середины,
Всяк лист — породистых кровей.
На самом деле, лишь светило
Им дарит щедро разный тон.
И смотрятся свежо и мило,
С каких ни глянь на них сторон.
И я, смотря на клёны эти,
Не раз задумался о том,
Что все мы, будто листья, дети
Одних времён... И старый том,
Что книгою судеб зовётся,
У нас на всех, увы, один.
Но вдруг страница разорвётся,
Иль странный случай-господин
Покажет норы свой и силу —
Зря возмущеньем не греми
И свет всесильного светила
Лишь с благодарностью прими.

№ 3

За окном июль. В июле
Что я вижу за окном?
Липы старые уснули
Тяжким, сладким летним сном.
В октябре они проснутся —
Их разбудят холода.
Неба низкого коснутся,
Сбросят листья — вот беда...

Но пока июль и жарко,
Плачут липы, стыд презрев.
Я парю под этой аркой
Томных, плачущих деревьев.
Сам расплачусь, раскраснеюсь,
Вдоволь мёда их наплююсь.
Ввечеру меж ними с Нею
Утолю мужскую грусть.
Липы, я и сам бы с вами
Ткал серёжек жёлтый тюль,
С ним летал под небесами...
Лето. Сладкий сон. Июль.

№ 4

Ах, этот пьяный воздух грозовой,
Звнящая до боли тишина:
Не слышно будет вопля — хоть завой,
Начни петь песню — будет не слышна.

Так густ эфир, как в заводи вода,
Тяжёл, как тол, и вязок, будто мёд.
И вязнут в медовухе города,
Пока трезубец первый не сверкнёт.

А там пошло: чудаковатый бес
Не раз трезубцем вспорет облака
И бросит нам и тол, и мёд с небес —
Простите, мол, смешного чудака.

И ведь простим — как дышится теперь!
И как теперь разумна тишина:
Как будто в рай нам отворили дверь,
Откуда песня тихая слышна.

* * *

В прекрасные минуты бытия
Нас в целом мире двое — ты и я.
Да ангелы за нашими плечами,
Не спящие горячими ночами.
Их дядька — шестикрылый Серафим
В жару такую выпил бы графин
Воды холодной... Кто ж ему нальёт?
Да он к тому же ночью и не пьёт.

В безумные минуты суеты
Нас в целом мире двое — я и ты.
Да черти, что хихикают в углу,
Нас посадить мечтая на иглу
Размолвки. Козни их наперечёт
Давно я знаю. С ними главный Чёрт,
Смотрящий жадно на бутылку виски, лёд...
За козни эти кто ж ему нальёт?
И так всю жизнь меж Дьяволом и Богом
Живём с тобой за узеньким порогом,
Живём — не тужим. Ангел или чёрт
Сегодня правит? Наша жизнь течёт!
Бывает, ни других, ни этих нет,
А жизнь течёт, ведь есть один секрет:
Мы в разные минуты бытия
Защищены любовью — ты и я!

* * *

Прости меня —
Я робок был и слеп.
Искал огня,
Но густо падал снег:
Тушил пожар
Неопытной души,
Пыл остужал —
Терпи и не спеши.
Я слушал глас
Сверкающих снегов.
Их гулкий бас
Летел меж берегов
Моей любви
И нелюбви твоей.
Теперь лови
Снежинки между рей...
Мой парус пуст,
В нём ветра нет давно...
Жасмина куст
Отцвёл. Горчит вино...
И только снег —
Печальный вестовой —
Всё шепчет мне:
Придёт твой час. Ты пой...

* * *

Пришла пора готовиться к разлуке.
Не говори, что как-то невзначай.
Уж надоели радости и муки,
И слишком сладок мёд, и горек чай.

Увы, жизнь не допустит перебора,
Барьеры выставлены, выстрелы за ней.
И даже в рамках буйного раздора
Она напомнит: был ведь и елей!

Всё было, всё прошло... А что же будет?
Как примириться с краем бытия?
Как уберечь в разбившейся посуде
Коктейль страстей с названием «Ты и я»?

Никак! И в перспективе лишь разлука.
Никак! Ответ известен мне: никак!
Теперь не лги, что надоела мука,
И лёгок поутру к барьеру шаг...

* * *

Спасибо, сердце, что болеть
И рваться ты не разучилось.
Разлуку — крохотную смерть —
Не отдаёшь врагу на милость.

И радость — крохотную жизнь —
Всю целиком в себя вмещаешь.
И сумасбродства виражи
Не запрещаешь.

Спасибо, сердце, что любить
Как в первый раз не расхотело.
Сказало — так тому и быть,
Коль влюблены душа и тело.

Спасибо, сердце, что поёшь
В своей темнице ты загрудной.
И не впускаешь лесь и ложь,
Хоть это трудно.

Спасибо, сердце, что огней
Сигнальных ты не погасило.
И, как маяк, светило Ей,
И для любви давало силы.

Спасибо... И прости меня
За то, что нервничал и злился
И бурю на покой менять
Не научился.

* * *

Август... Будто молодость уходит.
Утром слышу каждый её шаг:
Вот кричит из песни пароходик,
Переводит Киплинга Маршак.
И поют Высоцкий с Окуджавой
Не с пластинок... Живы — и поют.
И гордимся мы своей Державой,
И в домах без роскоши — уют.
Август... Будто молодость стучится.
Слышу в сердце каждый её стук,
Алчной, ненасытной волчицей
Юных дней моих сужает круг.
А они — беспечные ягнята,
Как на карнавал, идут под нож...
До сих пор мне, август, непонятно,
Как я жил? Всё, август, подытожь:
Как мне сладко и пилося, и елось,
Кем я только не был увлечён...
Август, ты не молодость, а зрелость,
Если точно знаешь, что почём!
Отпусти грехи, скажи мне — с богом,
Просто так, без лишних слов скажи.
За медово-яблочным порогом
Ждут меня иные рубежи.
Дверь открой в безрадостную осень,
Может быть, последнюю уж дверь.
Утром треск заиндевелых сосен
Будет мне будильником теперь.
Август... Опустеют скоро скверы,
Скармливая вялый лист костру...
Август мой, люблю тебя без меры
За минуты эти поутру.

Михаил ФЁДОРОВ

**ОЛЬГА
АЛМАЗОВА**

**Рассказ жены
белогвардейского генерала**

ЧАСТЬ 1

1

Ты думаешь, откуда пошел род Алмазовых? Говорят, что один из князей Трубецких подался в священники и поехал к монголам проповедовать православную веру. Обратил в христианство несколько племен и вернулся. А за успехи на этом поприще Патриарх наградил его золотым крестом с серебряным обрамлением. Царь приказал вставить в крест алмазный камень и назвал проповедника «Алмазов». С тех пор за Трубецким и укрепилось «Алмазов» и с его преемниками дошло до наших дней.

Мой дед дружил со Львом Толстым и во многом подражал ему. Считал, что жить следует трудом своих рук. К нему — по профессии врачу, кстати, виртуозно игравшему на скрипке, — за помощью в любое время суток шли крестьяне со всей округи. Во фруктовом саду выращивал отменные яблоки, пахал и косил, молот зерно на водяной мельнице, что скрипела на плотине реки Трещевки, которая делила Медвежье пополам. В этом ему помогали семья и крестьяне. Он, как и Лев Николаевич, не любил священников, избегал церковных обрядов. А его прах лег в землю в нашем саду без памятного надгробия на десять лет раньше, чем прах учителя в Ясной Поляне.

Мой отец тоже тяготел к нравам толстовцев. В молодости не ел ни мяса, ни рыбы, зачитывался романами почтенного старика из Тульской губернии. Своего отца похоронил, выполняя его завещание, без отпевания. Лишь после настоятельных просьб матери окрестил меня в приходской церкви в селе Богоявленовка. Не любил он служителей культа. Священник села Богоявленовка часто сокрушался, что, как ни пожалует к Алмазовым, хозяина дома не оказывалось, а встречала гостя только его жена.

Отец пошел дальше деда. Летом 1906 года раздал земли своего имени крестьянам — пятьсот десятин, это более пятисот гектаров, а себе оставил хутор с наделом в десять десятин, сад и мельницу.

— Василий Алексеевич! — хлынули к нему крестьяне из ближних деревень. — Вы бы помогли и нам забрать земли у помещиков.

Не хотел вмешиваться в чужие дела и долго не соглашался. Но готовность помогать людям взяла верх.

Он вместе с ходоками направился в соседнее имение графини. Мне только исполнилось три годика, и я мало что понимала. Но позже узнала, что происходило. Как обычно в летнюю пору, пригревало солнце, в полях наливалось зерно, пахло свежескошенным сеном. Настроение отца и крестьян было приподнятое. Они чувствовали, что делают доброе дело. Перейдя речку Трещевку, в которой купались мальчишки, запыхали по проселочной дороге. По пути к ним присоединялись жители окрестных сел.

Они поднялись на горку, в дубраве завиднелся барский дом. Во дворе на крыльце стояла графиня. Грузная женщина в длинном платье с большим разрезом о чем-то разговаривала с приказчиком.

— Отдавай землю! — закричали крестьяне.

При виде их приказчик кинулся за дом. Они только успели заметить, как замелькали его сапоги. Несколько мужиков погналось следом.

— Василий Алексеевич! Что-то я не пойму, почему это вы с моими крестьянами? — спросила графиня.

— Дело в том, что вы, барыня, обделили наших братьев, — заговорил отец.

— Надобно бы излишки отдать...

Барыня сделалась бледной, как парафиновая свечка.

В это время мужики притащили приказчика и начали бить.

— Это тебе за поденщиц!

— Будешь издеваться над ними! — орали мужики.

— Пугачевщина! — графиню затрясло.

— Благое дела ждут от вас, — сказал Василий Алексеевич и крикнул мужикам:

— Оставьте приказчика в покое!

Графине протянули бумаги:

— На, подпиши!

Она некоторое время медлила, с опаской оглядывая толпу, и подписала.

— Ну... — по имени назвал графиню кто-то из крестьян. — Теперь мы все равны... До свиданьяца.

Слух о поступке Алмазова разлетелся по уезду, и утром около нашего дома уже митинговала толпа:

— Василий Алексеевич! Идемте... Идемте к ... — назывались иные помещики.

Мама, качая на руках моего младшего брата Алешу, уговаривала:

— Василий! Ты отдал свое. Зачем?..

— Маша, успокойся. Я не могу...

— Подумай обо мне, о сыновьях, о дочери.

Моему старшему брату Сереже тогда исполнилось десять, а младшему Алеше только год.

— Мы ничего дурного делать не будем. Графиня добровольно подписала бумаги. И другие подпишут. А если не подпишут, то мы развернемся и уйдем, — успокаивал он жену.

Я приняла уход отца как обычную прогулку к соседям. «Он катал меня по полям, — подумала я, — пусть теперь без меня прогуляется».

В тот день крестьяне получили согласие еще трех помещиков и, когда возвращались, на взгорке у села Приволье увидели казаков. Казаки стояли в ряд и ждали бунтовщиков. С той поры я отношусь к казакам с осторожностью.

Перед строем гарцевал урядник и кричал:

— Есть ли среди вас помещик Алмазов?

Крестьяне остановились.

— Я вас спрашиваю? Алмазов есть аль нет? — повторял урядник.

Крестьяне молчали. Василий Алексеевич одевался просто: в холщовую рубаху, льняные штаны, и отличить его от крестьянина было трудно.

— У нас есть предписание его арестовать! И вы должны его выдать! — урядник спустился к крестьянам.

— Не выдадим! — закричали они.

— Если не выдадите, то возьмем силой! — урядник закружил перед толпой, поднимая коня на дыбы.

Крестьяне стали подбирать камни, ломать ветки деревьев, выдергивать колья из плетней, разбросанных вокруг огородов. Кто-то по лугу пробрался в село и принялся стаскивать на дорогу бороны, сохи, бревна. Василий Алексеевич не знал, что делать: он не хотел кровавой развязки.

Летом темнеет поздно. Солнце медленно клонилось к горизонту. Время шло, а казаки их не пропускали. Урядник рвал голос, призывая выдать помещика. С речной долины потянуло свежестью, густым светом от заката облились дубравы. Отец решил сдаться и шагнул вперед, но тут крестьяне с ветками, кольями и камнями кинулись на казаков. Казаки, уворачиваясь от града камней, отступили и в деревне напоролись на баррикаду из борон, сох и бревен.

Потом слышала, сколько казаков кинулось бежать, испугавшись крестьян, сколько казачьих фуражек подобрали крестьяне.

Отец вернулся домой в отменном расположении духа. Взял меня за плечики и подбросил: белая кофточка, белая юбочка, белые носочки, белые банты — вся моя одежда высоко взлетела вверх.

— Оленька! Сегодня важное дело пошло по уезду! Завтра пойдет по губернии...

— Что теперь будет?! — заметалась по дому мама.

— Ты бы видела, как они драпанули!

— Вася! Ты же сам говорил, что не надо насилия...

— Да, Машенька, да! Но ты бы видела...

Утром прибежал сторож дед Петруха:

— Медвежье окружили казаки!

Отец думал недолго. Собрал котомку, позвал нас.

— Алешенька! Расти здоровеньким! — погладил по голове младшего.

— Оленька, я скоро вернусь, и мы покатаемся с тобой на лошадаках, — чмокнул меня в щеку. — Сережа! Ты уже взрослый, остаешься за старшего! — обратился к сыну. — Машенька, прости, если что не так. Но я хотел как лучше, — прошептал, прижимая к себе жену.

Поход с крестьянами стоил отцу нескольких лет тюрьмы. Два года от звонка до звонка провел в тюремном замке в Воронеже. Хотя сам Толстой земли своего имени не раздавал и не помогал отбирать землю у помещиков, но некоторые его последователи шли дальше учителя. После ареста отца мы жили скромно. Мама шутила: «Если есть люди, которые кушают сливки, то есть и те, которые потребляют снятое молоко». Выматывалась. Но нас поддерживали родственники Русановы, которые жили в шести верстах в селе Ерофеевка. Сестра мамы Ольга Адольфовна Русанова была женой Сергея Гавриловича Русанова, земского врача, и они помогали нам. Я часто бывала в Ерофеевке. Бегала по аллее из лип, пряталась в сосновом бору у пруда, чувствовала душевную теплоту родных.

2

Село Медвежье разбросало свои угодья по буграм вдоль речки Трещевки. Рядом с речкой в яблоневом саду в тени тополей прятался наш уютный дом с высокими окнами и резными ставнями, в котором родились я и мои братья. Этот дом давным-давно выиграл в карты наш обедневший предок и по бревнышку перевез в село.

Я любила лазить по фруктовым деревьям и срывать яблоки. Ездить с братьями на коляске. Окунаться в зеркальную гладь прудов. Прелести деревенской жизни заполняли мои дни, и я не думала, что когда-нибудь покину чудный мир сельской природы.

В 1910 году меня отправили учиться в город. После бескрайних степей с редкими домиками, лесов с непроницаемыми чащами я оказалась в Воронеже. Меня напугали трех- и четырехэтажные дома, окруженные одинокими деревьями. Я долго не могла понять, как могут люди ходить по головам друг друга. Удивили мощенные булыжником улицы, паркетные полы и огромные зеркала в гимназии. В первое время мне хотелось покинуть город и вернуться домой. Но я боялась огорчить родителей и крепилась. Вскоре занятия в Мариинской женской гимназии захватили меня, и я помаленьку начала забывать Медвежье. После уроков спешила с подружками на Большую Дворянскую — самую богатую улицу Воронежа. К этой улице примыкал городской сад с огромной узорчатой оградой. Там в летнем театре или на площадке около фонтана мы слушали духовой оркестр, мечтая когда-нибудь закружиться под его музыку. А уходя дальше за железнодорожный вокзал, прятались под кронами дубов на скамьях Бринкманского сада, где было особенно уютно, и я все больше узнавала о городе.

— В том доме, — показывала на двухэтажный особняк одна из подружек, — живет хозяйка привокзального поселка фон Бринкман. Бывшая Кричевская. Представляете, оставила престарелого мужа в Калуге и приехала с тремя детьми.

— Престарелого? — переспрашивала я.

— Но теперь вышла за молодого учителя!

У нас разгорался спор о том, прилично ли выходить замуж за того, кто старше возрастом, хорошо ли бросать престарелого супруга ради молодого. Я путалась в мыслях и не знала, что сказать.

В базарные дни родители везли в Воронеж ящики с яблоками и мешки с мукой. Стоило только сказать, что товар «алмазовский», как у подвод вырастала очередь.

— Алмаз, алмаз, — слышалось.

Людей привлекал медовый вкус яблок и белизна муки. Родители проводывали меня, и мы часами бродили по городу и сидели в парке. Они всегда привозили что-нибудь вкусное, и я угощала подруг. А на каникулы спешила в Медвежье, где вечера напролет рассказывала.

— Знаете, на Большой Дворянской у окружного суда огромный сквер. В сквере на постаменте стоит памятник Петру Первому. Там написано: «От благодарных дворян и горожан». Как оценили царя! Не то что... — невольно упомянула императора Николая Второго. — Петр правой рукой держит якорь. Другую тянет на запад. Положение правой говорит о том, что он опирался на флот. А левой, что прорубил окно в Европу...

— А хорошо это или нет? — спрашивал отец.

— Мне трудно судить об этом, — тушевалась я.

— По папе, лучше бы не было ни Петра, ни Николая, а была бы простая жизнь, — сказал брат Сережа, который уже учился в военном училище.

— Дети мои, вы же знаете, что, когда что-то делается силой, это всегда плохо. А у Петра одно только и было... — сказал отец.

— Сереже повезло, — засмеялась я, глядя на брата. — Будь у него папа другой, пустили бы в училище?

— Я думаю, он сам со временем разберется, что ему надо, и поймет, что такое служба, — добавил отец.

— Пап! Но ведь говорят, что даже Толстой восхищался армейской службой. Однажды шел по Хамовникам и увидел двух рослых гвардейцев. Он остановился и воскликнул: «Какие молодцы!» А ему: «Лев Николаевич, ведь вы вчера отзывались об армии плохо, а теперь?» И Толстой им: «А я вам, что, канарейка, чтобы повторять одно и то же?»

Все засмеялись.

— Гостиница «Бристоль», — продолжала я. — С огромными окнами. Две коляски разъехали бы! Под ними бульвар...

Мои глаза светились, как электрические лампочки в фонарях Большой Дворянской.

— Тебе бы, Оленька, поездить бы по странам, — заметил отец.

— Да, папочка! А Смоленский собор. Это уже на Большой Московской, — говорила я, мечтая о том времени, когда отправилась бы в путешествие в Москву, Петербург, а если удастся, и за границу.

Когда у нас в гостях оказывались Русановы, меня поддерживала Русанова Ольга Адольфовна:

— Девочку тянет к прекрасному... Василий Алексеевич, а не послать бы вам дочь учиться в столицу?

— Если в столицу, то поможем и со столицей, но пусть сначала закончит гимназию.

Я продолжала учиться в Воронеже и все больше привыкала к его укладу.

3

Среди приезжавших в Медвежье появлялся сосед из села Трещевки (это в трех верстах от нас) Вячеслав Митрофанович Новиков — лихой наездник и любитель псовой охоты. Когда мой отец в 1906 году ходил с крестьянами отбирать земли у помещиков, он не дошел до села Трещевки. И ему не пришлось добиваться от Новикова раздачи его угодий. Не был и у Русановых в селе Ерофеевке, где жило «всега две души мужска и три женскага полу». Русановым отдавать крестьянам было нечего, они сами жили скромно и довольствовались результатом своего труда.

Стройный молодой человек Новиков, с высоким лбом, белокурыми вьющимися волосами, сильный в движениях, ловкий в езде на лошади, сразу привлек мое внимание. В нем хранилось то, что редко встречалось в мужчинах и как бы осталось в 19 веке. Обхождение, доброта, щедрость.

Я удивлялась, что мой отец, который не позволял себе поступиться взглядами: не ел ни мяса, ни рыбы, не мог прикоснуться к курице, чтобы отрубить ей голову, — загорелся псовой охотой. И мог часами скакать с Вячеславом и его шумной компанией за борзыми. Вряд ли его прельщал состав компании Новикова: сын воронежского городского главы Чмыхов, друзья Вячеслава Мыльцев-Минашкин, Веселаго Всеволод. Видимо, им владело иное — желание слышать звук рожков, лай собак, ощущать погоню, этот испепеляющий мужской азарт, в котором он отказать себе не мог.

Вот Новиков появился и у нас. Что творилось со мной! У меня горели щеки, дрожали руки, я вбегала в комнату, где он разговаривал с отцом, и выбегала, проходила под окнами, лезла на дерево и еле сдерживалась, чтобы не кинуть в окно яблоком. Думаешь, он обратил внимание на девушку в голубом платье с белым фартуком? Если бы... Куда бы я ни ехала, то всматривалась в каждую коляску, не сидит ли в ней Вячеслав Митрофанович, в каждого наездника: не Вячеслав ли Митрофанович? Как-то чуть не спутала Новикова с кавалерийским офицером — но, когда тот обернулся, я шарахнулась от лица с бакенбардами. Нашла у папы фотокарточки, где среди других был и Новиков, и спрятала. По крупнице собира-

ла все о его жизни и все больше думала о нем. Слышала, что на ипподроме он выиграл скачки, что произведен в прапорщики, что пользуется успехом у дам. Слово ушатом холодной воды окатило меня, когда отец за обедом сказал:

— Могу сообщить вам преинтересную новость. Заезжал к Новикову. У него свадьба...

«К-какая?» — чуть не вырвалось из меня.

— На стол подали торт с тележное колесо! И разноцветными коржами выложено: «Любовь и Слава»... Подняли чарки... — продолжал отец, еще не догадываясь, как словами ранит дочь.

«Жену зовут Любовь», — дошло до меня.

Я выскочила из-за стола и скрылась в детской. Упала на кровать, но сразу встала. Прижавшись к двери, вслушивалась, но не могла разобрать слова.

Неужели?! — хлопотало во мне.

Пыталась забыть Новикова. Заставляла себя не вспоминать его, но получалось наоборот, только чаще мои мысли обращались к Вячеславу Митрофановичу. За мной ухаживали гимназисты, но какими смешными выглядели они в сравнении с Новиковым.

Выясняла о нем все до мелочей. Узнала, что Вячеслав Митрофанович тоже из рода Русановых, но не рода Сергея Гавриловича, а Русанова, героя войны с Наполеоном. Полк под командованием генерала Русанова отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау.

Мое поведение покажется странным. Но такое было! После известия о битве я перерыла полки всех книжных магазинов, и только в библиотеке кадетского корпуса нашла заметку о сражении на прусской земле. Перечертила в ученическую тетрадку карту и с линейкой в руке носилась по комнате и воображала, что это Новиков ведет на французов в атаку батальоны. В такие минуты я готова была вместо одежды гимназистки натянуть на себя военное обмундирование!

Мне рассказали, что генерал Русанов женился на собственной крестьянке.

— Зачем? — сначала покорило меня.

Но, зная отношение к крестьянам отца и деда, я ничего плохого в этом не увидела. У крестьянки родился сын Митрофан. Ему генерал Русанов отписал имение в Трещевке. Выглядело благородно. Митрофан выкрал у орловского князя Кекаутова дочь и женился на ней. Вот это было по мне! Я загорелась желанием о своем похищении. И представляла, как Новиков стремительно появляется на хуторе в Медвежьем, как увозит меня. Или, не найдя в Медвежьем, незаметно проникает в гимназию — вот чем переполняло меня.

— Какой отец у Вячеслава Митрофановича! — восхищалась я. — А ведь яблоко от яблони падает недалеко!

У Митрофана с дочерью князя Кекаутова родился сын Вячеслав. Уже спустя много лет я услышала легенду о том, как одна гимназистка совершила отчаянный поступок. Переходя улицу, специально споткнулась и упала под копыта коня, на котором ехал ее любимый. Мастерство седока спасло гимназистку. Он

поднял девицу на руки... Если имели в виду меня и Новикова, то они ошибались. Но подмечено верно: я была готова броситься не только под коня, лишь бы обратить на себя внимание.

4

Нежданно-негаданно вспыхнула Первая мировая война. Я знала, что мой отец был против муштры и солдатчины, и думала, что это отразится на моем брате, но отец не стал вмешиваться в его жизнь и предоставил возможность выбирать свой путь. Тогда молодежь охватил небывалый подъем, она стремилась на фронт. Мой брат Сергей записался в 25-й Смоленский полк, который формировался в Воронеже, и вскоре вместе с однополчанами оказался на австро-венгерском фронте.

Как взволновало меня, когда он прислал письмо, в котором сообщал, что служит вместе с Новиковым. Мы получали вести от брата и радовались успехам русских войск в Карпатах, переживали, услышав об их поражении в Пруссии. Я до дыр зачитывала письма брата, ища в них хоть какое-то упоминание о Вячеславе Митрофановиче. Стала серьезнее относиться к урокам, особенно к иностранному языку. Дополнительно занялась французским, почему-то решив, что когда-нибудь попаду в Париж, до которого непременно дойдут русские войска.

С подружками писали письма на фронт солдатам, полные веры в победу, и представляли, как они после изнурительных боев читают наши юные послания. И сотни раз начинала письмо, адресованное Новикову, доходила до половины и рвала.

Я уже не связывала свое будущее с Медвежьим, где продолжали жить отец и мать. Теперь оно казалось мне крошечным в сравнении с тем миром, который увлекал меня.

Отец часто говорил:

— Прислушались бы к Толстому, занялись нравственным совершенствованием, и не было бы ни разрушений, ни раненых, ни убитых...

Я соглашалась и вместе с тем не соглашалась с отцом. Все мои познания говорили о том, что история человечества полна войн, и что-то более сильное, чем нравственное совершенствование, руководило людьми. Я объясняла это тем, что всегда были люди, которые желали подчинить себе других, воспользоваться чужими благами, но и эти суждения не могли погасить мысли Льва Толстого. Я повзрослела, вытянулась и когда смотрелась в зеркало, то все больше задавалась вопросом: почему так слеп Новиков? Чем больше на меня обращали внимание молодые люди, тем с большим упорством я отвергала их ухаживания. Мои подружки даже прозвали меня недотрогой, предрекая будущее монашки. Мало кто знал, с чьим именем на устах я ложилась спать и с чьим просыпалась.

Как-то с подружками заговорили о поселке у Бринкманского сада, в котором переулки назывались по именам детей: Ниновский, Владимирский, Георгиевский. Как мне пояснили, детей фон Бринкман: Владимирский — так звали сына Владимира, Ниновский — дочь Нину.

— Вот что значит материнская любовь! — воскликнула я. — А чем же прославились Нина и Владимир?

Считала, что улицы называются в честь особых заслуг полководцев, выигравших сражения, ученых, сделавших открытия, художников, написавших великие полотна.

— Ничем, просто они дети фон Бринкман.

— Но ведь это же не императорская фамилия, — пыталась я найти другое объяснение.

— Хочешь все знать? Тогда слушай...

И я узнала, что годом раньше застрелился сын фон Бринкман Владимир. Он учился в мужской гимназии. Первое, что пришло мне в голову, что несчастье произошло от неудачи в учебе, отвергнутой любви. А что еще могло случиться с выходцем из богатой семьи, где всего было в достатке? Но мне ничего не ответили, а лишь заметили: недавно покончила с собой и ее дочь, гимназистка Нина. Мать называла переулки в честь детей, словно предчувствуя их ранний уход из жизни.

— Постойте, а Георгиевский? — спросила я, готовая услышать продолжение семейной истории.

— Георгий учится в Петрограде.

Мне стало не по себе. Мать растила детей. А к чему это приходило...

Однажды зимой после занятий я вышла из гимназии и заметила на улице оживление. По таявшему снегу толпами куда-то стремились люди и что-то возбужденно говорили. Меня подстрекало девичье любопытство, и я вместе с людьми очутилась на базарной площади. Там было столпотворение: стояли рабочие с красными флагами, оркестр играл «Марсельезу», с трибуны, обтянутой алой материей, говорили речи.

Слышалось:

— Свобода!

— Равенство!

— Братство!

Я прислушивалась: слова мне были знакомы. И мою душу переполняло волнение. Но как-то легковесно звучали они в устах сменявших один другого ораторов. Когда я выбралась из толпы, то увидела другое зрелище: городовые срывали с себя погоны. С чего бы это? Я невольно подумала: «Неужели вот так может сорвать с себя погоны брат Сергей? Вячеслав Новиков? Нет, — сразу успокоила себя. — Они защищают Родину. А эти...»

Я поспешила в гимназию. Дежурный учитель, старичок с усами, мне объяснил, что произошла революция, что царь отрекся от власти. Не знала, радоваться или нет. Ведь ушел тот, кто сажал моего отца в тюрьму, кто преследовал Льва Толстого.

И волновало: что теперь будет? Я тогда думала, что на смену одному деспоту другой деспот прийти не может. Его сменит порядочный, такой, как мой отец, человек. Только так я могла объяснить восторг горожан.

К вечеру послышались выстрелы. Я выглянула из окна комнаты, в полутьме темного ствола клена сорвалась чернокрылая туча, потом проехали два грузовика, в которых сидели солдаты с выставленными пулеметами. А на снегу зловеще чернели перья вытаявших после зимы замерзших галок. Мне стало плохо, охватил озноб, и я спряталась с головой под одеяло.

Дни потекли однообразно. Директора гимназии заменили. Подняли вопрос об отмене изучения Закона Божьего, хотя он преподавался по-прежнему. Но занятия были уже не такие, как раньше. Нас собирали в общий гимназический зал. Приходил мужчина со скрипкой, и мы под нее разучивали революционные песни. Меня распирало, и я пела, не жалея голоса, а иногда в горле застревал ком, и я лишь открывала рот. С полной кашей в голове я вернулась в Медвежье.

Мама плакала. Она очень переживала за Сережу, который оставался на фронте. С горечью рассказывала, как в Землянске поймали пристава и плевали ему в лицо.

— Не к добру это, не к добру!

Я удивилась:

— Мама, а как они с нами? Папу на два года...

— Все равно...

Я заметила, как осунулся папа. Лицо его сделалось озабоченным. Он выпивал все газеты и в свободное от работы время читал, а потом ходил по комнате и о чем-то разговаривал сам с собою.

5

Лето перелистывало странички календаря. В садах наливались яблоки. В полях колосилась рожь. Все предвещало богатый урожай и безбедную зимовку. Меня не очень задевали думы отца и матери. Я продолжала кататься верхом на лошади, навещала в гости к Русановым, а по пути, двигаясь рысцей мимо села Трещевки, где виднелся барский дом, думала о Новикове. Вячеслав Митрофанович воевал. Вместо него управлялся хозяйством приказчик. Село тянулось по правому берегу реки Трещевки. У плотин прудов, которые шли чередой, на склон лезли редкие домики. Я представляла, как когда-то здесь скакал Новиков. Видимо, он, как и я, любовался разноцветной нивой, по которой ветер чертил свой бесконечный узор.

Я слышала, что жена Новикова после его отъезда на фронт съехала в свое имение под Павловском — уездный город южнее Воронежа — и больше в Трещевке не появлялась. По словам Русановых, «между Любой и Славой пробежала кошка». Русановы рассказали мне, что Вячеслав Митрофанович отличился в боях, что уже командует Смоленским полком, что полк успешно отбивает атаки немцев и даже переходит в наступление.

А у нас северный ветер часто пригонял низкие тучи. Непрерывными валами они катили с горизонта. Проносились над городом и, потемнев, исчезали. Я часто сидела в классе гимназии одна и думала: «Что же происходит? Почему не

рад папа, горюет мама? Почему до сих пор не окончилась война? Не вернулись мой брат и Новиков?» Уроки теперь проводились редко. Нас все чаще отпускали с занятий. Несмотря на непогоду, срывали на всевозможные митинги. Строем по четыре человека в ряд гимназисты уходили на площадь, где слушали долгие речи. Ораторы отчаянно жестикулировали. Слышны были слова: «освобождение», «равенство», «братство». Но стоило только кому-нибудь спросить, что это значит, оратор покидал трибуну и сменялся другим.

Одна бабуля, от дождя прячась с нами под навес, заметила:

— Не царь им даст освобождение, а бес!

Я ужаснулась словам пожилой женщины. У меня не было склонности сравнивать происходящее с бесовством. Но вскоре дошли слухи о поражении на фронтах. Наша армия откатывалась. Однажды ко мне в Бринкманском саду привязался мальчишка. Стал распускать руки. Схватил и потянул к себе. Я вырвалась, а за всем этим со стороны наблюдал батюшка в рясе. Я думала, что он заступится, а он с интересом ждал, что из всего этого получится. Когда я не выдержала и стала мальчишку лупить, он отстал и скрылся в кусты. И только тут батюшка вышел на тропу и с укоризной сказал:

— Негоже барышне драться!

— Это до революции было негоже, — ответила я запальчиво. — А после революции гоже!

Теперь предпочитала меньше находиться в городе и чаще уезжать домой. Помню, мы пили в Медвежьем чай с баранками, а рядом в печи, облепленной разноцветными изразцами, потрескивали дрова. Ночью выпал снег и появились следы воробьев, мышей, собак. Отпечатки их лап замысловатыми дорожками плутали между яблонь.

— В Воронеже такого не увидишь, — сказала я. — Сразу затопчут..

Дверь открылась, и, обивая сапоги от сгустков белого, вошел папа. Он ездил в Землянск и только вернулся.

Он был взволнован:

— Большевики взяли власть...

Я слышала об октябристах, кадетах, монархистах, эсерах, меньшевиках, и вот на слух попало — большевики. Ну и что? Эка невидаль! Я подумала, что и большевиков скоро сменит кто-то другой. И была уверена, что, в конце концов, все наладится. А как иначе? Жизнь от года к году обязана становиться лучше — так считала я.

6

В дурном обличии появилось это слово — «большевизм». Цены на продукты росли. В городе не было дров, за хлебом стояли целыми сутками. Большевики отбирали дома, лошадей, рубили лес. У многих моих подружек арестовали отцов, а их семьи выгнали на улицу.

— Какой папа дальновидный! — вспомнила, как отец раздал имение.

Как ни странно, он был близок к большевикам: хлеб зарабатывал своим трудом. Но все равно к новым властям относился настороженно, его многое не привлекало в них.

Большую Дворянскую переименовали в проспект Революции, Большую Московскую — в Плехановскую. Я не могла запомнить новые названия улиц и в свои посещения Воронежа их постоянно путала. У меня не укладывалось в голове, как можно бульвар, где громоздились дома богатых воронежцев, именовать проспектом Революции, ведь революция с дворянами — обитателями улицы — ничего общего не имела; Большую Московскую — Плехановской, где о Плеханове никто ничего не знал.

Вскоре Медвежье посетила радость: на крыльце дома появился Сережа. Он был в офицерской форме с вещевым мешком.

— Принимайте штабс-капитана Смоленского полка, — выдохнул с мороза.

Брат Алеша схватил вещмешок и стал в нем рыться.

Закричал:

— Наган! Наган!

— Дай сюда! — я выхватила мешок и пистолет.

Извлекла из мешковины парадный мундир и стала примерять на себя:

— Чем не кадет Алмазова?

Мама не могла наглядеться на сына, в волосах которого пробилась первая седина:

— Цел и невредим.

Отец застыл в дверях, на его глаза навернулись слезы:

— Вернулся...

Сережа рассказал, как пошли братания, как стали выбирать командиров, как комиссары разваливали армию, как Смоленский полк почти в одиночку прикрывал отход войск, как он чудом добрался до дома: всюду ловили офицеров и в лучшем случае срывали с них погоны.

— А Вячеслав Митрофанович, — спросила я, — поехал в Павловск?

— Ты имеешь в виду его бывшую жену?

— Бывшую?

— Он к ней уже никогда не вернется. В Трещевке он.

Не прошло и дня, как мы с братом поскакали в Трещевку. Копыта стучали о мерзлый грунт, ветер хлестал в лицо. Все вокруг сковало мартовской наледью. Когда въехали в ворота усадьбы, у меня перехватило дыхание: «Что я скажу? Зачем прискакала? И кто я? Сумасшедшая девчонка!»

Приказчик вышел на крыльцо и, кутаясь в полушубок, произнес:

— Вячеслав Митрофанович у Русановых.

«Значит, и нас проведает», — застучало у меня в груди.

Доверчивое сердце гимназистки! Вернувшись домой, я вздрагивала от каждого звука на улице. Ждала, когда появится Вячеслав Митрофанович, — день, два, неделю, но тщетно.

Вместо того чтобы поехать к Русановым, Новиков направился к друзьям. Где-то в городе скрывался его брат Леонид — полковник царской армии. Не находили покоя Веселаго, Мыльцев-Минашкин. Им надо было что-то предпринять. Набирала обороты волна арестов: большевики хватили офицеров подряд и расправлялись с ними. Об этом я узнавала не только от подружек, отцы которых рисковали жизнью. Слышала, что у хозяйки Бринкманского сада забрали дома в привокзальном поселке, а ей с молодым мужем оставили комнатенку; что закрывали коммерческие банки; что конфисковывали фабрики; что любой мог угодить под горячую руку большевикам и оказаться в чрезвычайке.

— Где же Новиков? — спрашивала.

Теперь стало понятно, почему приказчик сказал, что он у Русановых.

— Снял хутор в Подклетном, — однажды заметил брат Сергей.

— На левом берегу Дона?

— Да, на пути в Воронеж.

— Но ведь у него имение в Трещевке? — недоумевала я.

— Открыл контору для скупки лошадей. Там ему удобней. Город близко...

— А почему лошадей?

— А ты, что, забыла про его увлечение?

— Скачки? Псовая охота?

— Если бы... Он помогает...

— Кому? — ничего не могла понять я.

— А ты, что, слепая? — брат понизил голос. — Разве будет полковник Новиков сидеть сложа руки, когда кругом попирают его однополчан.

— Но ведь...

— Слушай, — он заговорил еще тише, — на Дону против большевиков собирается армия... Он туда лошадей перегоняет...

— Неужели?! — я зажала ладонью рот.

Теперь в разговоре даже с родителями боялась упоминать имя Новикова. А тем более заниматься его поисками. Положилась на свою судьбу и надеялась, что она рано или поздно сведет меня с Новиковым.

7

Судьба услышала стенания недавней гимназистки. Но сначала расскажу, что произошло тем временем. Полуденное солнце совершало движение в сторону заката, когда повозка с тремя солдатами в поношенных шинелях и с винтовками через плечо свернула к хутору в Подклетном. Майское тепло обливало господский дом, окруженный голыми после зимней спячки тополями. Черные нивы тянулись до самого Дона. Солдаты спрыгнули с повозки.

— Хозя-ин! Отворяй!

Толкнули ворота во двор. В углу в вольере растянулись борзые собаки. В конюшне ржали кони. Под окном у крыльца дома жевала сено гнедая лошадь с прозвездиной на лбу.

На стук вышел военный в форме.

— В-Ваше превосходительство! — солдат хотел обратиться по-новому, но обратился по-старому. — Вы полковник Новиков?

— Как видите, — на плечах блестели погоны.

— Нас послали за вами. Велено привезть...

— А меня-то зачем? — спросил полковник.

— А мы почем знаем? Нам сказано привезть — значит, привезть.

— Что ж, служба есть служба! Проходите, я соберусь...

Солдаты поднялись в дом, прошли в гостиную. По сторонам стояли огромные кресла, между которыми тянулся дубовый стол. Стены увесили картины в тяжелых рамах с видами скачек. Над комодом в кожаных ножках висела шашка. Солдаты заробели. В гостиную вышел Новиков.

— Это за что? — солдат показал на шашку.

— За отвагу, — Новиков провел рукой по георгиевскому банту на груди.

— Надо бы забрать! Оружие...

Новиков медлил, а потом вытащил шашку из ножен, поцеловал и подал солдату.

— Вот это вещь! — расцвел солдат.

Новиков глянул в окно на лошадь:

— Позвольте с другом проститься?

— Как же не позволить?!

Солдаты даже не пошли следом. Остались разглядывать шашку. Видели: конь неоседланный, невзнузданный. На нем не ускачешь. Новиков вышел во двор. Лошадь била копытом, косила глазом. Поняла хозяина с полуслова. Новиков запрыгнул на коня:

— Дарьял, вперед!

Лошадь рванула с места. Солдаты выскочили на двор, стрельбой всполошили грачей, разбудили борзых, которые заматались в вольере, в конюшне забежали кони. Взгромоздились на повозку — взвилось кнутовище.

Дарьял вылетел на простор и, радуясь свежему ветру, поскакал к Дону. Вдали виднелась синяя кайма высокого берега реки. Всадник обхватил шею лошади и теперь с каждой секундой растворялся в степном море. Полоса поля впереди стремительно сокращалась. Приближался обрыв. Взмывленный Дарьял осел и съехал по глине к кромке берега. Ступил в воду и поплыл через Дон, еще не вернувшийся после разлива в привычное русло. За лошадью, как за лодкой, разошлись волны, вокруг крутило воронки, грозя затянуть в мутные воды. Новиков хлопывал по крупу и не оборачивался. Когда Дарьял взобрался на бугор правого берега, солдаты только подъезжали к реке. Новиков слез с лошади, стянул сапоги и вылил воду. Выжал мокрые брюки и полы мундира. Развесил одежду на ветках боярышника, обсыпанного бисером мерзлых ягод, и помахал солдатам, повернувшим вдоль реки:

— Горе луковое! Хотели меня взять! Да вам коров нельзя доверить пасти! Жаль вот шашку...

Видел, как блестела на солнце рукоятка в ножнах у солдат. Стало темнеть. Новиков натянул подсохшую форму, запрыгнул на Дарьяла и свернул в рощу. Скакал извилистыми лесными тропинками, обогнул село Губарево с его кирпичной церковью и высоченной колокольной, миновал низину у Приволья, где когда-то казаки пытались арестовать моего отца, и вскоре с опушки дубовой рощи увидел Медвежье. Вдоль отливавшего синью русла речки Трещевки тянулись дворы, а дальше в верстах трех в верховьях реки находилось его имение. Но ехать туда после побега было опасно: туда могли наведаться солдаты. Новиков спустился с бугра и мимо домов с высокими плетнями направился к яблоневому саду, в котором выступала крыша нашей усадьбы. Чем ближе подъезжал к дому, тем спокойнее становилось на душе. Новиков спрыгнул с коня:

— Принимайте!

— Папа! У нас гости! — вне себя от радости я вылетела из комнаты.

«Дождалась!» — сердце готово было выпрыгнуть.

— Вот это да! — на крыльцо вышел отец. — Что это вы, на ночь глядя? При параде и без седла? — прищурился.

Новиков с виноватой улыбкой подошел к Василию Алексеевичу.

— Нелегкая привела к вам. Хотели меня отправить в «могилевскую» губернию.

— Куда, куда? — не понял отец. — А, пытались арестовать...

Неожиданный визит Новикова насторожил отца, но отказать в гостеприимстве соседу он не мог.

8

Долго светились окна в нашем доме. В камине с треском горели поленья. Новиков рассказывал, как приветливо «встретил» солдат. Василий Алексеевич от смеха утирал слезы, моя мама Мария Адольфовна охала и выставляла на стол тарелки с блинчиками и наполняла вазочки яблочным вареньем. Алеша слушал, открыв рот, а брат Сергей добавлял:

— Когда командиром Смоленского полка стал Вячеслав Митрофанович, все изменилось. Родной отец. Как Суворов! С горсткой солдат опрокинул батальон. Взял в плен батарею. За храбрость награжден именным оружием...

— Вы приукрашиваете, — смущался Новиков, ловя на себе мои взгляды.

Быть может, именно в те вечера глазки-смородины, окаймленные черными прядями волос, румяные щеки с ямочками (ведь все девчонки любили смотреться в зеркало) произвели впечатление на Новикова. И он наконец-то обратил на меня внимание. Может, по недосмотру родителей, а скорее по их благословению, все дни я была рядом с Вячеславом Митрофановичем. Утром мы уходили в глубину яблоневого сада, на деревьях которого пробивались почки; бродили вокруг играющего, как слюда, пруда и, кто дальше, кидали в воду камешки; днем пили чай в каминной, слышавшей голоса многих достойных людей — и теперь голос героя войны Новикова; играли с братьями в «казаки-разбойники», а вече-

ром задерживались на перекидном через Трещевку мостку с гладкими перилами и общались с небесными светилами.

— Смотрите, месяц светится, как кольцо! И его одевают на пальцы звездочки...

— Повторите, — просил Новиков.

Я повторяла:

— ...месяц кован умельцем-кузнецом...

— Как вы поэтичны...

Мой старший брат подарил Новикову седло с уздечкой, и мы ускакали в дубовые рощи. Бывает же счастливое время! Никто не мешает, все катится своим чередом по желанной дорожке, тебя переполняют чувства! Ты счаст-ли-ва!

Вячеслав Митрофанович заметил тетрадку, лежавшую на столике:

— Давайте посмотрим, какая вы прилежная ученица? — раскрыл. — О! Да вы учились не в женской гимназии, а в кадетском корпусе!

На листке виднелись сплошные линии, частые пунктиры, мелкие квадратики, длинные изогнутые стрелы.

— Пойдите, пойдите! — Новиков пригляделся к названиям населенных пунктов на карте.

Покраснев до кончиков ушей, я вырвала тетрадку.

— Что это? — спросил.

Меня разобрало.

— А вы угадайте! — прижала тетрадку к груди.

— Прейсиш-Эйлау! — теперь зарделись щеки у Новикова.

— Генерал Русанов! — я захлопала в ладоши.

— Вы так осведомлены обо всем? — взгляд Новикова сделался мягким, как никогда.

Он смотрел на меня не как на девочку, на говорушку, шалунью, с которой приятно проводить время, а чувствовалось что-то более глубокое.

— Здесь, — я опустила тетрадку и показала на квадратики со стрелочками, — Багратион остановил Наполеона. Наши войска успели занять высоты Прейсиш-Эйлау, — провела пальчиком к двойной линии. — Маршал Мюрат бросил в бой кавалерию. Но батальоны генерала Русанова отбивают атаки, — ткнула в прямоугольники. — Корпус маршала Даву пошел в обход наших войск... Критическое положение!.. И в этот момент солдаты генерала Русанова...

Новиков вдруг подхватил меня и, не чувствуя веса, подкинул. Я ощутила силу этого человека, который, который... А он поймал и опустил:

— Вы... Вы... прелесть!

Теперь он все чаще заглядывался на меня и о чем-то думал. А я ловила каждый его взгляд, каждое его слово. Похоже, и родители отметили изменение в его поведении. На пятый день к нам заехал посыльный от Русановых и сказал, что к ним приезжали из Землянска и интересовались, не было ли у них Новикова. Вячеслав Митрофанович быстро собрался, поблагодарил отца и мать за приют, крепко пожал руку моему брату Сергею и с полным слов «Жди, я вернусь» взглядом запрыгнул в седло и ускакал.

Меня волновало: понял ли Новиков, почему гимназистка нарисовала карту сражения под Прейсиш-Эйлау? Что это не просто желание показать осведомленность в военном деле, проследить родственную ветвь генерала Русанова. Что за этим таилось чувство девушки, заговори с которой о другой битве, она бы не смогла связать и двух слов. Вот что больше всего беспокоило, и я мучилась, с какой недосказанностью мы расстались. Чем больше задавалась этим вопросом, тем сильнее боялась за Новикова, которого искали солдаты. Большевики показывали свое лицо. Они запросто могли ворваться к любому ворожецу и увезти, могли перевернуть в доме все кверху дном. Особый интерес они проявляли к тем, кто имел свое поместье, гостиницу, завод, контору, кто служил прежним властям. У нас не было ни завода, ни гостиницы, ни конторы, ни излишков пахотной земли. А дом, мельница, яблоневый сад вряд ли могли привлечь их внимание. Но мой брат Сергей был штабс-капитаном Смоленского полка, и это беспокоило. Мои опасения подтвердились. Как-то в начале августа в Медвежье въехала телега с тремя разморенными жарой солдатами. Сзади, болтая ногами, сидел детина в черной кожанке. Щурясь, он спросил у мужика, возившегося в огороде за плетнем:

— Где живут Алмазовы?

— А че вам надо? — поднял голову мужик. — Яблоки? Муку помолоть?..

— И яблоки, и муку, — словно пробудились солдаты.

Василий Алексеевич после работы отдыхал на веранде и встретил непрошенных гостей мирно.

— Что вы хотели?

— Твой сын ахфицер? — одетый в кожанку оголил беззубый рот.

— Он был на фронте. И вы небось тоже воевали...

— Я не воевал, — отрезал одетый в кожанку. — Я был на каторге...

— Все равно дело подневольное, — взбодрился отец.

— Ты мне политику не гони! Хде он?

— Собирает в саду яблоки...

— Пушай и нам наберет корзинку, — окончательно проснулись солдаты.

— Отойдь! — в кожанке зашел в дом.

В гостиной полез по углам, заглянул под диван, распахнул створки буфета. Подошел к книжному шкафу.

— Анка Куренина. Белиберда! Ни Ленина, ни Марксу нету...

Отец пожал плечами.

Одетый в кожанку вытаскивал и потрошил книги, стучал сапогом по деревянному полу. Толкнул дверь в детскую:

— Кака цаца!

Я вскочила и прижалась к стене. Одетый в кожанку вывалил на пол содержимое сундука, порылся в вещах. Его сальный взгляд задержался на мне.

— Вот бы хде с барышней! — провел рукой по кровати.

У меня по спине заструился холодок. Одетый в кожанку пнул дверь в комнату брата. Откуда раздалось:

— А говоришь, яблоки!

Появился в гостиной с офицерским мундиром.

— Энто мы реквизируем!

— Вы, вы, — не выдержал Василий Алексеевич.

— Ты мне тут не выкай! Понял, шукура? — щека у бывшего каторжника задергалась. — Где прячешь оружие?

— У нас оружия нет, — ответил отец.

— Энто мы проверим...

— А самогон? — загалдели солдаты.

Бывший каторжанин полез на чердак. Солдаты разошлись по дому. Я смотрела на них и думала: «Ну, ладно этот разнужданный большевик в кожанке. А солдаты? Неужели это те самые солдатушки, которым я с гимназистками писала письма, полные веры в их любовь к нам. Неужели?» И от стыда горели щеки.

Солдаты рылись в сарае, где под сеном брат спрятал наган, но его не нашли. Облазив подвал, подсобки, овчарню, они собрались на дворе. Видно было, что между делом успели напиться. Один солдат натянул на себя офицерский мундир, другой ташил корзину яблок, третий морщился и развешивал на уши лошади погоны.

— Прощай, выкало! — помахал кулаком бывший каторжанин.

— Хорошо хоть Сережу не забрали, — устало произнес отец, когда телега загремела по ухабам.

— Жандармы себе такое не позволяли! — прижалась к груди мужа Мария Адольфовна.

Меня трясло, как в лихорадке: что за напасть преследует нашу семью? При царе забрали отца. При большевиках не оставляют в покое брата. Хорошо хоть Новиков вовремя скрылся.

10

Мы жили тревожно. По городу распространялся голод, хотя склады ломились от продуктов. Магазины пустели, торговля замирала, а большевики жировали. Положили себе зарплаты, какие не снились даже прежним чиновникам. Себя называли чуть ли не новыми господами. Устраивали облавы, требовали от дворян и офицеров регистрироваться.

Я не думала, что такое возможно, чтобы на службу к большевикам пошли офицеры. Я увидела бывшего прапорщика Лебедева, который маршировал по городу впереди взвода красноармейцев. Он шел с поднятой головой, четко отдавая команды. Наверно, так же маршировал и с солдатами старой армии. А теперь... Первое желание было остановить и спросить: «Как вы можете, господин прапорщик, сначала служить одним, а теперь другим? Где ваша офицерская честь?» Но преградить дорогу не отважилась. Они бы смели меня своей массой.

Да и Лебедев вряд ли стал бы слушать меня. Они-то и людей, которых вели в чрезвычайку, не слушали.

Улышала, что на юге формировалась Добровольческая армия. В нее вливались донские казаки — донцы, и кубанские — кубанцы. Еще весной пронесся слух: добровольцы побеждают, скоро придут и освободят. И вот они вышли на московскую дорогу, освободили Харьков, взяли Киев, Одессу. До них оставалось сто верст! По меркам России крошечное расстояние. Их близость чувствовалась. Семьи коммунистов принялись паковать вещи и уезжать. Мой брат Сергей воспрянул духом. Мы были рады любому известию о движении белых.

В сентябре донской корпус генерала Мамонтова пронесся по тылам красных, побывал в Тамбове, в Ельце, в Задонске, в Землянске. Я прилежно вымеряла по географическим картам расстояние, которое отделяло нас от них. Русановы рассказывали, как в Ерофеевку (это в трех верстах от Землянска) прискакали донцы.

— Где коммунисты? — спрашивали.

Им крестьяне:

— В соседнем селе есть двое. Один в поле пашет, а другой спрятался в лозьяке.

Донцы поскакали в поле и привели коммуниста, другого выловили в камышах и увели с собой. Брат Сергей собирался примкнуть к казакам, но мамонтовцы, минуя Медвежье, прошли на Воронеж. Брат хотел ехать за ними, но, пока выяснял обстановку, Мамонтов оставил город и ушел на юг на соединение с кубанским корпусом генерала Шкуро. Воронеж снова заняли красные. Вернулся и отступивший с батальоном Лебедев. Большевики озверели и хватили всех, кто хоть как-то выразил свою радость по поводу прихода белых. Грабили, казнили, их злобе не было предела. Я не могла понять, откуда в человеке могло скопиться столько жестокости. Ведь ни в отце, ни в брате, ни в себе подобного не замечала. И лишь порой слышала от отца:

— Это все последствие того, как мы с ними обращались...

Папа был отчасти прав. Оказались бы помещики другими, пошли бы по стопам отца в тысяча девятьсот шестом году, так бы нам не мстили.

К счастью, через три недели Воронеж опять взяли белые, и жуткая вакханалия прекратилась. С приходом белых вернулось бабье лето. Весь город высыпал на мостовые встречать казаков корпуса Шкуро. Ликующие воронежцы бросали цветы, плакали. Считали, что большевикам приходит конец, и они сюда больше никогда не вернуться. В такое время мы с братом Сергеем не смогли усидеть дома, запрягли лошадь в коляску и поехали в Воронеж.

Большая Дворянская представляла собой великолепное зрелище. Дамы в нарядных платьях, мужчины в спрятанных при большевиках в сундуки мундирах запрудили мостовые. Мы оставили коляску у ограды Смоленского храма и за толпой поспешили к гостинице «Бристоль». С балкона гостиницы выступал генерал в кубанской шапке, крестах и эполетах.

— Ну что, граждане воронежцы! — генерал держался руками за перила. — Я мобилизовывать вас не буду. Кто хочет, тот сам к нам придет. Раздавать обмундирование и оружие тоже не буду, чтобы не растащили. А сначала я вас накормлю!

Из толпы раздалось: «Ура!»

Я всматривалась в военных, которые окружили генерала, на балконы слева, справа, выше, в стекла огромных окон гостиницы и искала лицо, похожее на лицо генерала, с такими же белокурыми, выщипанными волосами, но как бы более благородное, с более выразительными глазами и большим лбом. Я не сомневалась, что с добровольцами придет он. Если, конечно, к тому времени не сложил голову на полях сражений. Но в это не верила, и мои мысли оберегали его. Когда генерала сменил мужчина в штатском, я посмотрела на брата.

— Я тоже ищу, — сказал Сергей.

Мы пробрались к высоченным дверям гостиницы, где накануне находился штаб обороны красных, а теперь стоял казак в башлыке.

— Скажите, вы ничего не знаете о полковнике Новикове? — спросила я.

— Здесь штаб Кубанского корпуса генерала Шкуро.

— Ну да, конечно... О Вячеславе Митрофановиче?

— А, Вячеслав Митрофанович?.. А он собирался в газету... Чи «Курьер», чи «Телеграф» какой-то...

— Помнишь, Оленька, выходила такая газета «Воронежский телеграф». Ее большевики закрыли, — напомнил мне брат.

— А где эта газета?

— Рядом...

11

Мы поспешили к следующей двери. В узкой комнатенке за столиком с гнутыми ножками что-то писал мужчина в очках, а рядом стоял... Стоял... Мне сделалось плохо...

— Вячеслав Митрофанович, штабс-капитан Алмазов! — доложил брат.

— Ольга? — Новиков отрешенно посмотрел сквозь меня.

«Он, что, не ожидал увидеть?» — я не могла прийти в себя.

— Давайте выйдем...

— Вячеслав Митрофанович! Это я — Оля Алмазова! Вы, что, не узнаете? — чуть не заплакала.

— Узнаю, узнаю! Как же не узнать? Как? — его лицо вспыхнуло доброй улыбкой, и он произнес: — Простите...

— Что с вами?

— Моего брата Леонида убили. Вот, выкопали останки священников и среди них...

— Как?! — я зажала рот.

Вспомнила, что у Новикова брат был тоже полковником. Сразу забыла о себе, желая как-то утешить Вячеслава Митрофановича. Он попросил извинения и вернулся в редакцию готовить свежий номер газеты, а я осталась ждать, раду-

ясь встрече и вместе с тем небывало волнуясь. Он появился, но скрылся в штабе корпуса. А когда стало темно, наконец-то подошел ко мне:

— Я в вашем распоряжении!

Вокруг тысячами разноцветных ламп горели витрины магазинов, играла музыка, город гудел, словно проснувшись после долгой спячки. Я терялась, хотела предложить Вячеславу Митрофановичу повести меня в сквер к памятнику Петру Первому, в Бринкманский парк. Новиков взял меня под локоть и повернул к дверям ресторана в гостинице «Бристоль». «Зачем? Я никогда не была в ресторане!»

Мы поднялись под заполненные гомоном людей, увешанные люстрами своды.

— Ты знаешь, кто это? — Новиков показал на генерала, который пустился вприсядку по залу. — Шкуро!

Генерал, заламывая кубанскую шапку, заканчивал круг. Публика стонала от восторга. Шкуро произвел на меня сильное впечатление: с открытым, мужественным, немного простецким лицом, пронизательным взглядом, освободитель.

Когда он подошел к столу с офицерами, Новиков представил меня:

— Андрей Григорьевич, Ольга Алмазова. Добавлять что-то к фамилии считаю неуместным...

— Вам повезло, полковник! — улыбнулся Шкуро и поднял бокал: — За воронежских барышень!

Скопление офицеров, громкий разговор, бряцание саблями — все это оказалось мне в новинку. Я почувствовала себя неловко и взмолилась:

— Давайте уйдем...

Новиков согласился, и мы незаметно покинули зал. Снова окунулись в буйство уличных огней самых причудливых комбинаций. Меня покачивало от прилива чувств. Вячеслав Митрофанович что-то рассказывал про оборону красных: белые взяли город почти без боя, караульный батальон Лебедева при первых выстрелах орудий разбежался, Лебедевым теперь занималась контрразведка.

— Вы его знаете? — спросила я.

— Когда-то вместе воевали с австрияками...

— Вот как бывает! А как вы относитесь к тому, что он теперь с большевиками?

— Предатель.

В глаза бросилось, как он переживал измену однополчанина. Новиков рассказал, что ему поручено сформировать в городе Смоленский полк, и со следующего дня он к этому приступает, что добровольцы скоро возьмут Орел, а затем Тулу и Москву.

Я была на седьмом небе от счастья. Из головы повылетали все слова, которые собиралась произнести при встрече. Только за полночь мы расстались в глубине привокзального квартала, где на порожах гостиницы меня ожидал брат.

Шкуро сдержал обещание: приказал открыть забитые продовольствием склады и раздать продукты горожанам. Поделился и привезенными в обозе

мешками хлеба. Городская жизнь налаживалась. На базаре разгорелось небывалое оживление. Крестьяне опять повезли в город муку, масло, яйца. Воронежцы успокоились. В них поселилась уверенность, что отныне ни к кому не ворвутся красноармейцы, никого не ограбят и не уведут. Теперь повсюду ловили большевиков, которые не успели покинуть город.

Заработали губернская и городская управы. Улицам вернули прежние названия: проспект Революции переименовали в Большую Дворянскую, Плехановскую — в Большую Московскую. Стали возвращать хозяевам отобранные у них дома. Заводчикам — заводы. А на площади около бывшего здания губернского ЧК расчистили площадку и повесили пятерых большевиков. Среди повешенных не было ни Лебедева, ни каторжника, который проводил обыск в Медвежьем. Когда я увидела две тонкие оглобли, соединенные перекладной, на которых ветер раскачивал тела и они вращались на пол-оборота влево, вправо, я не смогла смотреть и отвернулась.

— Это им за то, что натворили, — сухо сказал Новиков.

Вид перекладки и людей, качающихся на ней, ошеломил и глубоко запечатлелся в моей памяти. Время от времени я вспоминала вытянувшихся над землей большевиков.

Вышли в свет закрытые прежними властями газеты. В первом номере «Воронежского телеграфа» появилась заметка о красном терроре, убитых монахах и полковнике Леониде Новикове, на телах которых нашли следы пыток.

12

А над заметкой крупными буквами выделялось объявление:

«Восстанавливается доблестный 25-й Смоленский пехотный генерала Раевского полк...

Запись производится в Воронеже на Большой Дворянской в помещении гостиницы «Бристоль»...

ежедневно с 10 утра до 2 часов дня и с 4 часов дня до 6 часов...

Полковник Новиков».

— Иду записываться! — выкрикнул Сергей, прочитав объявление. — Ты пойдешь со мной?

— А как же!

Мы прибежали к гостинице, около которой толпились люди, молодые и чуть постарше. Это были вчерашние студенты, бывшие офицеры, солдаты. Видно было, что среди них много удивительных смельчаков, каждого из которых хотелось обнять и расцеловать. Такие они были окрыленные! Кто-то пришел один, кто-то со своими женами, кто-то с невестами. За порядком следил вихрастый подпоручик:

— Господа! Все успеете! Готовьте сразу документы!

Я протиснулась к двери.

— Барышня! Вы в пехоту аль в кавалерию? — оглядел меня.

— Я к Вячеславу Митрофановичу...
— Он занят! — подпоручик посмотрел в комнату, где вокруг стола сгрудились военные.

— Уманец! Пропустить! — раздался знакомый голос.

В гущу людей я разглядела Новикова.

— Слушаю, ваш благородь! — произнес подпоручик по-старорежимному и помог мне войти.

— Оленька! Как вы кстати. Садитесь и будете за секретаря, — Новиков показал на кресло. — Видите, сколько желающих!

Я утонула в кресле и подалась к столу, на котором лежала кипа бумаг и стояла чернильница. Взяла ручку и макнула перо.

— Пишите, — сказал Новиков. — Мыльцев-Минашкин Мин Терентьевич, родился... Где ты, дружище, родился? Что-то запамятовал...

— Вячеслав Митрофанович, это вам не борзых на зайца пускать...

— Мы еще наохотимся! — похлопал по плечу Мыльцева-Минашкина.

— Село Поньыри Фатяжского уезда Курской губернии, — доложил стройный молодой человек.

— Происхождение?

— Сын волостного писаря.

Я старательно выводила каждую букву.

— Веселаго Всеволод Иванович, — представился другой. — Ротмистр... Смоленец...

— Это мы знаем, — Новиков склонился надо мной. — Оленька, вы успеваете? Умница! А почерк, почерк! Вижу, вы не только умелица чертить военные карты...

— Королев Лазарь Иванович, — Новиков подозвал щуплого мужчину. — Родом из села Новоживотинное. Наш сосед, Оленька. Мы плечо к плечу прошли с ним Карпаты...

Стопа бумаг росла. Записывались безусые юноши и ветераны, уже понюхавшие пороху. Я заполнила лист на Косцова Владимира Николаевича, моего брата Алмазова Сергея Васильевича, своим видом не показавшего родственную связь со мной. Все наперебой рассказывали о том, что привело их в полк. Я увидела, на каком взлете возникла Добровольческая армия. И стоило только удивляться, как быстро красные восстановили против себя столько людей.

— Хочу показать вам город! — я потянула Новикова за руку.

И мое платье поплыло по тенистым улицам. Вячеслав Митрофанович мог сказать, что знает город не хуже любого воронежца, но покорился бывшей гимназистке. Я уже не чувствовала неловкости рядом с Новиковым. Один его вид, вид героя войны, делал всякую спутницу уместной. Никакие сплетни не могли прилипнуть ко мне. Любая, невзирая на возраст, считала бы за честь пройти с георгиевским кавалером. С нами здоровались, военные отдавали честь, а я, как вырвавшийся из теснины ручеек, не могла остановиться. Может, говорила что-то сумбурное, легковесное, но на душе было радостно и светло.

— Вот дом губернатора! В таком доме мог бы поселиться генерал Новиков!
— показала на губернаторский особняк.

— Болтушка!

Конечно, он тоже мечтал о чем-то достойном, быть может, о таких же хоромах, в которых мог жить. О генеральском звании, которое украсило бы отважно-го мужчину.

— А этот человек прорубил окно в Европу! — показала на памятник Петру в окружении дубов, чьи ветви тянулись вверх, как и рука императора.

— Вы намекаете на то, что нам стоит прорубить окно в Москву?

Новиков был воодушевлен. Добровольцы шли по московской дороге. Взяли Орел. Несколько переходов оставалось до Москвы. И упоминание об императоре-победителе раздалось созвучно нашему настроению.

13

Мальчишки клеили к тумбам газету «Дело» и кричали:

— Читайте! История полка, связанного с именем генерала Раевского!

— Полк сформирован Петром Первым в 1700 году!

— Полку 219 лет!

Я повернула Новикова к тумбе.

— «Поля Полтавы, Кенигсберга, Ларн, Кагула и Рымника, — прочитала, заглядываясь на спутника. — Любимый Суворовым! Совершил чудеса храбрости в Итальянском походе... Смоленск... Бородино...»

Меня переполняло от восторженных чувств.

Рядом остановилась дама в огромной шляпе и длинном платье с узкой талией.

— «Воронежцы гордились подвигами родного полка... В 1917 году, когда армия отступала от Тернополя, смоленцы отбили атаки немцев и переходили в контрнаступление...»

— Удальцы! — воскликнула дама.

— «Доблестный георгиевский кавалер, сражающийся в рядах добровольческой армии, формирует 25-й пехотный генерала Раевского Смоленский полк».

— А скажите, кто этот доблестный георгиевский кавалер? — дама повернулась к Новикову.

Вячеслав Митрофанович поднял руку, чтобы прикрыть георгиевский бант на груди, но не успел, и только сказал:

— Мы не подведем...

Дама, восхищенно оглядев Новикова, отошла. Куда-то делись мальчишки. В эту минуту меня не сдвинула бы с места упряжка лошадей.

— Оля, я вам давно хотел сказать...

Мое сердце готово было разорваться. Я ничего не понимала и вместе с тем ловила каждое его слово. Он произнес что-то очень ласковое. Очень понятное. Меня бросило ему на грудь. Я зарыдала. Он гладил меня по голове и шептал:

— Ну, ну...

Теперь я знала, кто я ему... Через день я уехала в Медвежье. Новиков обещал приехать и просить у родителей моей руки.

Отец, услышав о моем замужестве, спросил:

— А не рано ли? Тебе бы еще гулять да гулять.

— О чем вы говорите, папа? Мне теперь гулять суждено только с одним человеком!

— Может, подождать? Хотя бы до тех пор, пока белые возьмут Москву.

— Почему вы хотите лишиться меня удовольствия въехать в Москву женой Новикова?

— Ладно... А готова ли ты, доча, быть офицерской...

Он не успел договорить, как из меня хлынул поток утвердительных слов, на что отец замолчал. Меня стали готовить к свадьбе. Заказали подвенечное платье у портнихи в Землянке, собирали приданое, уточняли список гостей. Я бредила теми торжественными минутами, когда священник в белых одеждах спросит: «Согласна ли ты, раба Божья Ольга, стать женой раба Божьего Вячеслава?» Даст несколько секунд на размышление, а я воскликну, что разверзнутся купола: «Да! Да!» Он протянет суженому кольцо, и тот наденет его на мой тонкий безымянный палец. Младший брат Алексей предложил съездить в Богоявленовку и поговорить с местным батюшкой о венчании. Но я хотела, чтобы нас венчали не в приходской церкви, а в самом большом соборе Воронежа. Договориться об этом поручили Сергею, который остался в городе и помогал Новикову формировать полк. О предстоящем венчании прознали крестьяне Медвежьего. Пришли к отцу и заявили, что в дом на праздник не просятся, но их любимицу Ольеньку Алмазову просто так в жены не отдадут. А в означенный день будут гулять всей деревней. Тогда по обычаю гуляли неделю, другую, и я этому еще больше обрадовалась.

— А если сойдутся из окрестных сел? — спросил Алеша.

— Как здорово! Пусть гуляет вся Богоявленовка, Трещевка, Ерофеевка... Весь уезд!

Мне казалось, что все вокруг переполняет радостью оттого, что Ольга Алмазова выходит за Вячеслава Новикова.

Разбег дня замедлялся. Последние лучи солнца рано задерживались в тени рощ. Уходящая лавина красок топила дубравы. В такие вечера я часто разговаривала с родителями.

— Папа, а ведь Лебедев оборонял город от белых. Как это можно против тех, с кем воевал плечом к плечу? — спросила отца.

— В смутное время все возможно, — говорил Василий Алексеевич. — Я тоже этому сначала удивился. Ведь отец Лебедева тоже сидел в тюремном замке, как и я. Но потом понял. Дело в том, что я сидел за то, что хотел раздать землю помещиков, а он за подпольную типографию. Отец Лебедева дружил с Максимом Горьким. А я избегал революционеров...

— Папа, ты против венчания?

— Что ты, детка! Мы тебя крестили и повенчаем! Знаешь, как по душе простота доверчивых обрядов...

14

По утрам я ездила на примерку в Землянск — маленький, тихий, не связанный с остальным миром даже железной дорогой городок. Большак пролегал по степи. В янтарных оправках лесополос синели поля. Медью обливало стволы сосен, а на откосах жались к земле красные листики усыхающей земляники. Очарование очей! Проселок скатывался в котловину с речкой Серебрянкой, за которой на пологий холм лезли домики, церквушки и уездные учреждения Землянска. В самой низине в пристройке двухэтажного здания военкомата квартировала портниха. Подъезжая к военкомату, я обращала внимание на снующих военных и спрашивала себя: «Неужели так же озабочен Вячеслав Митрофанович? С такими же хлопотами сколачивает полк?»

Портниха, упитанная курносая говорушка, мне постоянно льстила. Работая ли иглой, разглаживая ли складки материи, подчеркивала, как повезло мне, юной барышне, с женихом и жениху со мной. Когда же во время примерок заходила дочь землянского городского главы Мария Новоскольцева, она осыпала комплиментами и Марию. С Марией мы быстро познакомились. Мария давала советы, как подобрать фасон, где оторочить платье, где сделать разрез. Она была уже замужем, и ее муж служил рядом в уездном военкомате.

— Оленька, право, не знаю, успеете ли вы сыграть свадьбу, — как-то заметила она.

— А что-то может помешать? — удивилась я.

В словах Новоскольцевой звучали тревожные нотки, но она ушла от прямого ответа и перевела разговор на другую тему. А чего мне было бояться? Все шло как нельзя лучше. Вскоре готовое платье висело в шкафу; приданое разместились в сундуках; в подвале ждали подходящего момента соленья, варенья, съестные припасы на любой вкус; в саду вытянулся навес со скамьями для гостей; брат договорился с настоятелем Смоленского собора о венчании. Я загадывала день и час приезда Новикова и представляла, как в парадном мундире во дворе появится Новиков, как спрыгнет с коня, как пройдет по стезжке, сметая листву, как ступит в комнату к моим родителям, как попросит руки их дочери, как прослезятся отец и мать и благословят.

Я ждала Вячеслава Новикова, ждала утром, днем, вечером, ночью, изо дня в день, а вместо него прискакал его адъютант Уманец. Сразу прошел ко мне:

— Барышня! Я к вам с новостью...

— Какой?

— С венчанием придется повременить...

— Как повременить?

— Мы оставляем Воронеж...

Я ничего не могла понять. Готова была схватить Уманца за грудь и затрясти: но почему венчание откладывается? Почему оставляют Воронеж? Почему не приехал сам Вячеслав Митрофанович?

— Красные прут...

Мы в Медвежьем, как всегда, обо всем узнали позже всех.

— Вячеслав Митрофанович просил передать, что вы вольны поступить, как считаете нужным. Если пожелаете остаться, я уеду. Если ехать, я вас доставлю к нему в целости и сохранности...

Пожелаю — не пожелаю. Как я могла не пожелать! Я готова была ехать за Новиковым хоть на край света.

— Он сказал, что вам можно и переждать в Медвежьем, но уверенности, что мы скоро вернемся, нет.

Голова у меня пошла кругом. Я в смятении смотрела по сторонам. В комнату вошел отец. Он обо всем сразу догадался. Мне пришлось выдержать тяжелый разговор.

— Ольга! Не спеши. Куда ты поедешь? Ведь войска отходят.

— К Новикову.

— В качестве кого?

— Невесты...

— Ольга, образумься, там война!

— Ну и что?!

— ...Ведь в нашем кругу не принято, чтобы девушка без брака...

— Папа! Что ты говоришь, ведь ты, ведь ты...

— Оленька, доченька, — взмолилась мать.

— Что я скажу Новикову?! Что струсилась? Бросила лю... — во мне поднялось что-то жесткое. — И если я останусь, красные кинутся меня искать. Ведь весь Воронеж видел меня с Вячеславом Митрофановичем...

Сама не ожидала, что во мне проявится такая твердость. Я попросила родителей не прятать далеко подвенечное платье, не спешить раздавать продукты, приготовленные на свадьбу, не снимать навес и не разбирать лавки для гостей. Мне казалось, я уезжаю ненадолго. В саквояж кое-как затолкали мои вещи — собрали бы два чемодана, три, если бы я не воспротивилась. Тепло одели: вечером уже было прохладно. Заручились у адъютанта заверениями хранить меня как зеницу ока, перекрестили и отпустили.

Две лошади с всадниками выехали из Медвежьего. Я испытывала угрызения совести потому, что оставила родителей, но мною руководило другое: иного пути, кроме как к Новикову, у меня не было. Можно было осуждать меня за поспешность, непродуманность, взрослая бы женщина такого не совершила, но я была молода и влюблена! Долго скакали по разноцветным, словно склеенным из лоскутов, полям, пока в лучах заката не показалась дорога Воронеж — Землянск. Я увидела поток скрипучих повозок, перегруженных пролетов, отдельных всадников и пешеходов. Все двигалось в сторону Землянска.

Высматривала брата Сергея, но Уманец сказал:

— Смоленцы прикрывают отход.

— А где Новиков?

— Со смоленцами.

— Так куда мы скачем?

— Разговорчики, барышня! — неожиданно приструнил Уманец. — Раз уж решились ехать, то слушайтесь. Мы едем туда, где встретите Новикова.

Обгоняя темные очертания пеших, повозок, мы добрались до Землянска. Уже стояла глубокая ночь, и не было видно ни неба, ни отблесков на низких тучах, все сковала густая темнота. Кое-как нашли военкомат, окна которого горели слабым светом. Вокруг, несмотря на поздний час, носились люди. Я еле достучалась до портнихи в пристройке военкомата и попросилась переночевать.

Портниха оказалась на редкость молчаливой. Из ее уст не вылетело ни одного слова, какими неделю назад она расхваливала меня и мой брак с Новиковым. Но я была очень усталой и не придавала этому никакого значения. Легла и провалилась в тяжелый сон.

Утро проснулось в молочном тумане. Вставать не хотелось. Но я заставила себя быстро одеться. Около военкомата толпились люди.

— Набирают пополнение, — сказал мне Уманец.

Ко мне подбежала женщина:

— Ольга! Не узнаете? Я Мария Новоскольцева.

— Ах, да, Мария. Я вас узнала.

— Вы тоже бежите? Понятно... Ваш муж...

— Что вы хотите этим сказать?

— Моего мобилизуют...

— Куда?

— В Смоленский полк.

С ней поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, где в просторной комнате с огромным шкафом и портретом последнего российского императора на стене, а картинами Керенского и какого-то матроса в углу, за узким столом военные окружили Всеволода Веселаго.

— Вот он забирает моего мужа! — Мария показала на Веселаго, перед которым стоял грузный офицер.

— Госпожа Алмазова! — вскочил Веселаго. — Да объясните этой даме, что, если мы не заберем ее мужа, его заберут большевики. Лучше пусть идет к нам в Смоленский полк...

Я не стала вмешиваться в чужие дела:

— Где Новиков?

— Он с полком пошел на Латную — Нижнедевицк — Касторное. Это станции по дороге на Курск.

— А вы?

— Укомплектовываю взвод.

— А мне Уманец сказал, что Новиков здесь...

— Уманец, Уманец! Обстановка меняется каждый час. Полк перебросили. Буденовцы жмут...

Я услышала слово «буденовцы». Именно они ордой появились из степей и хлынули на Воронеж. Их сдерживал кубанский корпус Шкуро, а в пехотной группе отбивался 25-й Смоленский полк полковника Новикова. В полку насчитывалось четыреста добровольцев. Покидая город, смоленцы пели:

— Смело мы в бой пойдем за Русь святую!

Теперь они уже изрядно удалились от Воронежа. Я настояла, чтобы Уманец отвез меня к Новикову. Мы поскакали в сторону железной дороги, надеясь там застать Смоленский полк. С серого неба сыпал холодный мелкий дождь. На полях каркали вороны. Телеграфные столбы безучастно уходили в тусклую даль. Как мы ни погоняли лошадей, они, мокрые и грязные, вскоре перешли на шаг. Подъезжая к станции Курбатово (это между станциями Латная и Нижнедевицк), я обратила внимание на переполненный беженцами поезд. Вагоны ломились от людей. Из окон выглядывали пожилые мужчины и женщины, молодые дамы, девочки и мальчики, лица которых были полны надежды. Паровоз натужно пыхтел на путях, готовый вот-вот сорваться в бег. Но его не выпускали, пока, грохоча и выкидывая черный дым, не пронесся встречный бронепоезд.

Увидев пушки на платформах, бронированную башню на заднем вагоне, командира поезда в английской шинели, почерневшей от машинного масла, я воскликнула:

— Раздадутся залпы орудий, и буденовцы разбегутся по кустам!

— Если бы, — услышала от Уманца.

— А как же! Ведь скоро кому-то придется туго!

— Я вижу, вы неисправимая оптимистка.

— А вы?

— В молодости тоже верил в чудеса...

Мне было трудно понять адъютанта Новикова: он, что, за красных? Но в его преданности Вячеславу Митрофановичу я не сомневалась. После прохода поездов мы пересекли одноколейную железную дорогу и снова окунулись в безбрежную степь.

16

Когда проехали верст пять, с бугра в низине открылось село. Я обомлела. Вниз на версту сползал наклон и затяжным подъемом на версту лез на холм. Он был забит конниками, обозами, табунами лошадей и стадами скота. Вся эта масса медленно двигалась. После дороги на Землянск, поезда с беженцами в Курбатово я ощутила всю глубину постигшего нас бедствия. Можно было подумать, что происходит переселение народов. И над всем этим кишачим потоком сгушалась темная туча, готовая вот-вот разразиться ливнем. Мы примкнули к

колонне. Оказалось, это кубанцы перегоняют свою добычу. Я увидела, как казаки гнали колонну пленных. Пленные шли по мокрой дороге полураздетые. Среди них я узнала Лебедева. Его лицо было разбито. Он качался.

Из обоза ему кричали:

— А, попался, комендант Воронежа!

Видно было, что с ним поработали в контрразведке. У меня сжалось сердце, и мне захотелось ему помочь. Я повернула коня к проезжавшему офицеру и сказала, что Лебедев — бывший прапорщик. И что, возможно, по ошибке попал к большевикам.

Почему так сказала? Почему обманула? Во имя чего? В молодости мы все способны на непредсказуемые поступки.

Я не знаю, отпустили Лебедева казаки, освободили его красные, он умер или бежал, но на всем протяжении пути до Новороссийска я его не видела.

— Барышня, вы слишком добры! Как бы вас это не погубило, — сказал Уманец, скрыв от офицера должность Лебедева у большевиков.

Скользкая дорога, спуски и подъемы, овраги и болота тормозили движение обозов и армии. Три недели корпус Шкуро и смоленцы отходили от Воронежа до Касторной. Три недели шли восемьдесят верст, сдерживая конницу Буденного. Мы с Уманцем искали Новикова во всех попадавшихся нам на пути населенных пунктах, воинских частях, но найти не могли. Его со Смоленским полком бросали с одного участка на другой, и угнаться за ним было невозможно.

Мы встретились на станции Касторной. Касторная — узел на пересечении железнодорожных путей четырех направлений. На запад Курск, на север Москва, на восток Воронеж, на юг Донбасс. Сюда отошли белые и приближались красные.

Новиков, увидев меня, облегченно вздохнул:

— Наконец-то...

Я почувствовала себя чуть ли не героиней. А как же иначе? Ведь я его все-таки нашла! Приехала!

— Простите, Оленька, что не смог сам доехать... Нами затыкали все дыры...

Он гладил по метке на лбу коня — я узнала Дарьяла, а мне казалось, что он проводит рукой по мне. Он выглядел усталым, но из него источались свет и сила, которые помогали поддерживать смоленцев. К своему огорчению, я узнала, что белые оставили Орел и с упорными боями отходят на юг. А к радости — что предстоит решающий бой в Касторной, после чего белые снова пойдут на Москву и Воронеж.

К Смоленскому полку примкнул Веселаго со взводом, укомплектованным в Землянске. В полку собралось много земляков, которые были готовы сражаться до победы над большевиками. Вместе с Мыльцевым-Минашкиным, Королевым, Сергеем Алмазовым в полку оказались Косцов Владимир Николаевич, Златоустов Клавдий Николаевич, Флигер (муж Новоскольцевой), Шнейдер Иван Федорович. Многие из них раньше служили в полку. И о них лестно отзывался мой брат Сергей. Теперь он состоял при штабе полка на особых поручениях. Сергей спросил:

— Как родители отнеслись к твоему отъезду?

— Пожелали скорее вернуться, — отшутилась я, не желая вспоминать расставание.

Но были и такие, кто остался в Воронеже. Я обратилась к Новикову:

— А что сын воронежского городского главы Чмыхов?

— Он не военный человек, — ответил с сожалением Новиков.

Ему было неприятно сознавать, что его не поддержал давний приятель и отказался вступить в полк. В Добровольческую армию входили Корниловская дивизия — корниловцы, их легко было отличить, носили малиново-черные погоны — с шевроном, с изображением черепа и костей — на левом рукаве; Марковская дивизия — марковцы — черные погоны; Алексеевская дивизия — алексеевцы — черно-белые погоны; Дроздовская дивизия — дроздовцы — малиновые. Эти полки еще называли цветными. Они не маскировались и, как и смоленцы, уже одним своим видом устрашали врага. В Касторной я познакомилась с бородастым генералом Постовским, который одевался в солдатскую шинель. На погонах у него химическим карандашом было выведено несколько «зигзагов», что означало его звание генерала. Он командовал пехотной группой, куда входил и Смоленский полк. «Генеральский» мундир поразил меня.

— Вы удивлены, как я одет? — спросил генерал, когда с Новиковым подсказали к нему.

— Во-первых, — объяснил Постовский, — чтобы было тепло, во-вторых, чтобы красные не узнали, что я генерал. Маскировка. А у вас отличная лошадь, полковник, — обратился к Новикову. — Не бойтесь, что ее могут под вами убить?

— Не только ее, — ответил Новиков, — но и меня тоже.

На это генерал заметил:

— Напрасно вы надели полковничий мундир. Смотрите на меня: если меня поймут красные, я выгляжу как солдат. Я даже не бреюсь поэтому...

Я испытала неприятное чувство от внешнего вида командира пехотной группы. Думаю, подобное испытал и Вячеслав Митрофанович. Сколько еще случайных людей нам предстояло встретить на войне.

17

Морозило. Легкий туман застелил степь. Смоленцы пили чай, подходили к своим винтовкам, ощупывали висящие на них патронташи. Пулеметчики хлопотали у лошадей, которые, будто чувствуя, что им придется жарко, торопились жевать сено. Я с нетерпением ждала начала боя. Новиков ускакал к колокольне, где находился наблюдательный пункт. Брат Сергей строго-настрого приказал мне никуда из дома, где мы с ним остановились, не отлучаться. Но как я могла упустить такое? Я тайком выскочила из хаты и взобралась на бугор. Туман рассеивался. Я увидела, как две цепи красных вразвалочку шли в сторону станции Касторной. Слышно было, как по ним открыла огонь артиллерия, потом пулеметы и винтовки. Цепи залегли, потом откатились. Теперь цепи пошли на село

Касторное, которое было в стороне от станции. Его обороняла пехотная группа генерала Поставского. На пути цепей стали смоленцы.

— Ну, держитесь! — меня лихорадочно трясло.

Застучали пулеметы. Красные перебежками двигались вперед. По ним открыли огонь из винтовок. Вперед понеслась конная сотня. Красные покатались.

Моей радости не было предела.

— Тра-та-та-та-та! — повторяла стук заглохших пулеметов.

Через час они снова пошли в атаку. Повалили сплошным валом. Я видела, как мой брат поскакал от колокольни к марковцам — те находились на станции; как быстрым маршем прибыла рота с черными погонами; как залповый огонь разметал поток пехоты.

— Ты что тут делаешь?! — как ребенка, с бугра стащил меня брат. — Я тебе что приказал! Не будешь слушаться, отправлю в Медвежье!

Угроза подействовала. Пока бой не стих, я просидела в доме, поглядывая на купола рядом стоящего храма и невольно думая о венчании, с которым приходилось повременить. А потом дотошно расспрашивала Сергея:

— Ну, как, марковцы подоспели? А что Новиков? А Веселаго?

Красным не удалось захватить село. Но на правом фланге фронта они оттеснили конные части Шкуро и заняли станцию Суковкино, отрезав отход на юг трем бронепоездам.

Бои становились ожесточеннее. Смоленцев перебрасывали с одного края на другой спасать положение, и они не знали покоя. Новиков говорил:

— Нас кидают в пекло, а казаков жалеют!

Он валился с ног, и только Всевышнему известно, какие силы заставляли его снова поднимать полк, отбивать атаки красных и потом их преследовать. О смоленцах заговорили как о малых числом, но сильных духом. В тяжелые минуты им помогали марковцы, которые понимали, что смоленцам не дожидаться помощи от казаков: те не решались воевать даже со слабым противником. Я спрашивала Новикова:

— Почему казаки ведут себя так?

— А ты, что, не видела, какие обозы они привезли?.. Им теперь это надо довести до дома...

— Неужели и Шкуро такой?

— А разве дело в нем? В настроении казаков...

Меня отправили на станцию Касторную под присмотр коменданта, где под защитой бронепоездов находиться было безопаснее. Воспользовавшись передышкой, уехал на родину в Поньры Курской губернии Мыльцев-Минашкин, надеялся вывезти из имения родителей. Ошеломительным известием прилетело:

— Оборона смоленцев прорвана...

Меня никто не мог удержать. Я взлетела на насыпь станции, с которой открывался обзорный вид на равнину и село Касторное. Увидела, как конники скачут по улицам села и отлетают от залпов смоленцев, как снова прибежала на выручку офицерская рота марковцев, как смоленцы вытянулись из села и, от-

стреливаясь, отходили к станции, как Новиков на Дарьяле кружил в последней цепи. Я с ужасом вспомнила слова Постовского: не бойтесь, что могут под вами убить коня, полковник?

Но обошлось. Красных остановил огонь бронепоездов.

Все ждали решающего сражения, когда разобьют Буденного и белые двинутся в наступление. Марковцы и смоленцы готовы были биться до последнего. А вот казаки? Помню, много беженцев собралось на насыпи железной дороги. Они не хотели ехать никуда, надеясь, что вот-вот все изменится, красных толкнут на север и восток и люди вернуться в оставленные дома. Мною владело приподнятое настроение. Еще накануне я увидела три танка, которые сгружали на станции.

— Они им дадут!

18

Я наблюдала в бинокль с насыпи. День выдался ясный, и можно было видеть конные лавы. У меня спрашивали: «Ну что там?», «Ну не молчите же!», просили бинокль, что-то восхищенно вскрикивали, заметив хоть малое движение. Массы кавалерии маневрировали друг перед другом. Я твердила:

— Прейсиш-Эйлау... Кенигсберг... Рымник... Бородино...

И не знала, с какой битвой сравнить предстоящее сражение. В моем воображении роились варианты боя, в конце которого буденовцы обязательно побегут.

День перевалил за полдень, но кавалерийский бой не начинался. И вдруг:

— Наши отходят!

Конная масса казаков в беспорядке, рысью сдавала назад. Никто не верил. Вырывали друг у друга бинокли. Поднялся невообразимый шум. Проскакала сотня всадников со значками — изображением волчьей головы. Это был конвой генерала Шкуро. Все закутаные в башлыки, платки, с нахлобученными на головы шапками-кубанками, в бурках, скрывающих фигуры, на похудевших конях. На поле остались танки и редкие стрелковые цепи, которые также начали отход. Я разглядела генерала Постовского, который прыгнул в коляску и пустил коней в галоп. Однако не было видно, чтобы противник одержал победу, — еще гремели орудия трех бронепоездов, еще не скрылась пехота. Прискакал разъезд:

— Кубанцы не хотят воевать!.. Помахали саблями и отступили...

Во второй половине дня раздались глухие взрывы. Бронепоезда уже не стреляли: их подорвали воинские команды. От станции отходили редкие цепи с танками. Неожиданно подул ветер, небо покрылось тучами, пошел густой снег. Ветер усиливался. Я сидела у окна станционной каморки:

— Ну почему так получилось?

Не верила, что мои надежды на скорое возвращение в Медвежье, на предстоящую свадьбу, рушились. Меня успокаивал брат:

— Оля! Возьми себя в руки!

Новиков смотрел на проходящие колонны и молчал. Мне было жалко его. Он делал все для того, чтобы разбить буденовцев, и не его вина, что кто-то подкачал.

Вбежал Уманец:

— Господин полковник, буденовцы!

— По коням!

Мы поскакали вдоль железнодорожной ветки и оглядывались: не преследуют ли нас? Вскоре нагнали полк. Надо было быть осторожными, отовсюду могли появиться красные конники. Хлопьями валил снег, который с ветром обернулся метелью. Кто был одет не по зиме, натягивал на себя теплые вещи. Метель закружила вьюгой, вьюга переросла в снежную бурю. Я не могла понять: это мстят нам за поражение или, наоборот, укрывают от противника?

Мы оказались в Старом Осколе. Он чем-то напоминал Воронеж. Такой же старинный, на высоких холмах. По берегу двух речек — Оскола и правого притока Оскольца. С такими же церквушками, мощенными булыжником улицами, особняками дворян и купцов, откуда степь просматривалась на десятки верст. Оскольчане обрадовались белым, как воронежцы приходу Шкуро. В домах нас ожидали тепло и уют. Запасы продовольствия позволяли оборонять город месяцами.

В Старом Осколе нас догнал Мыльцев-Минашкин. Он был очень расстроен. Рассказал, что не добрался до родителей: красные перерезали дорогу Курск — Касторное у Щигров, что попал к дроздовцам и с ними штурмом брал занятые красными Щигры.

Как и Воронеж, белые покинули Старый Оскол без боя. Новиков предупредил:

— Предстоят тяжелые переходы, дневные и ночные, с немногими часами отдыха. Всем надо побороть усталость!

Погрузившись на сани, мы тронулись на юг. Отход становился все путанее, все отчаяннее. Из тыла до нас доходили слухи, что там царит неразбериха: штабы бегут, тыловики спекулируют, офицеры пьянствуют. Не прошло и полгода с того времени, как добровольцы победным маршем шли на Москву, а теперь откатывались.

В деревнях нас спрашивали: «Почему вы отходите? Почему не раздадите нам винтовки?» Крестьяне были сыты по горло реквизициями большевиков и готовы были помочь нам. Они вливались в наши ряды, но изменить положение уже не могли.

19

Когда мороз отпустил и начала подниматься температура, пошел дождь. Он продолжался целую ночь. Снег таял, стало тяжело двигаться. Если в голове колонны еще можно было сносно передвигаться, то в середине и в хвосте приходилось идти по густому месиву снега и земли. На санях можно было ехать по нерастаявшему снегу, но лошади выбивались из сил, и мы вынуждены были бросить розвальни и заменить их взятыми в селах подводами. К нам примыкали воинские части. Запряжки чьей-то батареи с двумя пушками и двумя ящиками со снарядами загромыхали рядом по кочкам. Стало как-то веселее. Но в одном из сел на нас напали буденовцы. Взвод артиллеристов пытался остановить их

огнем. Но конница стала обтекать фронт, чтобы атаковать с тыла. Смоленцы стали выходить из села.

Артиллеристы начали отход только тогда, когда красные всадники выскочили к орудиям. Между всадниками и конницей не осталось ни одного пехотинца. Тогда артиллеристы упряжку одного орудия погнали рысью, а другое било по коннице гранатами и шрапнелью. Первое орудие останавливали, снимали с передка, и оно начинало стрелять. Второе рысью выводили из-под удара конницы. Я вцепилась в борт телеги и с замиранием сердца следила за артиллеристами, и поздно заметила, что наш обоз отсекают. У меня перехватило дух. Неужели все кончено? И сейчас окажусь в плену?

Увидела, как Новиков стегал нагайкой направо и налево бегущих пехотинцев и кричал:

— Назад!

Но вот остановил, построил в шеренгу. Солдаты ударили залповым огнем. Артиллеристы сняли с передков оба орудия и тоже ударили по коннице гранатами. Снежно-белые, смешанные с черноземом фонтаны взлетели в небо. Конница сдала назад, и мы были спасены.

Вернувшись в село, я спросила у Новикова:

— Почему смоленцы бежали?

— Они, что, не люди? Волк бежит от стаи собак!

— Выходит, у воина тоже есть страх, — впервые подумала об этом.

— Но должно быть и бесстрашие...

Шли дожди. Погода напоминала не то раннюю зиму, не то позднюю осень. Дороги превратились в грязь. Пришлось бросить телеги, с каким бы грузом они ни были. Лишь оставили подводы с ранеными, куда впрягли еще по одной лошади. Больные боялись, что их бросят, но раненых успокаивали. С нами уходили и беженцы. Офицеры увозили свои семьи. Как жалко было видеть терпящих лишения матерей и детей. И как больно было вспоминать своих родных, оставшихся под Воронежем.

При первой возможности мы делали дневки. Скрывались от непогоды на хуторах и в степных селениях. Меня поразил один уездный город. Спустившись по крутому берегу к реке, мы пересекли бревенчатый мост и поднялись на горку. Вехали на совсем пустую площадь. В городском саду вдоль реки тоже не видно было ни души. Дома не подавали признаков жизни. Ни воинских частей, ни повозок, ни людей. Полное безмолвие и какое-то странное ощущение мертвой тишины. Из-за угла вышел старик в форме подпрапорщика старой армии. Постоял, посмотрел на нас, потом на серые тучи. И, не сказав ни слова, ушел.

Его выход подействовал удручающе. Мы остановились около двухэтажной усадьбы. Вошли в брошенный дом, в котором еще царил полный порядок. Стояли диваны, кресла. Из зала наверх вела лестница. В комнатах было холодно, но чувствовалось, что их покинули недавно. Так оказались в каком-то «ничейном» пространстве. Сергей принес дров и растопил печь. Уманец нашел в подвале вино.

— Вячеслав Митрофанович, почему мы отходим? — не успокаивалась я.

— Оленька! Как меня волнует этот вопрос. Но ответа я пока не найду. Можно говорить о предательстве казаков, о шкурниках в тылу, о бездарности генералов. Но это все не то. Мне непонятно, почему крестьяне до сих пор не взялись за вилы. Ведь в первую очередь их хотя бы закабалить большевики.

— За вилы? А в самом деле, почему?

— Как говорил знакомый вашей семьи, «власть тьмы».

Мы грелись у печи, пили вино, похожее на кагор, слушали стук дождя по крыше, и мне вспоминалось Медвежье. Когда покидали город, вдали его обтекала красная конница. Надо было снова уходить. Буденовцы шли по пятам.

Новая попытка задержать конницу Буденного не удалась. В бою было проявлено столько героизма! Многие отличились. Смоленцы стояли насмерть. Но снова казаки позволили себе оставить поле боя. Я видела, как несколько казачьих сотен со старым штандартом, трубачами и песнями потянулись мимо смоленцев в тыл, оставляли их одних воевать с красными. После этого казачьи полки стали самостоятельно покидать линию фронта. Клавдий Златоустов съездил к знакомым кубанцам на смотр и вернулся мрачным. Командир полка построил казаков и держал речь.

— Казаки! Враг напрягает все силы, чтобы вырвать победу из ваших рук! — говорил командир. — Волна красной нечисти хочет затопить освобожденные вами города и села. Смерть, разорение и голод ждут всех. В этот грозный час я призываю каждого из вас решить: будет ли он биться с красными или предпочтет воинскому долгу хату и юбку казачки...

Видимо, полковник не думал рассмешить кубанцев. Но рассмешил.

— Все, кто остается со мной верным долгу, становись за меня! А кто нет, езжай до дому...

Из каждой сотни сворачивало к полковнику по пять — десять всадников. Остальные с песнями ехали прямо. Теперь на казаков рассчитывать не приходилось. Имена их командиров, недавних кумиров — Шкуро, Мамонтова — померкли в моих глазах. Я уже не приходила в восторг, вспоминая речь Шкуро на балконе гостиницы «Бристоль», его танец с кубанской шапкой.

20

Мелким дождем вперемешку со снегом окончательно удалась глубокая осень, и помела колючая поземка. Степь покрылась снегом и выглядела как-то особенно грустно. Ветер пронизывал до костей. Кони выдохлись и ступали уныло. Они стали мохнатыми, обросли длинной шерстью. Ездовые давно не чистили и не стригли их, разве что Дарьял под Новиковым выглядел более пристойно. Тянулись ежедневные бои, которые вечером прекращались, и войска откатывались, чтобы снова с утра принять бой и ночью отступить. Новиков с полком метался от села к селу, от переправы к переправе, от станции к станции. Порой от него самого ва-

лил пар, как от тройки лошадей. Но, несмотря ни на что, белые отходили. Войска словно научились искусству отступать без суеты, будто меняя позицию.

— Удивительные люди мои солдаты и офицеры! — восхищался Новиков. — Немного отдохнули и наутро словно переродились.

Все печали оставались позади. Звучал громкий говор, ржали кони, полк дружно снимался с места. В часы привалов Новиков отдыхал только после того, когда были выставлены все посты и он узнавал, что все накормлены. Он не жалел ни своего, ни чьего добра ради смоленцев. Еще до прихода полка высылал в населенные пункты разведчиков раздобыть провиант и приготовить жилье. А ложился спать тогда, когда все легли, лично не раз проверив охранение.

Помню, как остановились в захудалом селе. Смеркалось, накануне прошел странный для декабря дождь, и была гололедица. Я вышла из дома. У колодца Новиков поил Дарьяла — адъютант Уманец свалился после утомительного перехода. Новиков кутался в шинель.

— Оля! Может, вернетесь домой? Я дам вам надежного провожатого...

Не знаю, что привело его к такой мысли. Может, то, что накануне несколько смоленцев ушли из полка. Они честно сказали, что воевать устали, и он не стал их удерживать, видел: силы и нервы сдали. Может, посчитал, что мне тяжело, и не хотел более подвергать испытаниям.

— Вячеслав Митрофанович (я никак не могла заставить себя обращаться к нему только по имени)! Как, как вы могли...

— Извини, я... Мне тяжело видеть, как ты...

Мы вернулись и легли спать под утро. Не раздеваясь, а только сняв верхнюю одежду и сапоги. Этой мерой предосторожности мы не пренебрегали: в любой момент могли нагрянуть конники врага.

Наше положение осложнялось. Полк, охватываемый с трех сторон, часто отступал напрямую по полям. Чтобы не рисковать ранеными и больными, Новиков отослал хозяйственную часть в Купянск — городок в глубоком тылу. С обозом отправил и меня. Нам повезло, мы без приключений добрались до Купянска — городка на уже знакомой мне реке Оскол. Мы сгрузили больных в лазарет и наконец почувствовали облегчение: люди попали к врачам, а мы на отдых.

В тупике станции Купянск стоял вагон со штабом командира Алексеевского полка. Меня представили командиру полка Бузуну — сухощавому, подтянутому капитану со знаком Первого Кубанского похода на мундире. Похода, с которого началось добровольческое движение. По виду ему можно было дать лет двадцать семь. Он был чуть моложе Новикова. Узнав, что у капитана молодая жена, я обрадовалась. В качестве подруг командиров полков я оказалась не одинокой. Ванда Иосифовна — стройная, на вид еще юная дама в черкесске и в погонах ефрейтора — тоже носила знак кубанского похода.

Они обласкали меня, и я каталась на их тройке лошадей с настоящим старорежимным кучером.

«Вот так бы с Новиковым!» — мечталось мне.

Но Вячеслав Митрофанович не покидал полк, а капитан Бузун со штабом предпочитал передвигаться отдельно от алексеевцев. Вскоре обоз Смоленского полка направили дальше, на станцию Лиман.

С хозяйственной частью я добралась до Лимана, куда привезли раненого Новикова. Когда на носилках внесли его в дом, он был без сознания. Из-под одеяла выступал черный от йода бок. У меня внутри все оборвалось.

— Вячеслав Мит... — кинулась к нему.

От крика он пришел в себя. Кожу на лбу подернуло. Он слабыми руками попытался натянуть одеяло. Дотронулась до лба — лоб горел, провела по щетине на щеках, подбородку. Смочила платок водой и приложила к сухим губам. Боролась за Новикова с отчаянным упорством. Сутками не отходила от кровати. Накрывала овчинным тулупом, который постоянно сползал. Снимала с себя фуфайку и клала поверх. Как волчок, вертелась вокруг. Если губы шептали: «Пить», бежала за фляжкой с водой; если приходили перевязать рану — помогала разматывать бинт вокруг живота и бедра и наложить новую повязку. И долго-долго согревала в своих руках его холодные кисти.

21

Уманец рассказал, как ранили Новикова. Проходя станицу, смоленцы не заметили, что их обошли красные. Лава неожиданно устремилась на полк. Новиков приказал построиться в две шеренги. Конница с красными знаменами неслась на смоленцев. После первого залпа в гуще конников началось смятение. После второго — кони понеслись во все стороны без всадников.

Но тут сзади раздались крики ура.

Красные ударили в тыл. Полк разбило. Часть полка отступила к окраине и оттуда в ложину. Взвод Веселаго заметался между плетней. Новиков взлетел на бугор, чтобы осмотреться. Увидел скачущих буденовцев. Закричал своим:

— Назад!

И тут снаряд разорвался у подошвы бугра. Кто-то вскрикнул:

— Новикова ранили!

Командир сползал с Дарьяла. Взвод без приказа собрался в кулак и бросился в контратаку. Красные уже взбежали на бугор, когда смоленцы вынесли раненого и вывели коня.

— Точно выстрелили артиллеристы! — закончил рассказ Уманец. — Небось, под командой какого-нибудь офицера. Чтоб его замучили на Лубянке!

Я со стыдом вспомнила свой поступок, когда попросила освободить Лебедева. Проявила доброту. А вот в отношении дорогого мне человека ее не проявили. Неужели такой же Лебедев послал снаряд?

Новиков стремился вернуться в строй. Превозмогая боль, дни напролет разрабатывал ногу, пытался вставать на колени, потом на четвереньки. Когда первый раз попробовал подняться в полный рост, то повалился на спину и долго лежал.

А по ночам ему часто снился один и тот же сон, который он рассказывал мне по утрам: будто с шашкой ходит по сплошь засаженному капустой полю. Охотится за зайцами, которых видимо-невидимо. Но никак не может зарубить ни одного, хотя их тьма-тьмушая шмыгает между ног. Он замахивается на одного, тот исчезает, кидается за другим, тот убегает, за третьим — тот растворяется в кочане, четвертым — он на глазах удесятеряется, и не знаешь, кого из них рубить.

«Образно», — думала я, ассоциируя зайцев с буденовцами.

А потом, чтобы как-то сгладить гнетущее впечатление, смеялась:

— А мне снится сад в Медвежьем. Лошадь ходит, ходит. Высоко задирает морду и срывает с веток яблоки... Жует, жует...

Силы понемногу возвращались к Новикову, и мы с адъютантом повезли его в Ростов. От Лимана железная дорога отходила на Харьков, Купянск и Дон. Харьков и Купянск были уже оставлены белыми. Мы решили ехать на Дон. На носилках внесли Новикова в переполненный беженцами и военными вагон, заставили освободить нижнюю полку, уложили на нее. На верхней ворочался бледный поручик, который непрестанно что-то бубнил. Долго ждали отправления. Боялись, вдруг поезд не пойдет. Наконец раздался первый звонок, потом второй, третий, и состав тронулся. Все погрузилось в тишину, только слышались песни солдат в других вагонах и бурчание поручика. Я устроилась в ногах у Новикова и смотрела в окно на заснеженные поля. Меня преследовали муки совести, что так опрометчиво поступила с Лебедевым.

Новиков заметил мои переживания и спросил:

— Что вы, Оленька?

Стараясь, чтобы нас никто не услышал, я рассказала ему о своем поступке. Он помолчал, а потом сказал:

— Главное, что вы поняли свою ошибку...

И закрыл глаза. А меня съедало чувство досады: как я могла? Как?

Вдруг с полки свесился голый по пояс поручик и закричал:

— Стреляйте мне в голову!.. Стреляйте!..

Мне показалось, что он пьян или у него помутилось сознание.

— Не хочу жить!.. Стреляйте!.. Они всех моих перебили!.. всю жизнь опустошили!.. Стреляйте!..

Новиков открыл глаза:

— Возьмите себя в руки!

С полки напротив вскочил Уманец:

— Слушайте, здесь у всех кого-нибудь... Каждый пострадал...

Он силой вдавил поручика в глубину полки.

На пятые сутки мы добрались до Ростова. Медленно кружась, на перрон падали снежинки и замирали, словно подчеркивая окончание нашего пути. Ростовский вокзал поразил размахом. На путях жались эшелоны. Из зашторенных окон одного первого классного вагона слышалось: «Пей до дна!», «Пей до дна!» Огромные вокзальные залы, длиннющие коридоры, багажное отделение пре-

вратились в лазареты, где лежали вповалку люди. На каждом шагу надо было обходить кого-нибудь, прикрытого шинелью, переступить через чьи-то руки, ноги.

«Кому гульба, а кому стоны».

Мы выбрались на привокзальную площадь. Ее забило вереницей подвод и колясок, у которых зябли понурые возницы. Поручик помог донести носилки с Новиковым до коляски и попрощался.

— В госпиталь! — скомандовал вознице Уманец.

— А якой? Здесь их...

— Любой...

В госпитале Новиков начал подниматься. Уже мог сделать несколько шагов. Сказывалось его недожизненное здоровье. Опираясь на палку, выходил на улицу. И прислушивался: не раздастся ли артиллерийская стрельба? Его не покидали думы о смоленцах. А когда ему стало еще лучше, мы спускались от кафедрального собора вниз на набережную и смотрели на уходящие вверх по Дону лодки и корабли. Как-то выбрались поужинать в гостиницу «Палас». Зал ресторана заполнила шикарная публика. Дамы в вечерних туалетах с сумочками из бархата с серебряными замками, кавалеры в заморских костюмах, офицеры в парадных мундирах. Едва мы присели к столику, как к нам потянулись руки с бокалами: полковника Новикова узнавали и теперь приветствовали командира и его «жену». Меня охватило смешанное чувство. С одной стороны, приятно: оказана такая честь, а с другой — коробило: кто воздаст хвалы боевому офицеру, достойный человек или тыловая крыса, для которой смоленцы не более чем пушечное мясо. Вынуждена была улыбаться, сдерживаться, чтобы не вылетела какая-нибудь колкость, и ждать, когда удастся покинуть погружавшуюся в пьяную оргию ростовскую знать. Посетили театр, где в партере встретились с командиром алексеевцев Бузуном — его недавно произвели в полковники — и несравненной Вандой Иосифовной. Бросилось в глаза, что новые позолоченные погоны мало радовали первопоходника. Что-то более важное тяготило новоиспеченного полковника.

22

То морозило, то шел дождь. Я представляла, как тяжело тем, кто в боевых порядках теперь откатывался к Ростову. В город стекались воинские части. Десятками и поодиночке прибывали одуревшие от усталости люди. Известия с фронта не радовали. Фронт ежедневно откатывался на двадцать — тридцать верст. Конница Буденного двигалась на юг, разрезая добровольческие и казачьи части.

В конце декабря в Ростове появились оставшиеся в живых марковцы, и мы узнали о разгроме дивизии при отходе из Донбасса. Это был удар для Новикова. Потери усиливали тягостные ощущения. Еще красные были в двухстах верстах от Ростова, как город наводнили целые сотни и отдельные конники, улизнувшие с фронта. Их никто не останавливал, не выяснял, хотя стоило бы с дезертирами разобраться... И вот что-то изменилось. По городу пошли танки, отходившие от Новочеркаска.

Проносились на юг бронепоезда. В казенных учреждениях закипела работа. Из лазаретов выносили раненых и больных. Все это наваливалось на телеги, грузилось на автомобили и везлось на переправы и станции железной дороги.

Мы ждали смоленцев до последнего. Когда уже были взорваны мосты через Дон, прискакал брат Сергей, и мы поспешили к однополчанам на переправу. Лед скрыло снегом. Конники двигались по льду, который ходил под ними ходуном. Лошади тянули брошенные бегущими солдатами пушки. Пехота врассыпную обходила полыньи.

Я словно оглохла: все видела, все слышала, но ничего не чувствовала. Топот копыт по льду, разрывы, команды. Зловещие отблески холодили душу. Уманец кричал:

— Тпр-ру!

Наша упряжка лошадей увернулась от полыньи и чуть не пошла под воду. На горе, облитой солнечным светом, который отражался на куполах кафедрального собора медным блеском, оставался покидаемый город. Как горные реки, извивались колонны войск и обозы среди ровного снежного поля. Со смоленцами реку перешел Алексеевский полк. Полковник Бузун встречал солдат на левом берегу. Он переехал по еще не взорванному железнодорожному мосту в штабном вагоне. Дроздовский полк ступил на лед следом за нами: сначала пехота, потом артиллерия.

Смоленцев разместили в Батайске. В этот город стекались беженцы. Кого из них ссадили на последней станции перед Ростовом — сзади наступали большевики, — и они с мешками успели перейти Дон. Кто бежал из Ростова и теперь направлялся дальше на Екатеринодар. Кто — на побережье Черного моря.

Теплые дома, какой-никакой уют оживили смоленцев. Они взбодрились, обрадовались возвращению командира. По их долгим разговорам можно было судить, как истосковались они друг по другу. После ранения Новикова полку пришлось отходить по заснеженным степям, отбивать атаки конницы, вступать в стычки с «зелеными». Лазарь Королев рассказал, как чуть не попал в плен. Его с пятеркой солдат выслали вперед, чтобы проверить, нет ли на пути буденовцев. Они заехали в какой-то хутор. Попросили у местных жителей что-нибудь из еды. Их встретили враждебно: оказывается, накануне у них побывали «шкуринцы» — казаки генерала Шкуро — и отобрали лошадей.

— Выходит, казаки еще с нами? — спросила я.

— Да как сказать... Остатки...

Королев продолжал:

— Тут появились «зеленые» и предложили сдать оружие. Силы были неравные. Но пришлось сказать, что оружие не сдадим и, если прозвучит хоть один выстрел, сожжем село. Подействовало: «зеленые» разъезд не тронули.

Все устраивалось к лучшему. Оставалось только сожалеть, что не осуществились планы добровольцев: собирались справить Новый год в Москве, а отметили в Батайске.

Две недели красные пытались форсировать Дон, думали, что это им удастся так же легко, как захват Новочеркаска и Ростова. Цепями переходили замерзший Дон. Смоленцы отступали, затагивая пехоту на равнину, и потом контратаковали и гнали врага до самого Дона. Смоленцы, как и дроздовцы со своим командиром полковником Манштейном, которого красные прозвали «одноруким чертом», совершали вылазки на другой берег. Наводили много шума и возвращались. Потом вечерами при свечах под диктовку Новикова писали подметные письма «Ульянову-Ленину» от «запорожцев Деникина»: «Что же ты, Володимир Ульянов, со свиным рылом да в калашный ряд?» Конечно, эти письма, как и мои весточки домой, до адреса не доходили. Почтовая связь обрывалась на линии фронта.

Восьмого февраля шаткое затишье прервала канонада. Белые прошли обрамленную сухим камышом и сугробами низину, рассеченную ледяными плещинами замерзших озер и маленьких речек. После ураганного артиллерийского огня и штыковой атаки добровольцы ворвались в Ростов. В первой цепи бежали смоленцы. Сбив с ходу противника, мы захватили много трофеев, повозки с патронами и пулеметными лентами, ящики с новыми винтовками, бронепоезда. У добровольцев появилась надежда снова погнать красных и уже не останавливаться ни в Касторной, ни в Орле ни за что!

Но судьба была безжалостна, она как бы шутила над нами. Не успели еще расположиться на новых квартирах, как поступил приказ: вместо продолжения наступления оставить Ростов и отойти в Батайск. Десятого февраля мы без боя оставляли Ростов.

23

Красные изменили тактику: атакывали цепями пехоты и полками конницы, но сразу же откатывались назад. Словно прощупывали нашу оборону. А тем временем на реке Маныче, что правее Батайска, шли затяжные бои, там красные из калмыцкой степи выдавливали белые части. Неожиданно началось отступление от Ростова, и мы двинулись на Переславку. Новиков, с еще не зажившей ногой, не покидал седла. Ему нужно было организовать колонну, выставить охранение, а припадении красных успеть построить полк в каре. Дарьял под ним носился в мыле.

В ту зиму свирепствовал тиф, которым я заболела в Батайске. Новиков искал для меня теплую хату. Станичники при одном моем появлении хитрили, охали и прикидывались, что сами больны. Но Новиков никого не слушал, и меня размещали там, где мне было удобно. Доставал молоко, мясо, меня кормили, лишь бы я скорее выздоровела. Единственное, что смущало меня, — это покрытая платком голова: болевших тифом стригли наголо. Теперь я обращалась к Вячеславу Митрофановичу: «мой брат милосердия», а он ко мне: «моя сестра».

В своем дневнике я записала:

«... 16 февраля. В станице светает. Рассеивается туман...»

Я куталась в фуфайку у окна. Вдали проступили стены разрушенного вокзала и окружавшие сожженные постройки. Прискакал Сергей:

— На околице красная кавалерия!

Новиков выскочил из соседней комнаты и приказал выдвинуть конную сотню смоленцев. Я спрятала тетрадку и поспешила в обоз. Тем временем конная сотня сходила атаковала головную лаву противника и отошла перед следующей. Лавы разворачивались и снова устремились на станицу. С колокольни раздалось:

— Лава слева!.. Лава справа!..

Это кричал Косцов. Все смешалось. Я на санях хлестала лошадей, бросала вожжи, хватала винтовку и стреляла в конников, которые повернули за обозом. Сердце готово было выпрыгнуть.

«Неужели сейчас схватят? Они не пожалеют подругу командира!» Било в пот. Сани летели. «Неужели?» Но вдруг конники резко ушли в сторону. «Мне опять повезло!» В лощине у железнодорожной насыпи ко мне подскочил Новиков. Не успела я обхватить его за шею, как надо мной раздался хриплый голос Шнейдера:

— Взвод Веселаго смяли!

Новиков расцепил мои руки и показал на вокзал:

— Будь там!

А сам выхватил револьвер и поскочил на выручку. Меня уже не трясло, как прежде. Я залезла на крышу багажного отделения, наводила винтовку на движущиеся цели в буденовках и стреляла. Упал один. Согнулся другой. Где-то запыхтел паровоз. К станции подлетел пассажирский поезд. Смоленцы группами и поодиночке стекались к составу. Быстро разместились в вагонах, подняли раненых (привезли Веселаго, у которого прострелили плечо), и поезд тронулся. На вагоны вытащили пулеметы, и они поливали лавы красных. Конная сотня смоленцев потянулась за поездом под прикрытием пулеметного огня. На разъезде нагнали санитарный поезд, который направлялся в Кисловодск. Туда перенесли раненых и Веселаго.

На станции Переславке простояли двое суток. Эти двое суток позволили мне окончательно поправиться. В то время на поездах вывозили офицеров из Ейска — города на побережье Азовского моря. Ходили слухи о готовившейся там расправе над ними. Когда офицеров вывезли, смоленцы покинули станцию и двинулись вдоль железнодорожного пути на юг.

Гуляла распутица. Дороги превратились в засасывающую трясиину. Видела, как в грязи увяз обоз с орудиями. Солдаты хлестали лошадей. Но те не могли вылезти из топи. Лопались построжки. Ржание лошадей и крики людей смешались с далеким буханьем орудий. Впереди в единый поток стекались калмыцкие кибитки. У железнодорожного полотна валялись сброшенные с прошедших поездов трупы людей, от вида которых становилось совсем не по себе. По телам сновали галки...

Мне не стало смешно, когда с мостка свалился в яму зять землянского главы Флигерт. Его еле вытащили. Бедняга! От него не раз слышала: «Не верю в победу», «Бороться дальше бессмысленно», на что Новиков отвечал:

— Где же вы видели, господин Флигерт, чтобы победа давалась легко?

— Но нас гонят и гонят...

— Что гонят, согласен. А вот что мы проиграли, это еще по воде вилами писано!

Шли сплошными полями, пропадавшими в стелющемся тумане. По дорогам и без дорог. Шли медленно, вздрагивая от холода и таща ноги в разбухших, налитых водою ботинках и сапогах. Я удивлялась: только перенесла тиф, а меня не брали ни холод, ни сырость. В редкие стоянки мы забивались на дневку или ночевку в хаты станичников, сушили портянки, обувь, отогревались, чтобы потом снова двинуться в путь.

Я увидела необычную картину — спящую батарею. Лошади стоят и спят, ездовые на них спят, как заколдованные. Все как бы застыло, не желая пробудиться. Возникшее ощущение нереальности окружающего мира, того, что не понять и не объять душой, превратилось в мимолетную сказку. Спрашивалось: все, что вокруг, это наяву? Или это все мерещится, весь этот испепеляющий бег от Каспорной. И захотелось в Медвежье, в сад, под яблоню, в сладкий сон.

24

Показались очертания Кавказских гор. Движение облегчилось, наступившее дневное тепло позволило снять тулупы, фуфайки, шинели, легче шли ноги. Весеннее солнце осушало дороги, свободнее вращались колеса пушек и подвод. Когда мы переходили мутные реки, из плавней на север устремлялись косяки гусей. Я заглядывалась им вслед и загадывала желания: отнесите, пернатые, весть в Медвежье отцу и матери.

У станицы Славянской мы вышли на шоссе — кончилась власть грязи — и двинулись, как по паркету. Справа от шоссе за железнодорожной насыпью разгорался бой, лопались шрапнели. Но на это никто не обратил внимания, нам надоело, не задумываясь, кидаться из огня да в полымя. Новиков ехал на Дарьяле, иногда шел пешком. Во время его ранения осколок угодил коню в мякоть зада. С тех пор Дарьял слегка хромал, но временами выправлялся и шел ровно.

Меня поразил один офицер в форме капитана. Он обогнал нас за Славянской.

— Командир роты... — сказал Новиков.

Капитан шел быстрым шагом, несколько горбясь. Кто-то из смоленцев спросил капитана:

— А где рота?

— Рота, за мной! — почему-то скомандовал капитан, махнул рукой и заспешил дальше.

Стало понятно, что от его роты не осталось никого. В этой обстановке наезжали проверяющие из штаба корпуса. Приехал маленький полковник в пенсне и белых лайковых перчатках. И заставил устроить смотр. Новиков нехотя подчинился. Роты в своем малом составе проходили мимо холма, где стоял полковник.

— Здорово, смоленцы!

— Здравия желаю, господин полковник!

Но в этот момент раздался визг, заглушивший голос смоленцев. Визг продолжался. Штабной полковник стоял, не зная, что сказать. Новиков вдруг зажал рот рукой: в повозке обоза трепыхался мешок, в котором бился поросенок.

— Позор на всю дивизию! Позор на весь корпус! — замахал перчаткой полковник.

— Да пошел... — не выдержал Новиков.

И приказал первой роте сворачивать на дорожный тракт. Следом повернула другая рота. Где-то звучала канонада. Поросенок визжал, потешая забывших о субординации смоленцев. Полковник стягивал и натягивал перчатки, а потом незаметно исчез, как когда-то с поля боя под Касторной генерал Постовский. Больше в полк проверяющих не присылали.

Ближе к горам грунт подсох, сделался каменист, и двигаться стало еще проще. Грязь больше не держала ноги, колеса повозок и орудий. По сторонам дороги тянулись обозы, между которыми гнались табуны лошадей и стада скота. С кучами чемоданов на повозках ехали беженцы. В станице Крымской чувствовался восток: кипарисы, серп луны между ними и звуки зурны. Но в этом восточном уголке нам не получилось задержаться: не позволяла обстановка. 9 марта белые сдали станцию Тихорецкую, 17 марта — Екатеринодар. Поэтому Крымскую смоленцы покинули сразу.

Постепенно дорога начала подниматься. Еще невысокие, поросшие лесом с густым кустарником горы тянулись в направлении высоких голубых вершин, видневшихся на горизонте. Путь пролегал по узкому ущелью: справа и слева темнели заросшие лесами склоны. Свернуть в сторону было некуда. В довершение налетал дождь.

В некоторых местах нужно было подниматься в крутую гору. Поднимались по очереди: повозка за повозкой, телега за телегой. Припрягали еще лошадей. И так двигались от перевала к перевалу. Подъем в горы пехоте давался легко. Тяжело было батареям. Ездовых заставляли выжимать из лошадей остатки сил, чтобы спасти орудия. Но на крутых подъемах кони сдавали. Пушки бросали, спуская их под гору, и они с грохотом летели в пропасть.

Мы двигались без привала, полуголодные, без корма лошадей. В Верхне-Баканской остановились. Приказано было организовать оборону. С вечера заметили колонну красных, спускавшуюся с гор. Расположились вдоль изгородей и завалов и ждали появления противника. Местность была ровная, как стол, с обрывами по краям, так что скрыться было некуда. Красных подпустили на двести шагов и встретили убийственным огнем. Потом погнали и с ходу опрокинули шедший им на подмогу батальон.

Верхне-Баканскую переполнили обозы с ранеными. Санитарки, люди, обмотанные бинтами, просили нас забрать их с собой или пристрелить. Все боялись приближения красных. Мои уговоры взять обоз с ранеными на Новикова не подействовали.

Он сухо отрезал:

— Надо выводить полк.

Услышав это, я поняла, что еще не решена судьба смоленцев и не время заниматься спасением других. При одной мысли: перережь красные эту последнюю дорогу — сколько бы осталось в плену, — мне становилось страшно, и я отводила от беспомощных людей глаза.

С рассветом мы вышли к дороге на Новороссийский перевал, за которым уже было море. В преддверии Новороссийска на станции Тоннельной попали под обстрел «зеленых». По нам повела огонь батарея. Облачка розового дыма быстро таяли в воздухе, не причиняя вреда. Но разорвавшийся справа снаряд испугал лошадь, она рванула вбок, и я чуть не вылетела из повозки. Ранило извозчика — отчетливо услышала удар осколка в спину, за которым последовал выкрик: «Я ранен!» Перебинтовав возницу и уложив к раненым, сама взялась за вожжи. На спусках от разрывов многие телеги переворачивались. Спуск оказался настолько крут, что орудия вместе с упряжками кувырком летели вниз. Но мы с обозом благополучно миновали Тоннельную.

25

Перед нами предстала величавая картина: горы без всякой растительности, все тусклого цвета, охватили громадную бухту со сползающими к морю вереницами домов. Корабли, как игрушечные лодки, маячили по синей глади, уходившей за горизонт. У меня захватило дух. Я впервые увидела море! Мое тайное желание посмотреть мир исполнялось!

Мы пытались организовать оборону Новороссийска. Еще боеспособные части расположили по хребтам гор. Смоленцы заняли перевал в долину к Анапе, где уже появлялись разезды красных. Я лежала среди камней на пронизывающем ветру и высматривала всадников, которые быстро выскакивали из лесной хмари и стремительно скрывались. С некоторых пор считала для себя долгом не только уметь перевязать раненого, но и первым же выстрелом снять с коня противника. У меня это получалось с переменным успехом, но день ото дня я набивала руку и все реже промахивалась.

Внизу проходили полк за полком и скрывались в окраинах Новороссийска. Двигались повозки с беженцами и ранеными. Я волновалась: «Все уходят. А мы? Если что, неужели нас забудут? Пожертвуют нами ради спасения других?» Но успокаивала вера в Новикова: он этого не допустит. Он найдет выход из любой ситуации. Так я считала и беспредельно доверялась Вячеславу Митрофановичу.

Вечером в городе запылала ангары: подожгли переполненные интендантские и артиллерийские склады. Яркие смерчи отрывались от земли. Пламя быстро разрасталось: вскоре столб огня в версту шириной поднимался прямо к небу, а на уровне вершины гор дым ломался и уходил в море.

Я всматривалась в переполненные беженцами корабли, которые стояли в бухте. За время стоянки они бы могли сделать несколько рейсов в Керчь, в Феодосию, выгрузить там беженцев и вернуться, но они почему-то стояли недвижимо, перегруженные народом. Самое большое судно — английский дреднот

«Император Индии» — стреляло из бухты в направлении Тоннельной за восемнадцать верст. Выходило, что красные были уже на подходе к Новороссийску.

Наконец пришел приказ оставить позиции и спешно идти на погрузку. Новиков запрыгнул в седло и скомандовал:

— В порт!

Новороссийск напоминал разворошенный улей. Город, переполненный свыше всякой меры, стал буквально непроезжим. Весь железнодорожный путь был заставлен вагонами. Некоторые из них вздыбились, как огромные животные в стаде. Бронепоезда, пущенные под откос, взорванные, изуродованные столкновением, являли жуткую картину. Все видимое пространство было забито обоими, артиллерией и массой кавалерии, уходящей по берегу моря к Сочи.

Мы проезжали мимо лазаретов. Раненые на костылях умоляли нас взять их с собой.

— Братцы! Не дайте погибнуть!

Кто-то торопливо рвал зубами бинт, сдирал рубаху, бордовую от запекшейся крови. Смоленцы проходили мимо с опущенными головами. Мучила совесть, но у них самих не было уверенности, что удастся сесть на пароход. Пройти на набережную из-за толпы было невозможно. Пришлось двигаться вдоль догорающих ангаров, откуда мародеры тащили обмундирование, ящики, чемоданы. В другой бы раз смоленцы остановились бы и навели бы порядок, но теперь было не до грабителей. Наконец выбрались к пристани, где к причалу прижались пароходы. Когда я увидела заполненные палубы кораблей, у меня сжалось сердце: куда нам деться? Новиков приказал:

— Расседлать и разнуздать лошадей. Мы их оставляем.

— Как? — раздалось у возниц и всадников.

Я видела, как снимали уздечки и седла и отпускали лошадей. Они примыкали к другим, которые забредали в море, отфыркивались и сердито били по воде передними ногами. На камнях валялись трупы коней, которых хозяева не захотели оставить противнику живыми. Новиков вертелся на Дарьяле, кого-то ища. Подскакал Сергей и показал на пароход «Николай»:

— Нам велено грузиться...

Новиков повернул к пароходу, у трапа которого стоял юнкер с винтовкой. Подняв коня на дыбы, осадил Дарьяла.

— Капитан! — закричал бородачу на капитанском мостике. — Сажай смоленцев!

— Я больше не могу взять! — ответил в рупор бородач.

— Как не можешь?!

Бородач всполошно махал руками.

— Возьмешь! — Новиков выхватил наган.

Презрительно глядел на заполнившую палубы публику в штатском, среди которой только изредка виднелась военная форма.

— Судно перевернется! — кричал капитан.

— Не пожалею последних патронов! Мы с позиций пришли! И разговаривать долго не буду!

На пароходе все стихло. Новиков скомандовал:

— Заряжай!

Смоленцы вскинули винтовки. Щелкнули затворы. Юнкер спрятался за трап.

— Даю минуту на размышление! Дальше возьму пароход штурмом!

На капитанском мостике возникла суматоха. Кто-то кинулся вниз, кто-то в кубрик.

— Ладно, — прохрипел капитан.

Смоленцы двинулись к сходням. Сначала понесли носилки с ранеными. Новиков соскочил с коня. Обнял Дарьяла за шею, прижался к гриве, вложил в его ухо наган и... спрятал пистолет в кобуру. Не смог выстрелить. Поцеловал в прозвездину и, пряча глаза, шагнул к кораблю, уже дымившему едким дымом. Смоленцы уплотнили забивших палубу пассажиров. Противно было слушать возмущения напудренных дам, их обрюзгших спутников. Где резким словом, где локтем, а где и угрозой оружия, смоленцы освободили место под носилки и разместились сами. На пароходе встретили алексеевцев. Полковник Бузун со своей супругой Вандой Иосифовной и тут удачно устроился и занимал отдельную каюту, в которую пригласил нас с Новиковым. Я не верила, что спасена, приткнулась к перегородке каюты и хотела рыдать. Грудь так и вздрагивала. Отчего? От всего плохого и хорошего...

26

На дредноуте «Император Индии» началось оживление, как будто там проснулись. Грозные орудийные башни пришли в движение, направляя куда-то жерла пушек. Сотрясая воздух, раздались выстрелы из двенадцатидюймовых орудий. На верхнем мостике появилась фигурка, делающая ритмичные движения флажками. Это был приказ пароходу «Николай» и другим кораблям сниматься. Но тут, расталкивая всех, по лестнице «Николая» на капитанский мостик взлетела группа возбужденных офицеров в малиновых фуражках. Это были дроздовцы. Один из них — однорукий офицер — махал никелированным револьвером. Я узнала в нем командира 3-го Дроздовского полка полковника Манштейна. Оказывается, наш переполненный пароход должен был принять и дроздовцев, которые прикрывали посадку и только что прибыли на пристань.

Капитан беспомощно разводил руками. Пытаясь что-то объяснить, показывал то на морское дно, то на английский дредноут. Дроздовцам не удалось убедить капитана, и они, громко возмущаясь, спустились на мол, где нестройной колонной вытянулся их потрепанный полк. Новиков стоял на палубе и еле сдерживался, чтобы не отдать приказ смоленцам выбросить штатскую, тыловую публику за борт и грузить дроздовцев, сажать которых было на самом деле некуда.

Я не знала, кого больше жалеть: оставшихся в Верхне-Баканской сестер милосердия, застрявших в Тоннельной беженцев, брошенных в новороссий-

ских лазаретах раненых, забытых на молу дроздовцев, наводнивших пристань лошадей... Кого?.. И мне стало вдруг все глубоко безразлично... Что-то зло заговорило во мне: «А ты разве можешь что-нибудь изменить? Поправить? А чего тогда себя изводить? Бесполезно мучить! Ведь сойдешь с ума». И я поняла, как очерствела за полгода войны, выдохлась.

Бородатый капитан поднял рупор:

— Отходим!

Матросы начали поднимать трап и рубить канаты. «Николай» медленно отчаливал от пристани. Протяжно трубя, отдалялся от каменистого берега уже ничейной земли, разметая вокруг себя огромные водоросли. На середине бухты к пароходу прицепили баржу, набитую людьми. Мы по сравнению с пассажирами баржи оказались в завидных условиях. В таком перегруженном состоянии нам предстояло покинуть Новороссийск.

На выходе из бухты встретили миноносец «Пылкий», который, разбрасывая волны, шел полным ходом обратно к пристани. На его борту увидели командира добровольческого корпуса генерала Кутепова. Узнав, что 3-й Дроздовский полк остался на молу, он шел ему на выручку.

— Настоящий командир! — одобрительно произнес Новиков.

Это было 27 марта 1920 года.

Дул норд-ост. Пароход «Николай» натужно гудел, клубы черного дыма вылетали и расплывались в море. Мутно-зеленые воды ударились о борт. За ним тянулась баржа, переполненная людьми. Трос звенел и потрескивал, как перетянутая струна. Скрылся из видимости мол. Горы медленно удалялись. Вдруг раздался удар. От натяжения трос лопнул и концом ударил по корпусу корабля. Пароход почувствовал легкость. Баржа осталась качаться на волнах. Страшные крики раздалась оттуда. Но капитан парохода не сбавил ход, уводя корабль в море.

— Там ведь люди! — вырвалось из меня.

— Вижу, — ответил Новиков.

Ванда Иосифовна принялась успокаивать:

— Ольга, вы такая впечатлительная... На войне нельзя так...

Дико выл ветер. Затихал и потом снова дул с такой силой, что невозможно было находиться на палубе, и все сгрудились в проходах, каютах, кубриках, на лестницах, в трюме. Пароход шел в открытом море, его начало качать, забрызгал дождь, и густая мгла окутала судно. «Николай» давал протяжные гудки, чтобы не столкнуться с другим судном. Вот, огибая Таманский полуостров, вошел в тихие керченские воды: словно и не было норд-оста, дождя и огромных волн. Еле покачивало, офицеры и солдаты, забавляясь, стреляли в дельфинов. После новороссийских кошмаров наконец все вздохнули свободно.

Керчь встретила нас ласковым солнцем, завидной тишиной улиц и домашним уютом. Как мы хотели хоть здесь обрести душевный покой! Высадив пассажиров, пароход «Николай» ушел в Туапсе вывозить кадет. Новиков на баркасе

несколько раз плавал в окрестности Новороссийска в Широкую Балку, где снимал с гор оставшихся пулеметчиков. Собирался проникнуть в город и поискать Дарьяла, но Новороссийск наводнили красноармейцы и всюду ловили, расстреливали белых. Брошенную в море баржу подцепил буксир и отбуксировал в Феодосию. А вернувшийся в уже оставленный город миноносец «Пылкий» дроздовцев забрать не смог. И полк во главе с Манштейном ушел вдоль моря, где под Кабардинкой его подобрал и вывез в Крым французский крейсер.

27

В Керчи мы обустроились в имении Олив, занимавшем уютные дома на краю обрыва, под которым далеко внизу стелился кустарник и струился ручей. Наконец-то можно было упасть на койку и впервые за последние полгода провалиться в глубокий сон и не думать, что налетят красные и придется натягивать сапоги, хватать винтовку, санитарную сумку, отстреливаться, стремительно отходить. И я уснула, как достигший выстрадавшего приюта путник, раздевшись донага, а не только сбросив разваливавшуюся от походов обувь.

От света в глаза не могла понять: где я? В каком мире? Под лучами мощного фонаря? Окно обливал ранний восход. Слух ласкал птичий хор. И ни одной привычной мысли о том, что где-то противник. Соловьиные звуки не отпускали — это заливались щеглы. И казалось: отец трепал дочку Оленьку по кучерявым волосикам. Оленька смеялась, хохотала. Мама протягивала кружку с хлебным квасом. Оленька, обливаясь, пила...

— Сестрица, вставай! — в мареве очертилась фигура.

Сладко потянулась:

— Ну почему?

— Не могу добудиться вторые сутки... — звучал голос брата Сергея, водившего по моей челке.

— А разве это плохо?

— Вячеслав Митрофанович послал справиться, не больна ли ты?

— Он уже вернулся из Новороссийска? — что-то припомнила.

— Вывез последних из Широкой Балки.

— Скажи ему, что Ольга Алмазова, Ольга Алмазова, — хотела сказать, что расхворалась, но произнесла: — Скоро будет.

Все тело ныло. Может, от долгого лежания, а может, после физических перегрузок заключительных недель. Я встала, сонно улыбнулась в распахнутое окно. Кому бы вы думали? Новикову, который стоял с белокурой девушкой моих лет. Я быстро умылась и выскочила из дома.

— Оленька, я должен вам представить мою племянницу Наталью Леонидовну, дочь моего брата.

«Леонида, которого расстреляли большевики». Как-то медленно оглядела девушку, хотела выразить соболезнование, но посчитала, что это только больше опечалит ее, и произнесла:

— А вы знаете, куда вы попали?

— В Керчь...

— И неправда! В Панти-ка... — обращаясь к гимназическим знаниям, пыталась вспомнить старинное название города.

— ...пей! — закончил слово Новиков.

— Пантикапей! Пантикапей! — задорно захлопала Наташа. — Столицу Боспорского царства!

— Царства рыбаков, купцов и ремесленников!

Мне не хватало подруги, и мы быстро сдружились с Наташей. Ванда Иосифовна на эту роль не годилась, она была уж слишком высокомерной, несколько скупой на проявление чувств, настоящим ефрейтором, и к тому же постоянно находилась с командиром полка алексеевцев. Вячеслав Митрофанович отвез нас к горе Митридат, где сохранились развалины античного города. Мы быстро взобрались на скалистую вершину.

— *Quelle beaute!*¹ — воскликнула Наташа.

— Вы тоже изучаете французский? — изумилась я.

Наши платья закружились вокруг колонн, где тысячи лет назад шумели голоса торговцев-греков, а теперь — только дувший с пролива ветер. Мы залезли на каменные подпоры, когда-то державшие на своих плечах земляные террасы, взбежали на курганы, хранившие в себе тайны каменных гробниц, и говорили о том, что волнует каждое девичье сердце: о любви, о счастье, о будущем.

Я узнала, что брат Вячеслава Митрофановича прежде служил в Батуми, а Наташа с матерью жили в Москве. Что после отхода белых из Орла она решила пробираться к дяде. Кое-как доехала до Киева, но дорогу на Ростов отрезали, и направилась в Крым. Мой брат тоже быстро сошелся с Наташей, и мы часто втроем, а порой и вчетвером, когда оказывался свободным от служебных хлопот Вячеслав Митрофанович, забирались далеко в глубь полуострова, вдоль Азовского моря.

Иногда при свете костра на берегу залива долго спорили.

— Василий Алексеевич по-своему прав, — как-то заговорил мой брат, вспомнив отца. — Не ударь, подставь щеку, все это хорошо. Но скажите мне, как такое возможно с большевиками?

— И вегетарианство! Людей бьют сплошь и рядом, не то что дичь. А мы когда-то курицу привязывали к столу и предлагали отсечь ей голову Русановым, — встревала я.

— Все это для мирного времени, — говорил, вороша веткой угли в костре, Новиков. — А в военное иначе. Если не ты, то тебя... Большевики только и ждут, чтобы мы подставили не только щеку...

— Вячеслав Митрофанович! А почему белые не дошли до Москвы? — не выдержала Наталья Леонидовна. — Мы вас так ждали с мамой!

— Если бы это зависело только от меня, я бы... дошел. Но слишком многое помешало... Ваш отец был настоящим офицером. Не побоялся смотреть смерти

---

¹ *Quelle beaute!* – в переводе с французского: «Какая красота!»

в глаза. И принял ее достойно. Но принять смерть еще половина дела. Важнее суметь сохранить жизнь, чтобы одолеть врага. Обхитрить самого хитрого. Завалить самого сильного...

— Не хватило хитрости, ума?

— Если хотите...

— Выходит, мы можем тоже погибнуть, как Боспорское царство?

— Можем, — сказал и как бы поправился Новиков. — Но я не думаю...

Он поднялся и пошел вдоль пенной кромки моря, гремя галькой. Ему многое было непонятно, многое не устраивало, многое готов был изменить, чтобы добиться победы. Как он точно сказал: если бы это зависело только от меня...

28

Однажды с рассветом мы с Вячеславом Митрофановичем ускакали за степной склон к обрыву. В брошенной хижине рыбака, где висели огромные сети, стучала, хлопая на ветру, дверь, я смотрела на него, желая услышать единственное слово, которое, как считала, выстрадала месяцами нашего бега. Слово, которое никак не звучало. Его неотрывный взгляд, испарина на высоком лбу, непонятная робость, не свойственная человеку, который способен на героические поступки в бою, пробудили во мне небывалую смелость, о которой я не могла прежде подумать. Что-то надломилось во мне, и я сама приблизилась к нему... И уже потом, после всего свершившегося, окунувшись в бодрящую морскую воду, видя, как скрывается под каймой воды и выныривает около белокурая голова со слипшимися кудрями, ощущая под собой крепкие руки, когда меня несли в гору к хижине, я поняла, как обожает меня этот сильный, на голову выше и на десять лет старше мужчина и как мелко теперь прозвучало бы еще недавно желанное слово в сравнении со всем тем, что охватывало меня.

Мы простояли в имении Олив около двух месяцев. Наш полк пополнялся. В него вступил Ковалевский Николай Викентьевич, анапчанин, дворянин. От него мы узнали, как ворвались в Анапу красные. Они выволокли на мол коменданта и расстреляли. Ковалевский бежал в горы и скрывался в Абрау-Дюрсо. Оттуда выбрался к берегу моря, где его снял Новиков.

— Вячеславу Митрофановичу я обязан жизнью! — слышала от анапского беженца.

Многие были благодарны ему за спасение. В Феодосийский полк перевелся Шнейдер Иван Федорович. Он захотел отдохнуть от обязанностей ротного и ушел к феодосийцам делопроизводителем. Где-то в Керчи во дворе школы проводили занятия с солдатами дроздовцы. Иногда можно было видеть проскакавшего полковника Манштейна, который заставлял упряжку с пушками быстро разворачиваться и наводить орудия на цель.

Я думала, что новый главнокомандующий генерал Врангель даст передышку армии и предпочтет наступлению оборону. Крым со всех сторон защищали море и проливы, а с севера ограждали непроходимый залив Сиваш и неприступные

перешейки Перекоп и Чонгар. Мне не хотелось больше войны, и думалось, что все обойдется без нее.

Но и этот генерал, как и в свое время Деникин, решил иначе. В мае 1920 года Смоленский полк батальоном влили в 3-й Дроздовский полк и двинули на Перекоп. Врангель собирался захватить Донбасс, а оттуда идти на Москву. Сначала меня покорило, что обошли Новикова и смоленцев подчинили Манштейну. Разве смоленцы хуже дроздовцев? Разве меньше заслуг у Новикова? Но потом я посчитала такое решение благом: меньше забот свалилось на плечи Вячеславу Митрофановичу.

В поход собралась и Наталья Леонидовна. Теперь в обозе смоленцев можно было видеть двух молоденьких дам, одетых сестрами милосердия, которые общались с офицерами, и к одной из них — брюнетке — часто подъезжал полковник Новиков.

Смоленцы, отстояв утреню в церкви, в хвосте колонны дроздовцев замаршировали по пыльному тракту. Шагалось легко — войска выдвигались. После двух переходов сделали остановку в Феодосии, где расположились на дачах. Хозяева дач смотрели на нас как на последнюю надежду, которая должна сломать хребет большевикам, и во всем старались нам угодить.

Ясным весенним днем смоленцы выступили из Феодосии. Двигались по бурой крымской степи, которой не было видно конца. Впереди маячила колонна дроздовцев. Мы проходили Старый Крым. Листочки на пузатых, с корявой корой, деревьях, выщелоченная земля — все было в новинку. Легла ночь. Впереди показались огоньки, и смоленцы остановились на ночевку в небольшом селе. Мы с Новиковым попали на квартиру к вещунье. Она долго не хотела нас пускать, боясь, что мы ей перепутаем все травы. На самом деле, всю хату увешала пучками с травами. Когда впустила, растолковывала мне, какая трава от чего помогает. Но я мало что запомнила, о чем потом сожалела. Ее рекомендации стоило бы записать...

В три перехода мы добрались до пустынной станции у Джанкоя. Кругом растилась безжизненная, с подсохшим бурьяном равнина.

— Здесь ничего не растет! — ужаснулась я.

В закатных лучах показался вал, который тянулся с одного края перешейка к другому.

— Китайская стена?

— Турецкий вал! — многозначительно сказал скачущий рядом брат.

Мы направлялись к земляной полосе, которая с приближением росла выше макушек тополей в Медвежьем.

— Когда-то назывался крымским, а с времен крымского ханства — турецким... Может остановить любого противника... — продолжал Сергей.

За валом между линий проволочных заграждений чернел ров.

— Там что, вода? — спросила Наташа.

— Была когда-то...

Я восхитилась мощью насыпей, за которыми можно было отсиживаться годами. Мы оказались в Северной Таврии. Как выразился Новиков, «выскочили из крымской бутылки»...

29

Первый бой приняли в селе Михайловка. За гребнем в низких продольных лучах восхода показалась колокольня. Новиков выслал вперед разъезд. Разъезд вернулся и доложил:

— В деревне красные.

Батальон развернулся в цепь. Новиков проехал вдоль цепи, что-то напутственное сказал смоленцам. Смоленцы пошли молча, сжав в руках оружие. Рота Мыльцева-Минашкина (он принял ее у Шнейдера) повернула в обход. Наш обоз спрятался под горой.

Мы с Наташей взобрались на бугор. Наташа дала мне свою руку:

— Потрогай!

Ладонь была как ледяная. По коже бегали мурашки. Можно было подумать, что она озябла, хотя над равниной жарило.

— Не бойся! Я тоже сначала тряслась как осиновый лист на ветру...

Солдаты с офицерами в одном ряду приближались к домам. За домами не было видно ничего. Рывок — и мы увидели, как смоленцы почти без выстрелов ворвались в Михайловку, из хат выскакивали люди и сразу поднимали руки — кинулись к мельницам. Там затрещала пулеметная стрельба. Мы с Наташей запрыгнули в коляску и погнали лошадей к селу. Когда влетели на косогор, то заметили убегающих по полю красноармейцев. Две тачанки пылили в степи. Их обстреливала зашедшая в тыл рота Мыльцева-Минашкина.

— Бегут! Бегут! — кричала от радости Наташа.

— Так бы их гнать до самого Белого моря!

Следили за фигурками, дымными вспышками, и все происходившее представлялось каким-то детским, игрушечным сражением. Складывалось впечатление: расставь, как нужно, своих солдатиков, и солдатика противника бросятся удирать. Да, так бы легко приходили победы! Я вспомнила свой сестринский долг и поспешила к обозу. Наташа с санитарной сумкой — за мной. Перевязала руку одному смоленцу (царапнула пуля). Другому — ступню (наступил на лемех).

Дальше в моем дневнике остались заметки об Аскании-Нова, целинной земле в 60 верстах от Днепра. Ковыльной, типчаковой степи, где когда-то находился заповедник с любительским зоопарком, где плавали лебеди в озерах и вокруг них на мелководье шествовали изящные фламинго.

Благодатный край!

Там размножали лошадей Пржевальского, там можно было встретить зебр. Все это мы знали с гимназической скамьи. А теперь взгляду открылось гнетущее зрелище: все брошено и разграблено. От стрельбы разлетелись птицы, разбе-

жались животные. Во время боя в степи пала почти вся рота Златоустова, половина роты Мыльцева-Минашкина. Сам Клавдий Златоустов чудом уцелел, дождавшись подмоги. Много убитых осталось лежать в траве, и среди них беспечно бродили зебры. Меня это поразило:

— То черные птицы (вспомнились галки на разбросанных по насыпи телах под Переславкой), то полосатые лошади...

В одном из боев мы обрели старого друга. С хутора в атаку на смоленцев пошел прибывший из тыла полк противника.

— Наглецы! — удивился напору Новиков.

Нас окатывали градом снарядов, шли цепями, из-за цепей вырывалась конница. Смоленцы еле успевали отстреливаться.

— Отходим! — скомандовал Новиков.

Смоленцы частыми перебежками пересекли широкий песочный овраг и залегли на его правом высоком склоне. Красноармейцы кинулись следом. Новиков этого только и ждал: красные были как на ладони, им предстояло спуститься в старицу — русло пересохшей реки, перейти лощину и карабкаться в горку, которую оседлали смоленцы. Началось избиение младенцев! Я видела, как спустился с цепью в лощину и метался на коне перед тающей пехотой красный командир, махал шашкой, как вокруг лошади взлетали фонтанчики песка от крошивших землю пуль.

— Смоленцы! Вперед! — раздалось.

И смоленцы устремились на горе-вояк. Вояки падали. Командир свалился в пыль. Но откуда-то появились красные конники, и все смешалось. Я видела, как Новиков галопом полетел к метавшемуся у сбитого наездника гнедому коню. Поднялся столб пыли, ничего невозможно было различить. А когда пыль осела, показались смоленцы. На поводке Новиков тянул за собой коня. Он подъехал ко мне, и я узнала лошадь с прозвездиной на лбу. От радости навернулись слезы. Я прижалась к мокрой, в пыли и песке, морде, обросшей гривой. Еще сомневаясь, глянула на круп, где виднелся шрам. Дарьял облизал мне щеку до уха. Я слышала биение сердца коня, который вздергивал мордой и молчал, как молчат при свидании с близкими, когда не в силах произнести слова. Новиков смотрел на нас, и правая бровь на его лице от волнения вздрагивала.

Оказалось, командир красных в марте входил в Новороссийск и на набережной приглядел коня с прозвездиной. Возвращение Дарьяла успокоило нас, почему-то окрепла вера в то, что мы непременно победим, освободим родные края, и что никакая сила этому не сможет помешать.

30

В одном из таврических сел во время утреннего обстрела меня ранило. Я вышла на двор умыться. Только спустилась со ступеней, как раздался треск. Почувствовала сильный удар: будто камнем стукнуло по руке. Боли почти не было, но капала кровь. В первую секунду меня охватил ужас. Такого еще не было,

чтобы у меня текла кровь. Было, что текла у раненых, которых перевязывала. Я быстро вернулась на веранду и попыталась достать из санитарной сумки бинт. Но другая рука сделалась тоже ватной. И капало-капало, как при охоте с зайца, большими сгустками. Подскочила Наташа:

— Оленька! Вы живы?!

Распахнула санитарную сумку. Вытащила тубик и залила рану йодом. У меня в глазах засверкали искры. Наташа забинтовала онемевшую руку, сделала повязку через плечо.

— Скользящее ранение. Кость не задета, — осмотрел мою рану фельдшер.
— Но можем отправить в тыл.

Мне стало обидно, что я вызвала у Вячеслава Митрофановича дополнительные хлопоты. Но кто мог предугадать, что именно тогда, когда я выйду из дома, в сад угодит шальной снаряд. Новиков пощупал кость (я заскрежетала зубами), кивнул фельдшеру и наклонился ко мне:

— Вы останетесь с полком или поедете в тыл?

— Вы уже как-то предлагали мне дать надежного провожатого...

Напомнила ночной разговор в заброшенном селе. Конечно, я знала, что Новиков не отпустит меня. И, хотя рана была несерьезная, но все-таки требовала покоя, Новиков строго-настрого приказал мне обоз не покидать и в коляске следовать за полком.

В середине июня Смоленский полк стал на формирование в колонии Александерфельд. Если перевести с немецкого, «фельд» означает «поле», и получалось — «Поле Александра». Улицы колонии четко делили поселение на отдельные усадьбы, которые выделялись черепичными крышами. В глубине поселка возвышалось здание в готическом стиле с башенкой.

— Какая аскетичная кирха! — заметила Наташа.

— А вы видели католические костелы?

— Конечно, в одном Львове их... куда ни глянь.

Во Львове я не была, и мой кругозор ограничивался только маршрутом, пройденным добровольцами при отступлении. Но мне было приятно, что общаюсь с такой образованной племянницей Вячеслава Митрофановича, с которой с полуслова находила общий язык. В стороне от усадеб, нарушая симметричность улицы, белел небольшой домик, такой же белый, как и все, с такой же черепичной крышей, но как-то на отшибе. Мы выбрали именно его. Мутная полоска света пробивалась сквозь ставни окна, выходявшего в палисадник. И было неясно, есть ли кто в нем. В комнате, куда мы вошли, было полутемно. В мигающем свете маленькой лампы заметили гипсовое распятие на каком-то большом ящике, похожем на комод, да широкую деревянную скамью у стены, увешанной гравюрами. Хозяйка — полная блондинка с волосами, связанными в тяжелый узел, — пригласила нас:

— Bitte hinein!²

---

² Bitte hinein! – в переводе с немецкого: «Проходите, пожалуйста!»

И назвалась:

— Luisa!

Я поняла: Луиза.

Вбежал и сразу скрылся ее муж.

— Klaus, — сказала она.

Клаус. Раскрылись ставни, и в доме сделалось светло. Нам отвели две соседние комнаты: одну мне с Наташей, другую Новикову, в которой часто собирался штаб полка. Моя рука заживала. Я по крупицам вспоминала названия трав, о которых услышала от вещуны в Старом Крыму, заматывала ими руку, разминала пальцы, чтобы скорее вернуться в строй. В трех вестах от немецкой колонии, в логу, спряталось брошенное графское имение. Своими размерами оно напоминало дворец. Когда мы приехали туда, Новиков повел в грандиозную двусветлую залу. Обветшалая позолота на стенах, потускневший паркет на полу говорили о прошлом величии хозяина и последующем его обнищании. Новиков произнес:

— Здесь мы сыграем нашу свадьбу!

Во мне все всколыхнулось: только в глубине души я позволяла себе думать о свадьбе, боясь отвлечь Новикова от нужных дел. А тут — он сам заговорил об этом! Мне не повезло в Воронеже: вместо венчания в Смоленском соборе пришлось спешить в Касторную; не повезло в Ростове: Новиков лечился от раны ноги; не решалась напоминать об этом в Керчи.

— Так что, венчаемся по лютеранскому обряду или по православному? — осмелела я.

— Вы думаете, что мы не найдем церковь и нам придется идти в кирху? — спросил Новиков.

— А что, упрощенный обряд, не водят три раза вокруг амвона, свадьба — скорее посиделки, чем гулянье...

— Я бы, Оленька, если бы мне позволила вера, венчался с вами во всех церквях России, во всех костелах Европы, во всех мечетях Аравии, во всех пагодах Японии!

— Вячеслав Митрофанович! Никогда не бросайте меня! — вдруг вырвалось из меня, и моя голова упала ему на грудь.

31

Приготовление к свадьбе проходили спешно. В любой день смоленцев могли отправить на фронт. Я решила венчаться в одежде сестры милосердия: белой кофточке со стоячим воротничком, длинной белой юбке, в белом платочке с красным крестом на лбу. Мои волосы уже отросли и скрыли последствия перенесенного тифа. Новиков в честь знаменательного события пришел к мундиру позолоченные погоны. Мне рассказали, как по-походному на сестре поручика женился командир бронепоезда «Единая Россия». Свадьбу сыграли в Мелитополе на частной квартире. На свадьбе присутствовали шестеро старых друзей. А домом молодых оказалось купе в штабном вагоне бронепоезда.

— У нас место определено, — вспомнила дворец. — Гулять будет весь полк! А купе бронепоезда заменит усадьба в немецкой колонии.

В назначенный день коляски с двумя парами отъехали от колонии. Им предстояло проделать путь по степи до ближайшего малороссийского села, где уже ждал старичок-священник. В первой коляске со мной ехал Новиков. Во второй — свидетели: брат Сергей и племянница Новикова Наталья Леонидовна. Румяное солнце, словно клоун на арене цирка, смеялось. Стежками впадали в проселок тропинки. Было необычайно тихо. Я склонила голову на погон Вячеславу Митрофановичу, держалась за его рукав, слушала похрапывание лошади, скрип рессор и думала: «Так бы ехать и ехать до самого Воронежа».

Когда сошла с коляски, когда шагнула к распахнутым воротам церкви, в которых стоял низенький батюшка в бархатной камиллавке, я почувствовала, что ноги подкашиваются. «Что происходит?» — спрашивала себя. За мной были Наташа с моим братом Сергеем. Наташа направлялась тоже в церковь. Может, мое волнение было вызвано тем, что под венец шла я, а не она? Ведь Наташа тоже могла с кем-то, хотя бы с Сергеем, войти сейчас в храм и выйти женой. Но волноваться по этому поводу посчитала неуместным. Если бы они пожелали, у них бы совершилось, что и у нас. Или я была не так одета? На мне не было подвенечного платья. Оно пылилось в шкафу в Медвежьем. А в одеянии сестры милосердия могла показаться кому-то и неугодной...

Но успокаивало: не может же Всевышний не видеть, сколько претерпела, выстрадала я! Не может остаться ко мне равнодушным! И словно чудо — только ступила под своды церквушки, как волнение покинуло, отпустило. Над головами повисли короны.

— Венчаются раб божий Вячеслав рабе божьей Ольге...

Потом что-то звякнуло. Я ощутила холодок кольца на пальце. Батюшка потянул нас по кругу, поплыли венцы, сзади заскрипели обувь Наташа с Сергеем... Просфоры и кагор, о которых дурно думала раньше, пришлось как нельзя кстати...

С колокольным звоном покидали церковку. Звучные звуки словно подхватывали мои слова: «Слушайте все! С вами говорит Ольга Алмазова! Ольга Новикова! Вы свидетели свершения самой светлой, самой верной, самой крепкой любви!» — и несли во все стороны света, во все миры и галактики.

Меня привезли в графское имение, где вокруг длинных столов, уставленных тарелками с яствами, бутылками изысканных масандровских вин и бутылками немецкого шнапса, шумели смоленцы. Не оказалось разве что торта с тележное колесо и выложенных коржами надписей: «Вячеславу и Ольге». Оглушительное ура раздалось при нашем появлении. Такое ура можно было услышать под Полтавой, где разбили шведов, в Тарутино, откуда по смоленской дороге погнали французов, на Шипке, где опрокинули турок. Я невольно заткнула уши, и у меня закружилась голова. Командир дроздовцев полковник Манштейн своей единственной рукой порывисто поднял чарку:

— Господа! Позвольте выпить за тот день и час, когда Ольга Алмазова-Новикова с мужем Вячеславом Новиковым войдут в палаты Московского Кремля и им вручат самые почетные награды России!

— Ура! — снова оглушило зал.

Мне трудно описать свадьбу. Произносились тосты, взахлеб кричали: «Горько! Горько!» — и я только успевала прятать припухшие губы; фотограф бегал между гостей, и над головами взлетала дымная вспышка. Уманец подарил Новикову красные шаровары, которые тот бросил на пол, растер сапогами, и по ним пошли отбивать чечетку каблуки смоленцев. Новиков осторожно прикрепил мне на грудь серебряную брошь с бирюзой:

— Носи на долгие лета...

Бирюза блестела воском, в котором как бы отражался морской залив. Я радкой разглядывала брошь, обручальное кольцо с гравировкой «спаси и сохрани». Мне было хорошо и вместе с тем неловко: все взоры обращены на меня. Вспомнились родители, жители Медвежьего, Ерофеевки, Трещевки — все, кто хотел погулять на моей свадьбе. Хотя такое было невозможно... Свадьба гремела... Может, ей чего-то недоставало... Может, широты, навеянной тостом Манштейна? Кремлевского размаха? Но, несмотря ни на что, я была счастлива.

— Ich wunsche Ihnen Glück!³ — встретила нас Луиза и протянула льняную скатерть с кружевами и вышитыми цветами.

Луиза не очень хорошо говорила по-русски и часто, чтобы не запутаться, переходила на немецкую речь.

— Что это значит? — спросил Новиков, принимая скатерть.

Я по-немецки не понимала и пожала плечами.

— Soyez heureux!⁴ — присоединилась к словам немки Наташа.

— Нам желают счастья! — я перевела с французского слова Натальи Леонидовны.

Клаус раскупорил бочонок пива — он держал кнапу, кнайпу, кнайре⁵ — пивную, варил пиво из зерна и хмеля. Новиков миролюбиво пожал руку немцу, с земляками которого когда-то воевал на австрийском фронте. Во время застолья никто не кричал: «Горько!», никто не пускался в пляс. Все проходило чинно и размеренно. Наташа вглядывалась в гипсовое распятие на большом ящике, переводила взгляд на гравюры на стене. Луиза смотрела на меня, показывала на грудь, где отливала морским заливом серебряная брошь, на Новикова и повторяла:

— Zehr Gut⁶...

И в конце произнесла:

— Glückliche Reise!⁷

³ Ich wunsche Ihnen Glück! – в переводе с немецкого: «Желаю счастья вам!»

⁴ Soyez heureux! – в переводе с французского: «Будьте счастливы!»

⁵ кнайре – в переводе с немецкого: «пивная».

⁶ Zehr Gut – в переводе с немецкого: «очень хорошо».

⁷ Glückliche Reise! – в переводе с немецкого: «Счастливого путешествия!»

Ее последнюю фразу перевела Наташа:
— Счастливого путешествия!
— Какого еще путешествия? — удивилась я.
— Супруги после свадьбы всегда отправляются в путешествие...
— Да, да! — словно выплеснулось из Новикова. — Сначала в Ростов, потом в Донбасс, а там в Москву! С пушками и пулеметами...
Как счастливы мы были! Как молоды! Как много дорог открывалось впереди! И это при том, что наша жизнь на каждом шагу висела на волос от смерти.

32

Пожелание Луизы сбылось. Наш медовый месяц начался с путешествия. Манштейн отпустил Новикова на три дня, и мы уехали в Мелитополь. Город гудел от наводнивших его военных, сестер милосердия, дам в белых платьях. По улицам носились извозчики, развозя шумные компании. В городском саду играл оркестр, все кафе переполнили веселящиеся офицеры. Но нас тяготило шумное соседство, и, пробыв в Мелитополе несколько часов, мы ускакали на песчаную косу, лучом уходившую в море.

За время моих странствий я видела много достопримечательностей юга России. Вдохнула Ростов, побывала в предгорьях Кавказа, испытала Черное море и теперь скакала по азовской косе, которую обмывали волны.

Я пришпорила коня — он пошел галопом, разбрасывая брызги из-под копыт. Дарьял с Новиковым позволил оторваться и потом нагнал, обошел и выдавил с косы на глубину. Вячеслав Митрофанович, как заправский наездник, преградил дорогу — кони столкнулись в развороте — и произнес:

— Пропуск, мадам!

Под «пропуском» подразумевалась награда всаднику — и я в который раз ткнулась мокрыми от брызг губами в его соленое от моря лицо.

При очередном разгоне мы свалились в воду...

Коса тянулась бесконечно. Она сужалась, и ветер переливал воду с одного ее края на другой, расширялась золотистым стометровым пляжем. Вокруг не было ни души, и только на акватории моря виднелись отдельные рыбацкие барки... Горячий песок... Неутолимое желание одарить счастьем друг друга... Бархатная вода... Шрапнель — перловая крупа — и камса — мелкая черноморская рыбешка — показались вкуснее самых изысканных блюд...

Яблоко заката на слиянии морской глади и бескрайней степи... Яблоко восхода на барашках гонимых волн... Так текли наши лучшие дни...

Медовый месяц переместился на материк. Осколком вспыхивало солнце, жарило от боев на полях Тавриды. Смоленский полк двигался вперед. Там, где красные успевали вырыть окопы и поставить ряды кольев с колючей проволокой, прибегали к помощи артиллерии. После недолгой перестрелки батарея Новиков поднимал людей в атаку. Наша конница обходила противника — беспорядочная стрельба — и красные бежали.

Как-то Новиков изрядно повеселел. Смоленцы взяли в полукольцо узловую станцию. Построились в цепь и пошли вперед. По ним стреляли, на моих глазах от разрыва снаряда волчком подкинуло в небо всадника. Но полк не дрогнул и продолжал идти. Красные не выдержали напора и бросились бежать. Бежали группами, в полном беспорядке. Их командир — бывший офицер — ускакал. Нам в плен сдался целый батальон новобранцев. Вскоре выяснили: против нас воевали воронежцы вместе с командиром Лебедевым!

— Это тот, что был комендантом Воронежа? — не поверилось мне.

— Он самый, — сказали пленные.

Оказывается, когда смоленцы подходили к станции, Лебедев спрятался в бронепоезд, попытался прорваться, но на пути положили шпалы. Лебедев в последний момент переоделся в одежду крестьянки и скрылся.

— Постовский, — вспомнила горе-генерала. — Сколько же их развелось...

Пленные рассказали, что Лебедева из Касторной отправили в госпиталь в Валуйки, госпиталь эвакуировали в Екатеринодар, где он дождался прихода красных.

— Хорошо устроился!

Выходило, моя просьба сыграла свою роль в освобождении прапорщика.

Жаль, что на этот раз не удалось отправить Лебедева в Крым. Там бы с ним окончательно разобрались в контрразведке. Воронежцы пополнили полк и тронулись с нами в наступление по приазовью.

В июле и августе продолжились ожесточенные бои. Победы давались все большей кровью. Ощущалась нехватка винтовок, пулеметов, патронов, средств передвижения, провианта. Тыл с нуждами армии не справлялся. Приходилось искать пропитание, повозки и тяговую силу самим.

Как-то в полк прибежали два иудея. Кричат:

— Солдаты насилуют! Забирают лошадей!

Новиков позвал их к себе. Они затарахтели своими жалобами.

— Не сейчас надо протестовать, — сказал, выслушав их, Новиков. — А тогда, когда большевикам рукоплескали!

— Как рукоплескали? — воскликнули хором.

— А вот так! — Новиков захлопал в ладоши.

— Но почему вы решили, что Лева рукоплескал? — манерно возмутился старший возрастом.

— А разве ты взялся за оружие и остановил?! — Новиков вскочил.

Иудеи замерли.

— Вот и получайте!

Ходоков как сдуло.

За десять месяцев походов, распутицы, морозов, боев я из юной гимназистки, у которой не обсохло молоко на губах, превратилась в закоренелого воина-смоленца. Выучилась метко стрелять, отлично скакать на коне я умела прежде,

могла быстро перевязать раненого, научилась пользоваться травами, когда под рукой не оказывалось лекарств. И многое девичье как бы улетучилось, выветрилось из меня.

Пришлось вести дневник Смоленского полка. Не имея воинского образования, чертить карты. Новиков делился со мной планами боевых действий. Сергей, который состоял при штабе полка, поручал готовить донесения в штаб корпусу.

33

Порой я смотрела на себя в зеркало и спрашивала:

— А чем я не Шуручка Азарова, которая с гусарами воевала с Наполеоном?

В Наталье Леонидовне меньше чувствовалось армейской жилки, ее не привлекали к полковой жизни, как меня. Она продолжала мечтать о Франции, куда намеревалась уехать сразу после взятия Москвы, а мои скромные познания французского языка все больше забывались.

14 сентября я записала в дневник: «Дроздовскую дивизию собрался навестить главнокомандующий Врангель».

Мы ждали его с самого утра. Всем выдали новое обмундирование, предоставили возможность привести себя в порядок. Была проведена даже репетиция, которую попытался омрачить налет самолетов красных. Но нам повезло, репетиция подходила к концу, когда появились семь истребителей и огромный «Илья Муромец». Они сбросили много бомб, но никто не пострадал. Выпустили тучу листовок. Небо от бумажек сделалось в крапинку. Они медленно опускались, порхая на ветру.

Я подхватила один из листовок.

«Сегодня у вас будет Врангель. Не верьте ему, что он будет говорить...»
— прочитала.

Содержание на меня никакого впечатления не произвело. Около шести вечера затарахтели наши аэропланы, и на дороге поднялся шлейф пыли. Показалась вереница автомобилей. Я увидела Врангеля — рослого генерала с высоко поднятой головой. Он был в дроздовских малиновых погонах. Это сразу нашло отклик в сердцах стоявших в шеренгах. Генерал Кутепов шел за ним в полной дроздовской форме. Мне снова вспомнился генерал Постовский, который своей формой пренебрегал, и я рассмеялась.

— Сестра! Вы не на ярмарке! — приструнил Сергей, который вытянулся по стойке смирно.

За Врангелем и его генералами тянулась свита военных в формах офицеров иностранных государств.

— Американец! Англичанин! Тот вон француз. Э! И япошка! — подмечал Сергей.

Было приятно осознавать, что нам уделялось такое внимание. Но того, что в числе гостей окажется похожий на подростка японец, никак не ожидала. Я тогда еще не знала, что многие государства оказывали помощь не бескорыстно. Их интересовали русские земли. Врангель обошел построенные части. Приколол

ордена на грудь начальнику Дроздовской дивизии, его помощнику полковнику Манштейну (накануне Манштейн сдал 3-й Дроздовский полк и стал помощником начальника дивизии), вручил артиллеристам блестящие трубы с серебряными дощечками.

— Пусть эти трубы протрубят атаку, а атака — это победа! — воскликнул Врангель.

Меня покорило: опять обошли Новикова! Теперь с наградой. Но я знала, что главное для Вячеслава Митрофановича не отметка заслуг начальством, а отношение к нему солдат. Рота за ротой пошли войска церемониальным маршем. Мы шагали в коробке смоленцев, и мне казалось, что я родилась не девчонкой, а мальчишкой, выросла не девушкой, а юношей, и теперь чеканила шаг не сестрой милосердия, а воинским чином. За нами двигался конный эскадрон.

После приезда Врангеля разнеслись вести о скором наступлении. Смоленцев вывели из состава Дроздовской дивизии и на правах полка влили в 6-ю пехотную дивизию, в которой также воевали алексеевцы полковника Бузуна. Я с нетерпением ждала встречи с Вандой Иосифовной и спрашивала себя: «Изменилась ли она? В лучшую или худшую сторону?»

Не знаю почему, но Новиков оставил моего брата у дроздовцев.

— Пусть набирается самостоятельности, — сказал он.

Конечно, в Смоленском полку Сергей находился под опекой Вячеслава Митрофановича, а там ему предстояло полагаться только на себя. Я боялась за брата и при каждом удобном случае слала в Дроздовскую дивизию письма. Изредка получала весточки от брата, которые переписывала в дневник.

Из них узнавала о ратных буднях дроздовцев. Мы с Наташей зачитывались его ответами.

«Оленька и Наташенька! Наша конница ворвалась в город Орехов с севера и вызвала у красных переполох... Сергей. 18 сентября».

«20 сентября. Захвачена Софиевка».

«21 сентября. Наш 3-й Дроздовский полк двинулся по дороге Синельниково — Екатеринослав...»

Екатеринослав — это ныне Днепропетровск.

«24 сентября. Взята Ново-Гуповка. Зарублен командир советской бригады, который должен был отбить Ново-Гуповку на следующий день».

«27 сентября. Разгромлен состав с семьями планируемых руководителей Северной Таврии».

Уже посчитали Северную Таврию своей!

«28 сентября. Обороняем Ново-Гуповку. Красные предприняли атаку, но мы с помощью броневиков их быстро отбросили. Преследуем врага».

«30 сентября. Захвачено Синельниково. Видел, как со станции удирали тачанки и поезд мчался на всех парах, увозя станционное начальство».

«1 октября. Появлялись бронепоезда красных. Дразнились. Дроздовцы откинули их».

«В непрерывном бою, не давая противнику опомниться, поражая внезапно, мы гоним его к Днепру».

Ура! Скоро форсируют Днепр!

34

И вот с депешей в штаб корпуса заехал Сергей. Он был на подъеме. Обнял меня, расцеловал.

— Только послушай! Смятые толпы противника кинулись к Днепру. Они хотели скорее нас добраться до него и скрыться! — с пафосом говорил брат. — Лошади дроздовцев вымотались, покрылись пеной и грязью, но скакали на противника мелкой рысью. Я впервые увидел атаку конницы сбитой рысцой. Мы въехали на высоту. Перед нами развевалась приднепровская равнина. Ее забили отступающие обозы, артиллерия. Она кишела народом, ходила ходуном. Мы гнали эти полчища. Увидев конников на холме, красные обезумели. Тачанки бросали в воду. Топили пушки. Дрались между собой. Пускались вплавь в амунии. Тонули люди и кони. Мы сметали их огнем в Днепр. Звучал наш оркестр. Пленных не счесть. Так мы вышли к Днепру у села Варваровка...

Патетика рассказа, масштаб разгрома противника овладели моим воображением. Мне рисовались победные картины у Днепра, которого я еще и не видела, и отныне мечтала о том дне, когда полной грудью вдохну днепровский воздух и воскликну:

— О, Днепр! Днеприще...

Рядом от счастья плакала Наташа.

Смоленцы не уступали дроздовцам. Они день за днем уходили в один рейд за другим. Ночью врывались в село (красные, ошалевшие ото сна, ничего не понимая, бежали), в другое. Шли зигзагами — никто не мог понять, в каком населенном пункте окажется полк в следующий час. Тучи пленных. Человеческие стада. Полк тяжелеет, гоня колонны военных арестантов, которых с ближайшего привала отправляли в тыл.

А тем временем готовилась Заднепровская операция. Операция, которая должна была окончательно изменить ход военных действий в пользу белых. Смоленцы выдвинулись к Днепру южнее дроздовцев. 6 октября прошли тридцать пять верст. Говорили: «Уже близко Днепр». Скорее бы! Сзади двигался обоз с понтонными лодками.

«Будем переправляться через Днепр», — догадывались мы.

Вечером вошли в село Ушкалка — это на левом берегу Днепра, если смотреть по течению, то южнее города Никополя.

Блестящий, играющий бликами Днепр показался шире Дона во столько же раз, во сколько Дон шире реки Воронеж. Огромная река! И воздух, как у моря! Свежо, плотно обдувает.

Поступил приказ: находиться в хатах, но не ложиться. Кто-то сказал, что Врангель заключил союз с Махно, и с нами на красных пойдут махновцы. Не-

вольно вспомнилось, сколько нервов потрепали деникинцам эти самостийцы из Малороссии, и я не знала, радоваться такому известию или нет.

Выступили в полночь. Спустились по крутому берегу к Днепру. Нас вел лохматый махновец, одетый как актер цирка. Нужно было сначала пересечь рукав Днепра, затем перейти остров, а далее переправляться через Днепр. Держались осторожно: на перешейке могли напороться на заставу красных.

Шли тихо, только трава шуршала под ногами. Стояла украинская ночь: темно, хоть глаз выколи. Забрезжило русло Днепра шириной в три четверти версты. Предательски заквакали лягушки, но противник не проявил себя. Солдаты погрузились в лодки и поплыли на другой берег. Саперы принялись наводить мост: плюхались понтоны, стучали топоры, сколачивалась переправа.

— Мост готов! — раздалось.

— Переправляем артиллерию, а потом пойдет пехота!

Обозы пошли по мосту. Он дрожал, качались лодки, понтонеры вычерпывали воду из лодок. С нами переходили мост алексеевцы, но полковника Бузуна и его Ванды Иосифовны, как ни всматривалась, не увидела. По малиново-черным погонам узнала корниловцев. В гуще корниловцев тянули кабели телефонисты.

На повозке сестер милосердия мы перебрались на правую сторону Днепра.

— Здесь исторические места, — говорила Наташа, кутаясь от утренней прохлады в одеяло. — Где-то выше по течению была Запорожская Сечь...

С одного берега Днепра тянулись к мосту орудия, обозы, дымились кухни — армия переправлялась на Правобережную Украину. Начиналась Заднепровская операция. Переправа прошла благополучно. Когда войска уже вытягивались на другой берег, из плавней застрочил пулемет. Смоленцы пошли через болото в обход. Пулемет вскоре замолчал. Из камышей поодиночке выкурили красных: их бродило там несколько рот. Они выходили с поднятыми руками, в серых шинелях и без сапог. Уманец подогнал группу пленных.

— Что же не заметили нас? — спросил их Новиков.

— А мы приняли вас за баб...

— Каких еще баб?

Оказалось, солдат на лодках посчитали за крестьянок, которые переправлялись через Днепр: ездили в Крым за солью. Они всегда их пропускали за самогон, и вот просчитались. «А стук топоров тоже не слышали?» — хотела спросить, но, видя помятые с похмелья лица, не стала.

9 октября в 5 утра смоленцы двинулись на запад, корниловцы пошли на север. Белые растекались по Украине. К вечеру мы подошли к какой-то реке, на другой стороне которой тянулось большое село. На горе белела церковь, около берега стоял паром. Только наш развезд сунулся к парому, как посыпались пули, затрещали пулеметы. Берег, на котором оказались смоленцы, был низкий, песчаный, а противоположный — высокий. И нас хорошо было видно с горы. В ста шагах от кромки берега торчала поросль небольшого леса, ближе к воде темне-

ли кусты. Мы пробрались и залегли в кустах. Песок впереди буквально кипел от пуль. Новиков предложил:

— Кто хочет получить серебряный или деревянный крест?

Рядом лежали Косцов и Флигер — они спрятали головы в плечи. Смельчаков не оказалось.

— Никто не хочет?! Эх вы! Придется мне...

Я хотела схватить его, но разве остановишь. Он перекрестился, выскочил из кустов и, пригибаясь, побежал по песку. Все думали: убьют. Пыль поднималась от падающих пуль. Я закрыла глаза руками. Новиков бежал, а у меня сердце стучало, как молотобойня. Новиков достиг берега, упал на песок и начал руками набирать перед собой кучу. За ним поднялись и кинулись другие. Бежали, упали, окопались. Заметила, как Новиков показал на каблук — его разворотила пуля, чудом не задев ступню. Что это — везение? Или Новикова оберегала моя любовь? Я верила в волшебство любви.

Стрельба утихла только под вечер. Мы обработали раны, отнесли в обоз поручика, у которого перебило коленку. Всю лунную, полную сказочной таинственности ночь мы просидели в кустах. Я нашептывала проходящие в голову заклипания, теребила шевелюру Вячеславу Митрофановичу и доламывала рванный каблук, в конце концов кинув им в лягушек.

35

А с утра перестрелка возобновилась. Адская! Красные били по нам с горы, из-за заборов, а один пулемет установили на пароме. Трескотня и уханье настолько утомили мой слух, что казалось, что стрельба не то приближается, не то отдаляется, и тогда из полузабытья меня выводил укус комара или чихание Натальи.

Слава Богу! Подоспели кубанцы Бабиева. С гиканьем, ржанием лошадей, с поднятыми винтовками и шашками, они переправились через речку ниже по течению и начали обходить село. Смоленцы двинулись вброд. Красные побежали. К нам, словно ожидая подходящего момента, погнал с другого берега паром старикашка: переправлять обоз и пушки.

Пришло радостное известие: корниловцы взяли Никополь — город на правом берегу Днепра. Операция разворачивалась успешно. Стояла задача скатиться «сверху» вдоль Днепра на противника, окопавшегося в Каховке. Каховка была опаснейшим участком нашего фронта — там, из низовья Днепра, красные в любой момент могли ударить в тыл и свернуть наше наступление.

Смоленцы оседлали бугор. Красные пошли в контратаку. С ними двигался броневик, но почему-то плохо ориентировался на местности. Спокойно спустился в балку с топким ручьем и высоким со стороны смоленцев берегом. Новиков приказал скакать к артиллеристам и подтянуть орудие. Но орудие не понадобилось.

Увидев смоленцев на горке, броневик стал искать, где бы ему переправиться назад. Видно было, что он торопился, быстро менял место, гудел, потом выехал на параллельную ручью дорогу и увяз. Команда выскочила и побежала через ручей. Смоленцы даже не стали по ним стрелять за такой подарок. Потом долго рассматривали броневик, хотели оставить в полку, но поступила команда отправить добычу в штаб дивизии.

Мы окунулись в безостановочное наступление, грома противника по всей длине фронта. Помню, у глубокой балки противник предпринял отчаянное контр-наступление. Но батареи выдвинули на линию наших цепей, они открыли огонь на картечь, и противника отбросило на конницу Бабиева, которая зашла ему в тыл. Враг бежал, бросая винтовки, пулеметы, тачанки... В одной из тачанок нашли огромный красный флаг с надписью золотистыми буквами: «Да здравствует непобедимая рабоче-крестьянская Красная армия». Вот тебе и непобедимая! Трусоватая... Новиков сказал:

— Заберем знамя с собой и бросим его под стены Кремля!

Флаг отделили от дровяка и теперь возили как реликвию при штабе полка.

Мы стали на привал около развалин разграбленной усадьбы. Мрачно чернели дымоходы и обвалившиеся стены. Дорожки и клумбы заросли травой. С оголенных деревьев падали последние листья. Среди тишины вскоре затрещали костры. Над равниной, подгоняемые ветром, понеслись подожженные шары травы перекасти-поле. Они подпрыгивали, летели. Волшебное зрелище обострило мое воображение. Мне показалось, что это я пускаю их, ворожея, предсказательница из хаты, где когда-то останавливались в Крыму, теперь огненными шлейфами пускаю порчу на врага... Хочу пожечь его на сотни верст... Вплоть до Медвежьего... И только на реке Трещевке остановить огненную волну...

Как мне хотелось быть всем-всем: и женой, и вещуньей, и Жанной д'Арк, спасшей французский народ, пусть египетской императрицей, лишь бы только сокрушить ненавистных мужу большевиков.

В очередном бою смоленцы пленили роту вместе с командиром, который назвался бывшим офицером. Его привели в штаб полка. Новиков разговаривал с ним откровенно и с полным доверием. Пленный рассказал о скверном моральном положении бывших офицеров в Красной армии, об их скрытом недовольстве и желании перейти к белым, о непрерывном запугивании их красными и напоминании им о расстрелах. Новиков даже оставил его ужинать с нами. Потом пленного должны были отвести в роту, которая его захватила: он хотел продолжить воевать в ней с красными. Мы сидели за одним столом. Пленный ел и громко стучал ложкой по тарелке. Наташа почему-то занервничала.

И вдруг:

— Вячеслав Митрофанович! И никакой он не офицер!

— Почему?

— На его руки гляньте!

Я посмотрела на мозолистые руки пленного:

— Ну и что, таскал пушки... Мозоли от револьвера...
— Да нет, под ногтями... Уважающий себя офицер ногти...
Я невольно глянула на остриженные ногти Новикова и длинные, с черными каемками от грязи, ногти соседа.
— Господин полковник, это чекист! Не одного офицера отправил на тот свет, — в дверях вырос Уманец.
— Это правда? — пристально посмотрел на «офицера» Новиков.
— Немало вашего благородия отправил! — зашипел «офицер», и глаза его налились кровью.
Все замешкались. Нас охватило чувство брезгливости.
— Уманец! — скомандовал Новиков. — В расход!
Адъютант выволок разговорившегося «офицера». Роте он уже не понадобился.

36

Я смутно помню названия сел, которые мы проходили. Бои уже шли за Апостолово. До Каховки оставалось меньше сорока верст. Нас торопили: «Скорее вперед!» Мы слышали: «Бабиев пошел!», и радости не было предела. Смоленцы подтверждали славное прошлое полка, отличившегося на ратных полях, шли днем и ночью, сбивая красных. В одном месте мы двигались под железнодорожным мостом. В то время, когда проходили, наверху наехал бронепоезд красных. Мы в сумерках оказались под ним. Из бронепоезда высунулась фигура:

— Какой вы части?

Никто не ответил.

— Эй, вы! Какой части, спрашиваю?

Мы молча прибавили шаг.

— Что за черт? Оглохли совсем?

Так от нас ничего вразумительного не добились. Но когда немного отошли, сзади раздался взрыв — подорвали бронепоезд. Сработали наши минеры.

Стало светать. Вброд перешли речку Бузулук с довольно крутыми берегами. Напрягая все силы, стремились скорее достичь Каховку.

И вдруг: не спешить... Что-то не ладится... Впереди нет врага, а нас держат!

Мы уже дошли до Херсонской губернии, и тут нас повернули. Почему? В бою у Апостолово шальной снаряд угодил в коляску с Бабиевым. И его конница сама повернула назад, увлекая всех остальных к отходу. Как это было знакомо, когда казаки решали за всех! Захотели оставить поле боя и оставляли. Командующий нашей 2-й армии, не в силах что-то изменить, приказал отходить на левый берег Днепра. Объяснил свое решение просто: войска натолкнулись на крупные силы противника. И, не желая подвергать армию гибели, он отдал приказ повернуть назад. Мы не поддержали своим фланговым ударом войска, которые пошли в атаку под Каховкой. Оставили их одних. И вся Заднепровская операция превратилась в авантюру.

Прохладные дни начала октября продолжились такими же буднями середины месяца. Смоленцы добрались до Днепра, к которому вереницами тянулись обозы. Повозки пропускали в несколько рядов, очень медленно, по очереди. Неделю назад мы с приподнятым настроением пересекли Днепр, мы шли победоносно. А теперь... Мост дрожал от телег, лодки качались. Телефонисты поспешно сматывали провода. Понтонеры, как и прежде, вычерпывали воду, но делали это спустя рукава. Лошади боязливо ступали на шатавшиеся баки, скрипевшие бревна. А позади уже постреливали.

Лоб Новикова покрыли морщины. Недобрые чувства одолевали его. Мы были у горнила победы, и победа снова ускользала из наших рук. В Касторной подкачали кубанцы — и здесь кубанцы, самостоятельно начавшие отход. Что же нам так не везло с казаками?

Полку поручили оборонять участок шириной в семь верст и потребовали растянуться вдоль реки. Но Новиков категорически возразил:

— Смоленцы всегда воюют в кулаке.

И всех свел в село. Мы стали в селе Ушкалке. Организовали разведку по берегу Днепра. Пришло время оглядеться и собраться с мыслями. Но от мыслей только еще тяжелее становилось на душе. В Ушкалке на улицах сгрудились обозы, кругом горели костры. Кубанцы с конями стояли на площади и грелись у кострищ. Их не очень-то волновало бегство с позиций, которое вынудило к отступлению 2-ю армию. Встречались алексеевцы, черкесы, самурцы — солдаты Самурского полка.

К кому подходила, только и слышала: красная конница пришла с польского фронта... поляки помирились с красными... красные всеми силами навалились на нас...

Смятение охватило меня, когда обнаружила, что я в положении. Еще не веря в это, пересчитывала дни, недели, месяцы, думая, что ошибаюсь и те изменения, которые происходили со мной, мало о чем говорят. Но... Я не знала, что мне делать. К кому обратиться за советом... Рядом не было никого, кому бы можно было доверить самое сокровенное. Кроме, кроме... А вот ему-то я и не могла сказать... Боялась, что окажусь не к стати со своими проблемами... Мое годичное скитание если и приносило радость, то радость какую-то половинчатую, ущемленную, взрывную, если хотите, травмированную, несвободную и, главное, беспокойную. На войне спокойствия не бывает. Думала, станет меня упрекать. А если и не подаст виду, то все равно будет переживать от такого известия. Разве во время боев можно рожать?! Клубок угрызений опутал меня... Подступило отчаянье...

Как ни скрывала, Новиков заметил упадок в моем настроении и спросил: «Оленька, вам нездоровится?» «Да, нездоровится, — прорвалось из меня с обидой, и я прижалась к его груди. — У нас, у нас... ребенок...» «И прекрасно! — воскликнул, немного задумавшись, и добавил: — Будет мальчик, назовем...»

Он поглаживал меня по голове. Я оторвалась от его груди: «Вячеславом». «Будет девочка — Ольгой», — с улыбкой проговорил он. И все страхи, все угрызения, все сомнения в одно мгновение улетучились.

Он рад! Он счастлив! И я! Лишь остался першаший, как после самокрутки у курящих, осадок. С этого дня меня окружили особым вниманием. Смоленцы, может, зная, а может, догадываясь обо всем, освободили меня от всяких хлопот.

Волновало здоровье будущего ребенка — дитя войны: не отразится ли на нем походная жизнь матери? Нервные переживания и физические нагрузки? Я прекратила поднимать и таскать раненых. Меня никто не посылал на передовую оказывать помощь. Но все-таки сказывалось слабое питание для родительницы, вынашивающей под сердцем дитя, и я понемногу таяла.

37

Одно накладывалось на другое. Отношения с махновцами испортились, и они нападали на белые части. Батальоны корниловцев под Каховкой растаяли до рот, усеяв приднепровские поля телами убитых. Говорили, что красные даже прорвали фронт под Каховкой и отрезали нас от Крыма, и теперь в тылу гуляла конница Буденного. Снова в моей жизни появился Буденный! Вахмистр-казак! Скольکو же бед он принес мне и моим близким!

26 октября красные неожиданно перешли Днепр. Смоленцы бросились атаковать. Красные лезли из всех щелей. Смоленцы ударялись о сплошную стену и отходили. Потом контратаковали, чтобы перерезать отход противнику. Но нас выдавливали из Ушкалки. Вскоре село настолько забило красными, что их оттуда не выкурил бы корпус самых отчаянных смельчаков. После неудачной контратаки смоленцы снова отходили — пришлось уходить по открытому полю. По нам стреляли, мы несли потери. Я ехала с Наташей в коляске и в страхе оглядывалась по сторонам. В эти минуты от опасности поддаться панике и совершить необдуманный шаг меня удерживала только близость Новикова, скачущего на Дарьяле.

И вот по всему фронту нашего участка мы увидели несметные тучи красной кавалерии, которая подходила к нам все ближе и ближе. Дистанция между нами уменьшилась до того, что мы стали ясно слышать их крики и брань в наш адрес. В ответ на это смоленцы на минуту останавливались, давали два-три залпа то в одну, то в другую сторону и продолжали отступать. Несли потери. Раненых подбирали на тачанки и загружали настолько, что нельзя уже было стрелять из пулеметов. Новиков метался от одного края полка к другому, организуя отход.

Лавы обходили фланги и были готовы сомкнуться за нами. Конники махали шашками. Я уже ни о чем не мечтала, только безболезненнее принять смерть. И тут появились корниловцы. Они шли на врага ровным строем. И нас охватило чувство победы: близко друзья! Смоленцы устремились вперед. Противник в замешательстве отхлынул. После боя к коляске со мной и Наташей подскочил Новиков:

— Обоз отправляю в тыл! Вы уходите с ним!

— Почему?

— Вы что, не видите, что творится...

Нам рассказали, что корниловцы своих полковых дам и сестер милосердия усади в Крым.

— Вячеслав Митрофанович! Но ведь там же на пути конница Буденного...

— Ладно, когда вы со мной, мне спокойнее... Но видите, как ошалели...

— Мы живыми в плен не сдадимся! — воскликнула Наташа.

— Мне еще этого не хватало! — сказал Новиков и, как один из римских императоров, протянул руку с опущенной ладонью.

Тем временем мой брат с дроздовцами находился в десяти верстах от Днепра в селе Рубановка. Командир дроздовской дивизии собрал офицеров и приказал: «Немедленно приготовиться к выступлению. В тылу гуляет Буденный!» Не успели дроздовцы выступить из села, как поступил новый приказ: идти на уничтожение двух других дивизий красной конницы и дивизии пехоты. Только отошли от Рубановки, как их атаковали красные. Дроздовцы отбились и направились выполнять задачу. По пути захватывали села, откуда вышибали красных. Пролетел летчик и обнаружил еще конницу в десять тысяч сабель с артиллерией. Дроздовцев бросили на поиски этих частей.

Складывалось впечатление, что наши тылы наводнило конницей противника, которую искали белые и пытались уничтожить.

2-я армия заняла оборону по линии от днепровских плавней до Азовского моря. Ее штаб находился в Мелитополе. Участок от Большого Токмака — станции на железной дороге — до плавней прикрывался 6-й пехотной дивизией, в которую входил наш полк, и 7-й пехотной. Смоленцев послали под Большой Токмак.

Мы пришли в колонию Андребург: здесь рылись окопы в полный рост, все делалось под зимнюю кампанию. Наконец-то мы могли зацепиться.

— Будем держать оборону всю зиму. Справа в 12 верстах Большой Токмак, слева в восьми верстах село Васильевка, — обрисовал положение Новиков.

Что ж, это радовало. Первая ночь прошла беспокойно. Ждали противника, но он не появился. Солдаты ночевали в недорытых окопах, от холода грелись у костров. А впереди пленные вкапывали столбы под проволочные заграждения. Новиков направился обходить заставы. На бруствере одного окопа увидел «люис» и кольты — запоздалую помощь бывших союзников по коалиции, — а пулеметки дулись в карты.

Новиков незаметно оттащил в канаву «люис». И к солдату:

— Где пулемет?

— Ваш благородь... не знамо... — вскочил пулеметчик.

— Эх, тетеря! — показал на яму, где блестел корпус пулемета.

— Ваш благородь... Та мы...

— Секир башка, и будет тебе «та мы»...

Во вторую ночь пленные уже кончали тянуть проволочные заграждения. Потом должны были дорыть окопы, и из них собирались скомплектовать батальон. Заставы охранения не сменялись, а красных все не было.

38

Поступил приказ выступить в Ново-Муталь, что в 6 верстах от колонии. Нас сменили самурцы, которые с руганью заняли недовырытые окопы. Они, как и мы, надеялись на готовность тыла.

А мы покинули Андренбург. Дождь превратил землю в слякоть. Вспомнилась распутица на Кубани. «Неужели нас ждет повторение? Увязшие повозки? Тонущие в грязи сапоги? Тиф?» Кое-как добрались до Ново-Мутали, разошлись по квартирам. Мы устроились в доме глухонемого немца. От огня гудела плита, мы сушились и пили горький «принс» — разновидность местного пива.

— Тебе нельзя, — говорила мне Наташа.

— Немного можно, — отвечала ей. Мне хотелось напиться и забыться.

Хлопьями летел снег и, падая, тут же таял. Меня уже мало волновали известия о том, что где-то прорвалась очередная партия конников и тысячи всадников бродят в тылу. Я сидела у окна и безучастно наблюдала за тем, как в конце улицы с обеих сторон складывали из плугов, борон и косилок баррикады.

«Вот так же подсобными средствами крестьяне хотели остановить казаков, — вспомнила заграждения в селе Привольном, когда казаки хотели пленить моего отца. — И что из этого вышло? Отца все равно схватили».

Часа в три дня поднялась ружейная и пулеметная стрельба. От Андренбурга, где остались самурцы, к Ново-Мутали наступала кавалерия. Самурцы отчаянно отбивались, но они уже были окружены. Смоленцы выступили к ним на помощь и в поле столкнулись со стеной конницы. Наша батарея ударила картечью. Видно было, как падали лошади и всадники, а они все лезли и лезли, пытаясь обойти. Солдаты еле вытягивали ноги из липкой грязи. Казалось, все против нас: ненастье, лавина конницы, усталость.

Новиков отдал приказ поменять маршрут. Мы надеялись вернуться от конного потока. Начало темнеть. Заморосил дождь. Мокрые и грязные смоленцы проходили по вспаханному полю. Изредка раздавалась команда «Стой!». Смоленцы останавливались, давали несколько залпов и опять шли, выбиваясь из сил. Рядом со мной ехал Уманец. Он махал пачкой листовок с законом Врангеля «О земле» и по одной разбрасывал в поле. Листы кружили и прилипали к мокрой глине. На них большими буквами выделялось:

«Всяк хозяин своей земле».

«Раньше бы! — подумалось мне. — А что раньше?»

— Красные тоже выдохлись, еле движутся, — заметил Уманец. — Небось, останутся ночевать в колонии... Дальше не пойдут...

Показались черные щиты домов, в которых не было видно огней. Мы вошли в спящее село. Новиков распорядился выставить заставы, перекусить и ложиться спать одетыми. Мы с Наташей зашли в угловой дом, громадные комнаты которого оказались пустыми. «А где хозяева?» — спросили. Но искать не стали. Растянулись на полу и быстро заснули. Я не слышала, как вернулся с обхода Новиков, как накрыл своей шинелью (одежда на мне уже почти высохла), как при лампаде изучал карту.

На рассвете нас разбудил Флигерт.

— Я дошел до ручки... Дальше идти не могу... — сказал Новикову.

Противно было слушать мужчину, который оказался слабее бабы. Я отговаривала Флигерта, напоминала о его жене Новоскольцевой, спрашивала, не навредит ли ей? Но Флигерту уже все было безразлично. Он выдохся. Обессилел. Уверенности в том, что он сумеет дальше двигаться, не было никакой. Сказывалось его канцелярское прошлое: протирание штанов в военкомате. А везти его в отдельной повозке было чрезмерной роскошью. Флигерт остался. Обогревшись, отъевшись, отлежавшись, пополнив у колонистов запасы провизии и корма лошадям, мы тронулись дальше.

День выдался пасмурный, холодный. Мы не знали, где противник, и взяли направление на село Богдановка. Красных не было видно нигде. Не обнаруживали их и высланные вперед дозоры. «Враг, что, ушел? Спрятался? Затаился?» — спрашивала я и не получала ответа. Смоленцы колонной двигались по сплошной равнине. Впереди рота Мыльцева-Минашкина. За ней — скомплектованный из пленных батальон. Им командовал Клавдий Златоустов. Я с сестрами милосердия ехала в середине обоза. Замыкала колонну рота Златоустова, ей теперь командовал Косцов. Часов в десять утра раздались орудийные выстрелы. Мы увидели облачка шрапнельных разрывов.

Мы подошли к обрыву. Под обрывом в широкой долине в тишине и покое лежало село Богдановка, через которое тянулась железная дорога. Вдали виднелась станция, где на путях дымили два бронепоезда. Около бронепоездов кружили всадники.

— Королев! Узнать обстановку! — Новиков выслал разведку.

Вскоре вернулся один из разведчиков:

— Бронепоезда наши, а всадники — донцы.

Смоленцы спокойно втянулись в Богдановку и разошлись по хатам. В доме, который облюбовали мы, хозяйка принялась варить картофель в мундирах.

Откуда-то раздались выстрелы. Снаряды с воем понеслись над головами. Стекла в хате зазвенели: вот-вот вылетят. Мы выскочили во двор: через все село бил бронепоезд. В долине затрещала ружейная и пулеметная стрельба.

Подлетел Уманец:

— Выступаем!

Улицу запрудили коляски, повозки, упряжки с пушками.

— Быстрее проходи, обозы!

— Обозы, проходи!

— Нижняя половина села занята красными! — кричал кто-то.

На горизонте показалась лава красной конницы. Она двинулась в обход. При виде огромной массы кавалерии сделалось жутко. Новиков скакал сзади и оглядывался. Смоленцы пошли над ложиной. Новиков останавливался:

— Батальоны, ко мне!

39

Батальон Златоустова — главным образом, пленные. Они уже были у белых, попали к красным, от красных снова к белым. Везде их брала в плен кавалерия, и они страшно боялись конницы. При ее появлении растерялись и побежали.

Златоустов стрелял вверх и кричал:

— Назад! Назад!

Около Новикова собралась рота Мыльцева-Минашкина. Они дали несколько залпов. Но только на минуту задержали красных. Кавалерия была уже в двухстах шагах. Отчетливо слышалось ура каждого летящего на нас всадника. Пленные, как один, воткнули штыки в землю и подняли руки вверх.

Дело дрянь! Смоленцев вокруг Новикова осталось человек сорок. Мы быстро двигались по ложине. Я слышала сзади храп лошади Новикова.

— Слушай мою команду! — ежеминутно кричал Новиков. — Пли!

Смоленцы давали залп, другой, третий. Кавалерия немного рассеялась. Поле как будто очистилось. Пехота перешла на бег. Мы с Наташей пустили коляску рысцой. Лава близко.

— Пли!

Конники отхлынули. Но справа от смоленцев вылетели на тачанках с пулеметами.

Залп! Мы быстро скакали, бежали, но нас догоняли. Офицеры оборачивались и на ходу стреляли. Мыльцев-Минашкин еле успевал заряжать наган. Новиков отстал шагов на сорок. Он скакал верхом и не хотел быть впереди. Его окружили несколько всадников.

— Лови золотопгонника! — закричали.

— Нет, врешь, не поймаешь!

Новиков выхватил револьвер. Два всадника повалились с лошадей, третий пустился наутек.

— Батальон! Стой!

Смоленцы остановились и дали подряд несколько залпов. Красные уже не гнались за нами. Мы выбрались из ложины, перешли через насыпь железной дороги. К нам приближался бронепоезд. Бронепоезд прошел мимо и открыл огонь по красной кавалерии. Появилась рота Косцова. Одиноко показался Златоустов.

— Вячеслав Митрофанович, — он развел руками.

— Принимай роту назад! — сказал Новиков.

Откуда-то взялись алексеевцы. Их осталось не более сотни.

Тут запыхтел паровоз вернувшегося бронепоезда. Из окна высунулся командир и счастливо закричал:

— Братцы, живы! А я залез на вагон — вижу маленькую колонну среди неприятельских разъездов! И приказал открыть огонь! Они ведь вас могли раздавить.

— Ничего себе, маленькую...

Алексеевцы подсели к нам на коляски, и мы продолжили путь.

— А где полковник Бузун? — поинтересовалась я.

— Под ним ранили лошадь. И он пересел в бронепоезд.

— А Ванда Иосифовна?

— Не знаем...

«У них с Вандой Иосифовной всегда все не как у всех, — подумала я. — Свой кучер. Свое купе в штабном вагоне. Своя каюта на пароходе...» Вспомнила прогулки на тройке в Купянске, вагон на станции, пароход «Николай» в Новороссийске, и захотелось упрекнуть Новикова: «А что же ты? У тебя жена на сносях! А трясется в обозе! Где твой штабной вагон?» Но язык не поворачивался. Новиков отличался от Бузуна тем, что был именно Новиковым. И мне в который раз стало стыдно за свои мысли.

40

Пока ехали до следующей станции Федоровки, от алексеевцев узнала, как их накрыла конная лавина. Под Бузуном ранило коня, и полковник чудом не угодил в лапы красных. Обоз с кухней, лазаретом отрезала конница, и судьба их неизвестна.

— А Ванда Иосифовна? — пыталась выяснить.

И лишь слышала в ответ:

— Не знаем...

«Неужели Ванда Иосифовна попала в руки красных? Первопоходница, ефрейтор!»

Как только мы въехали в Федоровку, я бросилась искать Бузуна. Улицы переполнили обозами, на станции гудели паровозы, морозило, но я не чувствовала холода. Бузуна нашла у коменданта станции и с ходу спросила:

— А Ванда?

— Ванда Иосифовна в целости и сохранности. Она уже неделю как в Севастополе...

— Ах, вон оно что...

— Это я теперь не у дел... Вот, отбил телеграмму в Мелитополь, в штаб армии: «Алексеевского полка больше нет...».

Я вышла со станции с тяжелым чувством: «А ты-то, дуреха, думала... А они-то и здесь...» Стало еще обиднее и за себя, и за Новикова: нас-то и пожалеть-то по-настоящему некому. С этого дня я запретила себе вспоминать полковника

Бузуна и его Ванду Иосифовну. Образ первопоходников окончательно померк в моем сознании.

Смоленцы прибыли в Мелитополь пешим порядком. В городе опустели улицы. Редкие прохожие куда-то торопились. В городском саду больше не замечалось ни белых платьев, ни шумных компаний, на которые обратили внимание в свой свадебный отпуск, а лишь звуки «Сильвы» доносились из еще не закрытого кафе. В штабе армии царил неразбериха, по коридорам сновали офицеры, в кабинетах звякали стаканы, только и слышалось: «Мы отрезаны! Мы...» Новикова поразило паническое настроение штабных офицеров. «Их бы под красных конников, сразу бы поняли, как себя вести».

Новиков прошел к телефонному аппарату и связался с командующим 1-й армии генералом Кутеповым.

— Полковник! — обратился к нему генерал. — Угмоните вы этих трусов! Они не дают покоя! Только и звонят: спасете нас или нет? Скажите, пусть не трясутся. Всех выведем!

В это время части 1-й армии прижимали прорвавшихся в тыл белых буденовцев к Сивашу.

— Хватит пить! — Новиков распахнул дверь в комнату, где за столом с бутылками сидели штабисты. — Через час выхожу из Мелитополя. Кто хочет спасти свою шкуру, собирается и следует за мной!

— Плкывник! Вы кык бр-рщаетесь?! — заплетался язык у одного в расстегнутом кителе.

— Приведи себя в порядок, тыловая крыса!

— Господь-ин Но-вик-в! Ви ответь-ти-те...

Меня поразило состояние командного состава. Где-то на передовой солдаты сражались до потери крови, думая, что и наверху властвует глубокое понимание важности борьбы и там идет напряженная работа, а оказывалось, там царил атмосфера полного разложения.

Продолжение следует

Ирина САМСОНОВА

ПРОЙДУСЬ ПО УЛИЦАМ РОДНЫМ

Стихи

СЧАСТЬЕ

Среди берез стоит село.
По улицам родным пройдусь,
Я сладким воздухом его
Дышу, никак не надышусь.

Такие русские места,
Дома и печки с трубами.
Березок чистая листва
Сверкает изумрудами.

Прильнула к бережку река,
С ним хорошо, не скучно ей.
А тишина вокруг легка,
Она звучит мелодией.

Слетают сами с губ слова,
Здесь всё поет, и я пою:
Благодарю тебя, земля,
За красоту благодарю!

И в улей мед несёт пчела,
И хлебом пахнет от полей,
Блестят церквушки купола,
Воркует стайка голубей.

И песнь берез, и сердца стук,
И от земли идёт тепло...
Ты только посмотри вокруг:
Да вот же счастье, вот оно!

* * *

И ночь длинна, и воздух свеж,
И лист березы цвета беж,
И тишина, и ни ку-ку,
И белый конь по ивняку.
И хоть сентябрь, но солнца шар
Еще не весь истратил жар.
Рассвет съедает ночи мрак,
И исчезает конь-ведьмак.
И солнца снова торжество,
И летнее вокруг тепло.
И светло-синий небосвод,
И георгин в саду цветет.
И галки на ветвях галдят:
«Вернулось лето к нам назад!»
И верить хочется в обман,
Хоть по утрам стоит туман.

ЗДЕСЬ ВСЁ МОЁ

Удачу мне звезды дали,
А счастье — восход золотой,
Когда из далекой дали
Я путь начала свой земной.

От яркой рябины — щеки,
А волосы — от сентября.
От белых березок руки,
Теперь им сестренка я.

А сердце нашлось — умора,
Не догадаетесь где!
Под крышей родного дома
В ласточкином гнезде.

Над тайной находки сколько
Ни думала — не разгадать.
Ну сердце как сердце, только
Оно умеет летать.

А мама прижала крепко
И прошептала, любя:
«Моя золотая детка,
Кровиночка ты моя!»

Родители дали мне имя,
И помню отцовский урок:
«Сумей разглядеть, что не зримо,
Читать научись между строк.

Ты будь и выше, и чище
Тех, кто с гнильцою внутри.
Всегда смотри на жизнь проще,
И сердце напрасно не рви».

Природы песчинка, кроха,
Земля — мой очаг, мой приют...
А песни мои — от Бога,
Они мне все с неба идут!

МЕТАМОРФОЗЫ

Серый асфальт,
серые стволы деревьев,
серый снег под ногами прохожих,
серая кошка сидит на серой скамейке...
Уныние...
Золотой асфальт,
Золотые стволы деревьев,
Золотой снег под ногами прохожих,
Золотая кошка сидит на золотой скамейке...
Полнолуние!

ОДИНОКАЯ ВЕСНА

Село затихло, вечер поздний,
Иду тропинкой луговой.
Черемуха, как будто слезы,
Роняет цвет передо мной.

К ветвям губами припадаю,
Шепчу: мне грусть твоя ясна,
Как трудно быть одной, я знаю,
Когда на улице весна.

Все, как тогда, чудесный вечер,
Черёмуха белым-бела,
Лишь нет его на этой встрече,
А я надеждою жила.

Я помню, как он жарко клялся
И руки целовал он мне.
Но заблудился, потерялся,
Остался в той, другой весне.

Черёмуха, моя родная,
Его следы запороши.
На сердце боль ещё живая,
Её не буду ворошить.

В ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

На улице мрачно и скучно —
Период осенних дождей.
И низкие сизые тучи
Всё холодней, холодней.

И птицам не высушить перьев,
И ветер студёный в лицо.
А остовы чёрных деревьев
Похожи на мертвецов.

КОСТЁР ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД

Не слышно трели соловьиной,
В осеннем небе — журавли,
А за окном горит рябиной
Костёр несбывшейся любви.

Прохладны ночи, сердцу зябко,
Как зябко веткам без одежд.
А за окном пылает ярко
Костёр утраченных надежд.

Сверкают гроздья, душу раня,
От сердца к сердцу рвется нить.
Ни дождь, ни снег не в силах пламя
Тех ягод сочных затушить.

Рябина, ты не виновата,
Мою печаль прости ты мне,
Вся горьким пламенем объята,
И я сгораю в том огне.

Аля ЧЁРНАЯ

ХИПСТЕР

Рассказы

БЕЗДУШНЫЕ

* * *

— Будьте в форме с новой коллекцией спортивной обуви Shoes, способной выдержать экстремальные нагрузки. Проверено практикой.

— Высокое качество никогда ещё не было так доступно. Это близко. Это дёшево. Выбирай сеть магазинов «Лосось».

— Беспрецедентно. Cabriolet.

Реклама теперь в моде. Короткие слоганы. Яркие картинки. Это нравится всем. Жизнь сейчас не слишком продолжительна, чтобы тратить её на долгие истории о чужих трагедиях. Только самое лучшее и самое удобное.

Лиза жмёт на кнопку, когда ей грустно. На кнопку пульта от телевизора. На сенсорную кнопку телефона. На клавишу ноутбука. На кнопку вызова лифта. На кнопку включения микроволновки. В общем, на все кнопки подряд.

— Боль нельзя терпеть. Боль можно победить. «Ремеди» — надёжное средство против боли.

— Победителей не судят. Им завидуют. Спортивная одежда Triumph.

Главное — когда всё вокруг много говорит. Люди спорят в прямом эфире на телевидении. Снимают себя в идиотском положении и выкладывают в Интернет. Громкая музыка орёт у соседей. На улице двое автолюбителей ругаются, не поделив проезжую часть. Слышатся выстрелы. Каждый день кто-то кричит от невыносимой тоски. Кто-то пьёт, напиваясь до отключки. Сейчас такой ритм. Это нормально. Мы так живём.

Мы любим друг друга, несмотря на то что каждый день наносим всё новые ножевые ранения. Мы заботимся друг о друге, даже если хотим убить. Мы скучаем друг о друге, закрыв глаза на безумие, которое вытворяем здесь. Нам нужно быть привязанными к другому, потому что мы люди. В любое время, даже в самом немислимом историческом разрезе, мы люди.

— «For you» — канал, созданный специально для тебя.

— «Акула» — доставка по-настоящему живой рыбы.

Когда Лизе тоскливо, она жуёт. Но сейчас никому нельзя быть толстым, поэтому она просто жуёт, но не ест. Она работает своими челюстями, когда слушает дебаты по телевизору. Она перемалывает, когда делает уборку своим новым супермоющим пылесосом. Она жуёт, намыливая голову шампунем для роста шикарных волос. Она жуёт, а потом выплёвывает всё это в мусорное ведро, потому что нельзя быть толстым.

— Спасти жизнь может каждый. Благотворительная организация «Стук сердца». Будьте с нами.

— Малыши соулесс¹ будут любить вас просто так. Заказ по телефону 87-52-900.

Иногда Лизе не с кем поговорить. Разговоры отнимают много времени. То, что отнимает много времени, непрактично. То, что непрактично, бесполезно. То, что бесполезно, — долой.

Иногда Лизе хочется просто побыть наедине с живой душой. Но эта душа всё время отпирается, потому что спешит на работу или у неё валяются все сроки заказа. Лиза любит живую душу. Но другой живой душе некогда любить.

— Занимайтесь своими делами. Стиральная машина «Мася» сделает всё за вас.

— Соулесс — это как плюшевые мишки, только живые.

— У нас — доверие поколений. Агентство недвижимости «Стократ».

Друзья имеют привычку уходить. Мужчинам нравится бросать женщин. Родителям свойственно впадать в детский эгоцентризм. Живые умирают. Все покидают тебя.

Когда Лизе хочется плакать, она бежит по беговой дорожке, пока пульс не начнёт заходить за сто пятьдесят ударов в минуту. Тогда думается только о том, как ты устал и хочешь пить. Больше не хочется плакать.

— Они всегда рядом с тобой. Соулесс — это тот, кто ждёт тебя. Заказ по телефону 87-52-900.

— Восхищение в золоте. Сеть ювелирных украшений Brilliant.

---

¹ От английского soulless – «бездушный».

Лиза лежит на полу. На паркете неглубокие, но ощутимые следы от ногтей. Когда Лизе плохо, она ищет живую душу. Но живые души слишком заняты. 87-52-900.

* * *

Эти зверьки не похожи на кошек. Они не похожи на собак. Нет ничего общего и с домашними грызунами, вроде хомяков и шиншилл. Это довольно нестандартные животные.

В цивилизованный мир они попали из дебрей Амазонки. Животные жили далеко от племен индейцев. Своими ловкими пальцами они плели корзины. Их огромные глаза очень похожи на человеческие. Американские исследователи без особого труда изловили десяток диких существ, которых позже назвали соулесс.

Животные прекрасно адаптировались в новой среде обитания. Ни обстановка, ни изменение климата не повлияли на их способность к размножению и выживанию. Их человеческие повадки говорили о развитости мозга. Некоторые учёные сравнивают их с обезьянами, но на самом деле ничего схожего у них нет, разве что пальцы на лапах.

Соулессы издают звуки, напоминающие бульканье воды в кастрюле. Между собой животные много общаются, но больше всего им нравятся люди. Очень странно, что индейцы не брали их в качестве домашних животных. Звери обладают сильной эмпатией и поэтому могут по-человечески сочувствовать, выражая своё участие жестами и поступками.

Вскоре после исследований, которые так и не были завершены, а находились лишь на этапе сбора информации о необычных животных, ими заинтересовался бизнес. Разумеется, здесь не обошлось без коррупции, так как извлекать соулесс из лаборатории было законодательно запрещено. Но, почуяв большие деньги, специалисты поспешили объявить исследования завершёнными. Животных поместили в благоприятные условия для дальнейшего размножения. Предприимчивые люди быстро сделали неплохие деньги, продавая зверят избалованным аристократичным дамам, которым хотелось приобрести что-нибудь экзотическое, когда декоративные поросята вышли из моды.

Прошло немного времени, и продажи стали массовыми. Цены на соулесс стали более демократичными, чтобы стимулировать спрос. Затем спрос стал превышать предложение, и тогда люди вновь отправились в леса Амазонки за новыми животными.

Соулессы стали чем-то вроде домашних питомцев, только лучше. Они едят то, что им дадут, кроме шоколада и всего, что связано с шоколадом. Они могут ходить с тобой на прогулку, когда ты сам захочешь. Они справляют нужду там,

где им положено, а не где придётся. Им нравится то, что нравится тебе. Они ждут тебя после работы, чтобы обнять, а не только потому, что ты покормишь их. Они могут выполнять несложную работу по дому. Они могут спеть тебе своим необычным урчанием, чтобы тебе не было печально или чтобы хорошо спалось. Они любят тебя просто так.

* * *

Когда Лизе было семь лет, отец принёс ей черепашку. У мамы Лизы была аллергия на всё подряд, поэтому всё, что себе могла позволить девочка, — это пресмыкающееся, вроде крошечной сухопутной черепашки.

Животное, которое она принесла в свой дом теперь, сильно отличалось от тех, с кем Лизе приходилось сталкиваться в своей жизни. Продавец очень много и быстро говорил, собирая в кучу важное и второстепенное, так что никто ничего не понял. К зверьку прилагалась инструкция по поводу того, как его мыть, чем кормить и когда выгуливать.

Некоторые пункты были совсем как руководство по содержанию лабрадоров, а некоторые не встречались Лизе донныне.

«Жареное и солёное следует ограничить до одного раза в три дня. Фастфуд исключить. Свежие фрукты и овощи должны присутствовать в рационе».

«Выгуливать требуется каждый день в любое удобное время, желательно подальше от движения автомобилей — выхлопные газы вызывают у соулессов астму».

«Держите своего нового любимца подальше от проводов — они плетут из них косички».

Зверёк очень быстро пришёл в себя после недолгого путешествия в машине. Во время езды он то и дело скакал на заднем сиденье, заглядывая в окно. Лиза заблокировала двери, чтобы животное не выбежало ненароком, хотя продавец и уверял её, что он очень послушен по своей природе.

Первым делом Лиза показала соулессу его место. В руководстве написано, что его так называемая кровать обязательно должна находиться в одной комнате с хозяином, иначе зверь будет тосковать и громко стенать по ночам. Лиза постелила плед и накидала на него подушек и мягких игрушек, чтобы животному было с кем поиграть.

Лиза протянула зверю миску с нарезанными бананами и персиками, но тот, вместо того чтобы есть, то и дело тёр свои глаза. Девушка было подумала, что ей подсунули какого-то больного зверёныша, но, посмотрев в инструкцию, поняла, что он просто хочет в туалет. Тогда Лиза отвела его по назначению. Забавным ей показалось то, что после справления нужды соулесс, как ребёнок, помыл руки с мылом.

Пока он ел, девушка придумывала ему имя. На первые двадцать семь животное отказывалось откликаться. На двадцать восьмой раз зверь зарокотал. Теперь он звался Роби.

Когда Лиза мыла посуду, Роби мирно сидел на стульчике, играясь с полотенцем. В инструкции написано, что животное можно обучить, если с ним заниматься.

— Смотри, малыш, это тарелка. Когда она чистая, но мокрая, её надо вытирать полотенцем. Вот так.

Роби это понравилось, и он вытер все мокрые тарелки и чашки, а когда те закончились, то брал сухие, мочил их и вновь вытирал. Лиза так хохотала, что по неосторожности уронила на пол стеклянный стакан, и он разбился вдребезги. Собирая осколки, она поранила палец. Роби застонал и подбежал к Лизе. Он взял её за раненый палец и начал слизывать языком кровь. Когда рана перестала кровоточить, то зверёк заурчал и погладил руку своей хозяйки.

— Соулесс — ваш самый верный друг. И даже лучше.

* * *

— Может быть, ты перестанешь всюду таскать за собой этого уродца?

Подруге Эле малыш Роби давно перестал нравиться. Вначале он умилял всех знакомых Лизы, но потом всё чаще она оставалась дома смотреть со своим зверьком комедии, вместо шумных встреч со знакомыми, которые так безжалостно критикуют её одежду, её манеры, её взгляды на жизнь. А теперь они в открытую нападают, устраивая маленькие скандалы то по телефону, то прилюдно. Первой не выдержала мать.

— Ты же носишься с ним как старая дева со своим перекормленным пуделем! Посмотри на себя, когда у тебя было свидание последний раз? Тебе пора бы подумать о том, чтобы завести настоящего ребёнка, а не нянчиться с этим недоразумением.

Все хотят от Лизы чего-то. Кредиторы хотят денег. Родители — оправдания их надежд. Знакомые просто хотят задавить своими сомнительными советами. Почему бы им всем не превратиться в зверей, которых можно посадить в зоопарк?

— С днём рождения, мой миленький. Два года, как ты живёшь здесь, со мной.

Роби прыгал до потолка. Все счастливы, кроме родных Лизы.

Лизе пришлось бросить курить, потому что табачный дым вызывает у Роби кашель. Но это даже пошло ей на пользу.

Лиза отрастила волосы, потому что Роби нравится заплетать ей каждое утро косички.

Лиза купила гитару и немного научилась на ней играть, чтобы по вечерам петь вместе с Роби.

Лиза перестала есть солёное и жареное, а ещё шоколад, потому что Роби нельзя есть такие вещи.

* * *

Малыш Роби оскалил зубы. Она ни разу не видела таких острых клыков. Зверёк был крайне зол: он так сжал зубы, что из дёсен сочилась кровь. Утробное

бульканье стало похоже на хрип кипящего вулкана. Когда-то человеческие глаза стали хищными, демонически окрасившись в ярко-жёлтый цвет.

Малыш Роби учуял запах чужого человека. Лиза контактировала с ним достаточно близко и довольно долго. Пропахла одежда, кожа, волосы. Нет, это не следствие простых объятий с подругой или матерью. Это продолжительнее, чем просто объятия.

Ногти Роби скребли стену на кухне. Постель Лизы разодрана на лоскутки. В инструкции об этом ничего не сказано.

— Роби, ну что с тобой?

Лиза была не просто обеспокоена. Она была перепугана до смерти, и тяжело было выдавить слова. Густая слюна капала с челюстей животного прямо на пол.

Поборов страх, Лиза потянула руки к своему домашнему любимцу.

— Люблю тебя, Роби. Иди ко мне, не пугай меня так.

Зверёк поддался. Глаза вновь стали человеческими, и из них даже текли слёзы.

— А теперь давай приберёмся здесь, хорошо?

Животное виновато стонало и, оправившись, стало сметать в кучку пух и перья, вылетевшие из истерзанной подушки.

* * *

Последующие месяцы Роби был покладистым. Всё стало как раньше. Лизе просто нужно было принимать душ перед приходом домой, чтобы от неё не пахло другими людьми.

— Ты совсем с ним свихнулась. Не хочешь его усыпить?

— Ты что, он же как член семьи!

— Какой семьи? В которой есть только ты и это чудище? У тебя же друзья, родители, теперь даже мужчина появился, хвала Небесам! Ты намерена скрывать всё это от какого-то животного?

— Мы же в ответе за тех, кого приручили. Он такой ласковый. Он думает, что я его мама. Ему так плохо, что я ухожу к кому-то другому, оставляя его одного. Это бесчеловечно — выкинуть его за ненадобностью.

* * *

Телевизор включён на всю мощь, так что не было слышно ничего необычного. Крики и мольбы о помощи могли быть просто кадром из триллера.

Глубокие укусы и порезы по всему телу. Кровь всюду. Вещи, за которые она цеплялась. Кровать, на которую она падала. Пол, по которому она ползла.

Дикие звери из глубин Амазонки любят слишком сильно, чтобы просто так отдать своего хозяина другому. Они слишком долго копят свои славные чувства, чтобы легко забыть о них. Они не привыкли получать так много, как им требуется по природе.

Малыш Роби был истреблён. И ещё сотни таких малышей, после того как они живо разодрали своих хозяев от избытка любви.

Люди в строгой форме долго говорили между собой, глядя на мёртвое тело Лизы.

— Почему бы не объявить официально, что эти звери опасны? Это же далеко не первый случай.

Его коллега строго посмотрел на вопрошающего:

— И что тогда? Кто в этом виноват? Кто притащил их сюда? Хочешь массовой паники и ненависти? По-тихому изловим этих тварей и дело с концом.

— А это?

— А это просто очередной маньяк завёлся, которого мы скоро посадим в тюрьму. Понял?

— Понял.

— Они всегда рядом с тобой. Соулесс — это тот, кто ждёт тебя. Заказ по телефону 87-52-900.

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ УБИЛА СВОЮ КОШКУ

Ты бы видел её, друг мой. Дождь не пощадил ни сантиметра её одежды: кроссовки утопали в грязи, комья сырой земли налипли на подошвы и отяжелели стройные ноги. Спортивные штаны были похожи на половую тряпку, которой уже успели протереть паркет, а её свитер... Представь, свитер, и это в середине августа! Соглашусь, что погода была скверной в последние месяцы, но лето было летом и свитер носить в это время в народе не принято.

Она прибежала будто из леса. Жадно дышала, словно леший гнался за ней до самого края зелёной полосы. Волосы, как водоросли, налипли на её лицо, а ногти были совсем синие, будто их молотом отбили. Ни одного живого человека в округе я в тот день не видела. Да, точно говорю, дождь целый день поливал как из ведра, и ни одного посетителя.

Девочка не только потому мне запомнилась. Я видела её силуэт в окне, когда он напоминал лишь движущееся пятно вдалеке. Её бег был странным, на полусогнутых и с поочерёдным выбрасыванием сильных кулаков, словно она готова ударить всякого, кто посмеет встать на её пути. Скомканный комок нервов, зубы сжатые — она ещё не успела войти, а меня уже обдало этой волной маниакальности. Этой неудержимости в камуфляже тотального разрушения.

Из меня рассказчик никудышный: хотелось больше загадки, пафоса, а в итоге все карты в самом начале раскрыла. Что ты улыбаешься так снисходительно, думаешь польстить мне, лицемер никчёмный? Понимаю тебя, мой друг, я тоже улыбалась ей тогда, но так и не понимаю зачем. Скорее, это было проявление животного страха: вежливость как туманная гарантия безопасности.

В книгах много пишут об обманчивости внешности, да и мне уже не так мало лет, чтобы прикидываться, будто сей факт от меня ускользнул. Но здесь дело

было другое: её тело служило лишь лоскутом, чтобы прикрыть то, у чего, наверное, даже нет названия.

Если бы я или, к примеру, даже ты, да кто угодно, бежал бы в такой ливень, то наверняка ввалился бы в помещение как неуклюжая курица, подрагивая и волоча свои отбитые ноги. Но эта девочка вошла, строго подняв подбородок, отчеканивая каждый шаг, и, несмотря на хлюпанья её кроссовок и капли, стекающие по лицу, это зрелище отнюдь не было жалким. Она была отдельно от всей грязи, налипшей на неё. Она была больше, чем её фигура, чем её одежда, чем её имя. Мне казалось, что она больше самой жизни, что теплилась внутри меня, отчаянно стараясь привести дыхание и сердцебиение в норму.

Я, как лужа киселя, подобралась к ней с предложением пройти в уборную, куда я принесу ей чистые полотенца. Кротко кивнув, она пошла за мной. Забылись вдруг все повелительные наклонения, мои обычные «пройдите», или «вам стоило бы», или хотя бы «взгляните». Превратившись в услужливую каракатицу, я спросила, могу ли предложить ей свою рубашку и джинсы, которые у меня на всякий случай всегда имеются в шкафчике. Она смотрела на меня так долго и пристально, что я уже совсем и не я и вовсе не предлагаю ей что-то, а ищу дно. Бесконечно печальные глаза, будто вся горечь необъятной разумом Вселенной поселилась в её груди. Нет, мой милый, для души там нет места. Чёрная дыра, а может, целых две. Разверзающаяся пустота и в то же время сверхъестественная наполненность разрывали её нутро, и расходящиеся по шву ткани трещали так громко, что у всякого человека на Земле закладывало уши.

Протянув ей всё необходимое, я поспешила удалиться из туалета, чтобы девочка привела себя в порядок, но краем глаза, клянусь тебе, случайно, мой взгляд слетел со стены на зеркало, и я увидела её невозможно худую спину. В моём мозгу отпечатались очертания вен, раскинувшихся под её кожей, каждый позвонок, шевелящийся в неслышимом танце, рёбра, похожие на тюремную решётку для больного пороками сердца. И две глубоких прорези вдоль лопаток, будто кто-то выдрал с корнем мощные крылья. Я сбежала, в спешке слишком сильно хлопнув дверью.

Когда девочка вышла, я стояла за стойкой, протирая без того идеально сверкающие бокалы. Разумеется, рубашка была ей велика, но рукава она закатывать не стала и так и села за стол, как Пьеро. А штаны мы перевязали летним голубым шарфом, который я сняла со своей шеи. Не могу понять, зачем я была такой. Сняла свой любимый шарфик, ну, быть может, не самый любимый, но для кого — кого я не знаю, и для чего — чтобы использовать вместо ремня.

Бросив грязные полотенца в стиральную машинку в подсобке, я подошла к ней, сидящей настолько прямо, будто к спине её привязали швабру. Я всё думала о том, что эта её спина похожа на дорожную карту, испещрённую пройденными за короткий срок километрами. Сотнями и тысячами километров и многими десятками дешёвых кроссовок.

На каждом столе всегда лежат приборы, такая уж у меня, как ты знаешь, своеобразная тяга к тому, чтобы всё было на месте. И вот она, вытащив из-под

громадных рукавов свои тонкие пальцы, гладит зубцы начищенной мною вилки. И вижу я эти пальцы, как сейчас: кровоточащие ногти, порезы на коже, костяшки сбиты и лёгкая дрожь до самых кончиков, едва заметная, но мне, как всякому двуногому животному, инстинктивно ощутимая.

Не хочет ли она выпить горячего, может, глинтвейна? Сплошной смех варить глинтвейн в августе, но я была готова даже достать хорошего вина. Было ли у меня хорошее вино? Конечно же, нет, откуда ему взяться в этой глуши, но разве об этом шла речь? Она сказала мне так мало, но в голосе её было монотонности больше, чем могли бы уместить в себя обычные человеческие слова.

— Алкоголь снижает ясность ума. Мне нельзя.

Смелость моя знает границы, но хуже всего, что этой самой приграничной чертой стала девочка. Наверняка больна, в ней всё было так нездорово, но как могла я такое спросить? Тогда я предложила ей горячий шоколад.

— Ещё рано для сладкого. Предложите мне что-нибудь другое.

Судорожно я перебирала в голове что-нибудь ещё, но что, если это кафе-кондитерская, а для сладкого рано? И когда будет самое время? Бывает ли кружка горячего шоколада не вовремя, а, скажи мне? Знаю только, что может быть слишком поздно для покаяния и слишком рано для крепкого виски, но всё остальное всегда приходит вовремя, разве нет? Обуреваемая сомнениями, что это создание хоть чем-то питается, я выдавила:

— Могу налить вам чай.

— Крепкий чёрный чай подойдёт. Никакого сахара.

На моей ведьмовской кухне стоят баночки с приправами, порошками и прочими веществами, украшающими любое блюдо или напиток. Впервые за всё время моей работы здесь я не притронулась ни к одной из них. Я налила простого крепкого чая, но две чашки. Это был мой вызов ей: я не позволю полноправно захватывать моё пространство, предназначенное для незатейливых и тёплых бесед, тоскливому сидению на стуле. Это был мой вызов себе: не посмею никогда ждать перемены погоды кому-то в одиночестве. Однако я была чрезмерно самонадеянна.

Почувствовать себя пустым местом мне доводилось дважды. Первый раз, когда... Нет, зря я так. Никогда я не была таким прозрачным существом, чтобы сквозь меня глядели, как через воздух. Я взяла чашку и стала пить свой чай, тоже крепкий, тоже без сахара. Она пила свой и молчала. Долго, долго, долго молчала. Отвратительный вкус, вяжущий язык и скручивающий желудок так, что невольно начинаешь сожалеть о съеденной утром французской булочке. Металлические струны были натянуты до предела, поэтому, когда слова вышли из её рта, это прозвучало какофонией криков.

— Если пить крепкий чай, не хочется есть. Я не люблю чёрный, но ещё я не люблю испытывать голод.

Мне нужно было время, чтобы сложить звуки, а потом выудить из них слова, а из слов составить смысл, но этого времени у меня не было.

— Если бежать долго, то можно устать. Когда устаёшь, нет сил на еду и проклятия.

Странное обстоятельство приключилось: она заговорила вдруг посреди тишины, но я так и не почувствовала ни плоти, ни крови. Она строго посмотрела на меня, будто я первоклассница, натворившая что-то непристойное. Подозрительность в её прищуре намекала мне, что моя вежливость и попытка начать разговор была истолкована иначе.

— Зачем вы пьёте это? Вам неприятно.

Моё лицо выдавало меня, и я сознаясь с лёгким смущением, стараясь максимально использовать свою минутку славы, что сижу и пью эту гадость за компанию. Но мои второсортные ужимки работали только с людьми, но не с ней.

— Компания отнимает время. Но сейчас у меня оно есть, ещё двадцать минут перерыва.

Знаешь меня, я любопытная: незаконченные предложения выводят меня из себя, заставляя ёрзать на табурете от возбуждения. Но ещё я гордая, поэтому не стала спрашивать, куда это она так спешит. Вместо этого я предположила, что стоит подождать, когда ливень сбавит обороты:

— Вы пойдёте в такой дождь обратно?

Она ответила мне, затратив на обдумывание больше, чем обычно людям нужно для подобных вещей. Голос её хрипел, не то от того, что замёрзла, не то от чересчур крепкого чая. Это могло быть сказано вскользь. Это могло быть сказано с иронией. Это могло быть шуткой или чем-то около того — совсем несерьёзным. Но девочка сказала, словно ставила точку острейшим пером, прокалывая бумагу насквозь:

— Я не могу ждать.

Откровенно грубые интонации и нарочитая сухость поразили меня настолько, что я томилась более от сокрытого внутри этой юной особы свойства, нежели от обиды, которая всё же покусывала меня за бока. Девочка встала из-за стола и заявила, что заплатит завтра, так как у неё не было намерения заходить в кафе, потому она и не взяла деньги. Я, разумеется, убеждала, что это всего лишь проявление хлебосольности и человеческого сочувствия и за него не нужно платить.

— Завтра в это же время я принесу вам ваши вещи, которые вы мне одалживаете. Спасибо.

В этом «спасибо» благодарности было не больше, чем позолоты на моих алюминиевых вилках. Она ушла. Прямо под эту бешеную воду, которая так и норовила наставить синяки своими крупными тяжёлыми каплями. Ушла, всё так же размахивая руками, словно в боксёрском поединке.

Спроси меня, что я чувствовала, когда она закрыла дверь? Ничего. То есть совсем ничего. Ещё большее ничего, чем просто отсутствие чувств — это опустошённость. Она словно вытянула все частицы человеческого присутствия из моей кондитерской и из меня заодно. В тот день так жутко болела голова... Гово-

ришь, от дождя? Возможно, даже более вероятно, но всем нравится придумывать мистические истории и уж тем более принимать в них участие, поэтому я склонна перекладывать вину на эту девочку.

Она действительно пришла на следующий день. Погода уже выровнялась, и солнце вовсе каталось по небу, но на ней не было места для его жарких поцелуев, разве что лицо: укуталась в футболку с длинным рукавом и тренировочные штаны. Но её ноги были босыми и в придорожной пыли. Я хотела было напомнить, что ходить босиком опасно, но был ли смысл в этих предостережениях? Я хотела возразить, что в моём кафе стоит присутствовать в обуви, но какого чёрта я буду такой ханжой? Я хотела спросить, не больно ли ей, но поняла, что знаю ответ и так.

Она была здесь, вот на этом самом месте, ровно в 8.33 утра, протягивая мне мою же одежду, но только лучше, чем она была, когда была моей. Выстиранные и выглаженные вещи без единого пятнышка пахли стиральным порошком, а карман рубашки пришит аккуратной строчкой, хотя у меня он всегда был наполовину оторван. Мой взгляд снова упал на её руки. Всё те же ссадины, но пальцы были вдоль и поперёк переклеены пластырем и смотрелись не так убого, как в прошлое утро. Уязвлённая вчерашними манерами, но лишь немного, я позволила себе слегка саркастический тон:

— Может, выпьем чаю? Или вы опять намерены бежать?

Невозмутимо она отметила, что полчаса для отдыха найдётся, и присела за столик. В этот раз я решила установить свои и только свои порядки, потому принесла приятный чай из листьев шалфея. Принимая во внимание её слова «ещё рано для сладкого», предлагать ей шоколадный пирог не стала. Вместо этого я выложила на тарелку карамельный кекс, посыпанный тёртым миндалём со взбитыми сливками, но только для себя. Конечно, ты раскусил меня, дружок, мне хотелось вызвать в ней аппетит. И знаешь, я ошиблась, полагая, что она не голодна. О, друг мой, поверь мне, настолько голодных людей я не встречала, вот только голод этот был иного рода.

Положив меню на стол прямо перед ней, я села напротив и стала с превеликим удовольствием поедать свой десерт. Он даже не был настолько вкусным, насколько я имела совесть изобразить. Она же невозмутимо пила чай, будто нет никакой разницы между ним и вчерашней горечью или водой из-под крана. Девочка листала меню, медленно вчитываясь в состав каждого блюда, словно написано всё на арабском. Пройдя авантюру с подменой чая, я осмелилась предложить ей подкрепиться кашей с фруктами или яичницей с томатами. Она проигнорировала меня, всё ещё читая меню, как будто первый раз знакомится с подобными сочетаниями ингредиентов, что кажется ей нестандартным или, может быть, чудным.

— Зачем добавлять в кофе сироп, а потом ещё и мороженое?

Это не был вопрос ребёнка. Это был вопрос взрослого человека, всерьёз озадаченного такими сложными вещами. Ну что я могла ответить на такое? Пер-

вым порывом было брякнуть, что это вкусно. Сладкое и необычное приносит удовольствие. Но её вопрос был задан так прямо и с таким искренним желанием знать правду, что я не стала глумиться.

— А как вы пьёте кофе?

Она задумалась, и я увидела, как целые киноленты дней прокручиваются перед её глазами. Вот она видит себя за чашкой кофе. Забрезжило в ней что-то отдалённо человеческое, но тут же пропало, не оставив после себя никакой надежды.

— Чашка крепкого натурального кофе сама по себе не представляет для меня никакого интереса.

Я жаждала контакта с ней. Моё тщеславие взыграло, требуя во что бы то ни стало разговорить её. Лукаво улыбаясь, я открыто начала кокетничать.

— И всё же вы иногда употребляете его.

— Это отгоняет сон, стимулируя нервную систему. После десятичасовой почти непрерывной умственной и физической работы кофе неплохо повышает работоспособность, чтобы трудиться ещё хотя бы час или полтора. Но я пью в основном прохладную воду и крепкий чай, он...

— Заглушает чувство голода, а вы не любите его испытывать.

Я заметила: она, может, и не подала виду, что мой чай много раз лучше тех помоев, которые пьёт время от времени, всё же её ноздри активно раздувались, вдыхая приятный аромат трав.

— Еда отнимает много времени. Её нужно вначале купить, обойдя магазинные полки, стоя в длинной очереди, и так далее. Затем её нужно приготовить, и, даже если способ незатейлив, он отнимает силы и требует сосредоточения. И естественно, еду нужно съесть. И всё это дело такое неблагоприятное, потому что тело хочет питаться снова и снова.

Но голод есть наше спасение. Голод прекрасно подстёгивает любой нормальный человеческий организм. Ты хочешь есть и обещаешь своему желудку наполнить его пищей по прошествии проделанной работы. Вот здесь-то мозг творит чудеса, мобилизуя всю энергию тела, чтобы, исполнив задание, насытиться вдоволь. Примитивное создание желает только еды, воды и сна. На этом можно заработать бонусы. Можно договориться с самим собой. Но это не отменяет то рабское, что есть в каждом из нас. Мы не вольны приказать даже своему телу.

От меня не требовалось ответа, да и что тут сказать, ты знаешь, что я люблю поесть. А ещё больше я люблю вкусно поесть. Помнишь, как мы были на Кипре и пробовали великолепное мясное ассорти? Немного местного вина, сладкого-сладкого. Ублажать себя, своё самолюбие, свой желудок, свой язык медленно, с шармом, с нескрываемым восторгом. Ответь мне, что постыдного в том, чтобы любить свою слабость?

— Если так рассудить, то можно и от голода помереть.

Чашка с приглушённым стуком была поставлена на блюдце. Девочка чуть повернулась, и свет упал на её скулы как-то косо, как-то криво, что они стали вдруг агрессивно очерченными, словно их просто обтянули кожей. Большой рот,

он мог бы быть красивым, если бы губы не высохли и не побелели. Белое, серое с оттенком голубого — таким было её лицо.

— Помереть — это то, от чего мы пляшем. Это точка старта. Не всем суждено быть яркими. Некоторые из нас — мертворождённые.

При последних словах мне вспомнилась её спина, её босые ноги, её пустые жилы.

— Кто это?

На стене, которую она сверлила своими мутными глазами, висела картина. Точнее, тогда вся стена была увешана ими, но девочка имела в виду одну особенную. На ней была изображена обнажённая Венера, чьих ног не достигали волны океана. Она заплетала в косу свои длинные волосы и была прекрасна.

— Правда, чудесная вещь? Мне её подарили на день ангела. Идеальная женщина.

На этом месте невероятное нервное возбуждение охватило меня, и появилось оно не на пустом месте. Девочка опустила свою руку совсем рядом с моей, и пальцы так сильно вжались в стол, что казалось, останутся глубокие вмятины.

— Мне довелось видеть женщину, саму жизнь. Ей было далеко за сорок, но какая молодость была в каждой чёрточке на её коже! Она заигрывала со всеми, кто смотрел на неё. И я, я тоже смотрела, я не могла оторвать глаз, хотя и знала, что пялиться так открыто — как минимум неприлично. Но мне так хотелось выпить из колодца её неиссякаемой жизни. Она — источник, спущенный страдающим. Костёр, у которого могли бы погреться сотни и тысячи замёрзших насмерть. Жесты такие сочные, такие лёгкие. Щебечущая жар-птица.

Нездоровый румянец выступил на скромных щеках той девочки. Но холод не ослаблял своей хватки. Она откинулась на спинку стула, но всё же это было напряжённо, будто её толкнули.

— В вас тоже что-то такое есть. Вам повезло. Благодарите Бога.

На этом девочка встала, положив на стол деньги. Там было больше, чем нужно, но я не успела вернуть сдачу. Да чего там, я не успела даже подумать о сдаче. Я благодарю. Благодарю Бога, но теперь ещё более горячо, после её слов. Начала с той же секунды, как только осознала. А потом пришли посетители, возвращая меня в прежнюю, мою простую обычную жизнь, которая известна мне как пять пальцев на правой руке.

Она не приходила около двух дней. Я стала ждать землетрясения. Поглядывала в окно, надеясь встретить торнадо. Сильный дождь принёс мне бессонницу и заманил меня в какие-то дебри.

...Девочка сидела за столом, который негласно был зарезервирован ею, пока я обслуживала клиентов. Было чуть более часа дня, и посетители пришли на обед. Все в глаженных рубашках и деловых брюках, что мужчины, что женщины. Они ели, пили и говорили о делах, делах, делах. На девочке болталась выцветшая чёрная майка, какие-то штаны и всё те же кроссовки. И руки. Они были так исцарапаны, как будто девочка со всего маху слетела с велосипеда на

асфальт. Грубые болячки кое-где отвалились, оставив оголённое мясо, в некоторых местах виднелись шрамы. Не хотела бы я так пораниться. Не хотела бы я знать, откуда это всё на её руках.

Есть ли пределы самонасилия? Лишать себя еды, сна, травить себя стимуляторами вроде фенотропила. А потом что? Истязать себя за неповиновение, держать тело в ледяной воде, пока не отгонишь мысли о жалости, пока не переделаешь волком выть. Есть ли черта, у которой стоит остановиться? Да и может ли остановиться загнанная лошадь, рвущаяся на всех парах то ли от ужаса, то ли вслед за ним?

Я нашла для неё пару минут между заказами, хотя в тот день работали лишь я и мой повар. Кому я лгу? Конечно же, я с превеликой жадностью бросилась к ней, как только смогла.

— Почему вы снова в кроссовках? — спросила я после того, как получила заказ принести два стакана апельсинового сока.

— Потому что я бегаю. Я всегда бегаю, если не занимаюсь. А если не бегаю, то стою на голове. Я готовлюсь к олимпиаде. Хочу поступить в университет бесплатно. Поступить и уехать отсюда в другой город, чтобы никогда больше не видеть свою мать. Можно мне взять эту картину, с Венерой?

Столько откровений в одном предложении сложно было ожидать от неё. Я рассеянно посмотрела на стену. Рама была немного наклонена, словно её кто-то уже потрогал, хотя есть вероятность, что мне просто показалось.

— В каком смысле?

— В смысле, можно, я куплю её?

Мне хотелось что-то сделать для неё, что-то хорошее, но скорее на откуп, нежели от чистого сердца. Но я почему-то быстро ответила, что картина не продаётся, и убежала на кухню, потому что и так слишком задержалась в час пик у одного столика. Лавируя с подносом, я совсем упустила из виду эту пришелицу, но зато она не упустила из виду меня. Девочка сидела вплоть до последнего клиента, но я уже не спешила к ней. Она дала мне подойти поближе, усыпила мою бдительность, только для того, чтобы забрать то, что ей нужно. Она давно опустошила свои стаканы с соком и сидела смирно, как прилежный ученик за партой, уставившись взглядом в стену.

— Если её нельзя купить, то можно обменять на что-нибудь.

Изумившись, я даже спросила, на что именно, но при этом картину отдавать не собиралась. Она хотела кусочек моей собственности. Сначала это была просто картина, но потом это могла быть моя жизнь. Для тебя звучит как иррациональная чепуха, но ты не стоял рядом.

— Я же говорила, что это подарок.

Девочка выходила из себя, теряя самообладание столь же быстро, сколь учащался её пульс.

— Я просидела здесь три часа, растеряв своё драгоценное время. Это очень дорого стоит. Это значит потерю моей возможности лучше подготовиться.

Моё великодушие тоже имеет свойство кончатся, и происходит это, когда неприятное ощущение под ложечкой диктует мне условия. Мне нравятся люди, даже если они представляются не в самом выгодном свете. Они не перестают нравиться мне, даже проявляя глупость, и я бы сказала, особенно проявляя её. Но когда чьи-то руки тянутся к моему горлу, я против! На меня стараются возложить вину за то, что я оберегаю своё. За то, что подаю вкусный чай вместо горького чифиря.

— Не думаю, что обсуждение здесь уместно.

Меня била дрожь, но не от злобы, а от ужаса, будто что-то явное угрожает мне. Но, несмотря на это, я изо всех сил создавала иллюзию контроля: своим видом я дала понять, что не собираюсь подыгрывать чужому нахальству и не сдвинусь с места. С моего собственного, прошу заметить, места. Что ты смеёшься? Да, я вспыльчива, но ведь меня можно понять! К тому же картина всё равно более здесь не висит. Куда она делась? Кто она, картина или девочка? Обе?

Девочка вернулась вечером. Воспалённые глаза требовали реванша. Она плелась, едва стоя на ногах. Из носа текла кровь, а тело её дёргалось на ходу, как от судорог. Я не могла оставить её, бедное дитя. Промелькнула мысль, что я ужасная женщина, разразившаяся на неповинную девочку, измученную чем-то невообразимым для меня. Вернувшись с кухни с упаковкой льда, я не нашла ни её, ни Венеры. Что я сделала? Вначале вздохнула с облегчением, а уж потом для порядка разочарованно выругалась как следует, подумав, что наверняка она изляпала картину кровью.

— Я уеду отсюда.

Она явилась неделю спустя или около того. Я её почти не узнала. Платье чуть ниже колена, правда, руки прикрыты, всё в цветах. Волосы забраны в аккуратную косу, а на ногах туфли. Выправка солдатская и холод всё такой же, неистовый. Голодные глаза и жёсткие пальцы.

— Я просила, но не было сил терпеть ваш отказ. Она была нужна мне.

Мы молчали. Я стояла за стойкой и ждала, когда мои губы разомкнутся или когда её слова станут более человеческими. Пока что я слышала лишь животное.

— Я убила свою кошку.

Знаешь, наше проклятье состоит в том, что мы никогда не будем другими. Это серебряное кольцо можно переплавить, а человека не переделать. Можно лишь запретить себе думать дурное, но дурное от этого не исчезнет. В этом есть и плюсы: доброе от того, что его забываешь, не проходит бесследно. Ничто не проходит.

— Она смотрела в стену. На Венеру. Смотрела так, будто в ней действительно что-то есть. Моя кошка смотрела на эту женщину. Эту идеальную женщину. А я загибаюсь от того, что хочу быть лучше. Это было просто, даже слишком. Просто свернула ей шею. Хватило жалости похоронить, а не бросить за железную дорогу, хотя она того не заслужила.

Что стало с Венерой, я не спросила, да и нужно ли было? Положив лоб на ладонь, я произнесла вдруг:

— Кто эта женщина? Женщина — жизнь?

— Моя мать.

Девочка сделала паузу, а потом продолжила:

— Сегодня я напишу олимпиаду. Напишу её лучше всех и уеду далеко от этого места. Я усердно трудилась, я сделала всё, что могла.

— Зачем? Что ты теперь будешь делать с этим?

Она улыбалась. Так улыбаются маленьким детям, когда те спрашивают, почему небо голубое.

— Теперь я буду жить.

И она ушла, так же как и пришла — без моего согласия. Я всё думала, куда же она шагает так твёрдо, так уверенно. Это была катастрофа чужого человека, которую я пережила остро, как свою. Это была смерть, изо всех сил стремящаяся к жизни. Но всё же это смерть. И вера, самая сильная на Земле.

ПЕРЬЯ

Туман здесь обычное дело, поэтому я уже и не стараюсь что-то разглядеть. Я просто иду себе, не щуря глаза и при этом совсем не разбирая дороги. Приходится вытягивать руки вперёд — это должно спасти меня от столкновения с другими людьми или сущностями. Сущностей здесь хватает, и каждый раз они просят есть. Я подкармливаю их — это моя основная работа.

У нас нет каст. Каждый ребёнок, родившийся в коммуне, сразу же после появления на полусвет отправляется на осмотр. Я помню, что, как только я родилась, меня приложили к мягкой груди моей матери. А потом Азиарх положил свою руку мне на живот, и показалось, что огонь пролез в моё нутро. Плотный горячий комок перекачивался у меня внутри до тошноты. Одновременно с этим в горле стоял холод, словно мне рот набили льдом. После Азиарх сказал своим тяжёлым голосом из утробы, не размыкая даже своих губ: «Изумок». Так и нарекли.

Подносить жертву для Окулоса — дело сильных, дело могущественных, таких, как наш Азиарх. Он совсем не такой, как все. На лбу его красуется огромный глаз, только он всегда закрыт. Его предназначение не в том, чтобы видеть, как другие два глаза, а в том, чтобы *видеть*. Ну, вы понимаете. А рот у нашего жреца крепко-накрепко зашит, дабы не выдать в помутнении никаких тайн, ведомых только разуму Азиарха. Я так много рассказал, хотя это запрещено, за это мне придёт снова придать себя аскезе. Мой удел, и удел всех с именем Изумок — носить корм мелкими сущностям. Они не злые, но очень зубастые, поэтому мои пальцы постоянно опухшие, в запёкшейся крови. Ногтей нет, потому что за них цепляются своими клыками сущности и отрывают с корнем. Это больно, но насколько именно, я не могу вспомнить, потому что не хочу.

В один из долгих дней, когда великий Окулос проливал на землю свои громадные слёзы, все сидели дома за работой. Но моя работа не терпит сидений взаперти, когда приходит время голода сущностей. По дороге, уже после выполнения своих обязанностей, я обычно прохожу мимо Угула — это мой козёл. На

самом деле это козёл нашей коммуны, но за ним ухаживаю лишь я один, поэтому в душе называю его моим — это доставляет мне радость. У Унгула изо лба растёт огромный, толстенный, как ствол дуба, рог. Он загибается немного назад, а затем делится ещё на три, но уже поменьше, как кривые ветви расходятся от дерева. Думаю, бедному козлу очень тяжело носить такую корону. Именно Унгул станет подношением на празднике ваханалии — дне викtimo. Но я стараюсь не думать об этом, потому что меня это расстраивает. На самом деле говорить о том, что меня это расстраивает, нельзя никому, потому что придать утоплению священный дар Окулосу — радость для каждого из коммуны.

Путь мой пролегает не только мимо моего козла, но и мимо многих хижин, а ещё мимо Ворот. Я никогда не был за их пределами. Они очень большие, но я не могу сказать насколько, потому что туман не даёт мне увидеть верхний предел. Они большие и тяжёлые, но, при всём своём весе, совершенно расшатавшиеся. Но всё равно никому не грозит покинуть коммуны через эти Ворота, даже если они совсем рухнут. А всё потому, что наша коммуна — родная Мать всех матерей, и она не может отпустить своих детей в Пустоту.

В Сакрисе сказано, что лишь однажды Мать всех матерей упустила одного из своих младенцев. Ребёлок ушёл прочь и пропал в безумной вечности. От горя Мать всех матерей наложила клятвенный запрет и велела детям своим не ступать за Ворота. А если дитя неразумное забудется и сделает шаг вон, то обрушится гром и сверкнёт молния. Если сделает другой шаг — стрелы пронзят его и язвы покроют плоть, и ляжет тогда дитя замертво подле этих Ворот, не доставшись Пустоте живым. Так написано в Сакрисе, а я верю всему, что написано в Нём, потому что буквы, выведенные там, — это склад древнего языка, несущего в себе веру сотен поколений. А кто я такой, чтобы не верить в то, во что верили сотни поколений?

Мимо этих Ворот я проходил тысячи раз. И Они всегда скрипели и свистели. Никогда Они не стоят бесшумно, это же не скалы. Но случилось так, что Они вдруг перестали скрипеть и свистеть. Я сразу почуял неладное и потому убавил шаг, чтобы понять, чего же не хватает в воздухе. А когда понял, подумал, что дело срочное. Нужно попросить Пуэллу, чтобы та попросила Ману, чтобы тот попросил Одного из Аурис, чтобы тот попросил Менса, чтобы тот попросил Апроксимешо-нема, а тот примчался в Дом и пал к ногам Азиарха, дабы великий и мудрый просветил нас, к чему это знамение. Но я не успел даже додумать как следует эту мысль, как ржание, неистовое и оглушительное, проделало маленькую трещину в земле, на которой я стоял. Тело моё напрягло. Я оцепенело оглядывался по сторонам, ожидая, что Неведомые Чудища из Пустоты пролезут сквозь Ворота. Конечно же, именно Чудища, ведь не зря же коммуна так бережёт своих детей от того мира.

Я молился изо всех сил, чтобы воины Милитума примчались тут же и свершили свой долг. Но никто не пришёл. Не было даже тени беспокойства вокруг. Я тогда подумал, что мне, видимо, почудилось, ведь на то я и Изумок. Обливаясь потом, я подошёл к Воротам и через щель взглянул наружу. Там Пустота. Но есть ещё кое-

что. Иное Создание смотрело на меня сверху. Маленькие глаза, чёрные, как бездна, острый клюв, способный проткнуть плоть, туловище длинное, с четырьмя волосатыми ногами, с позолоченными копытами. Хвост шикарный, весь из алых перьев. По размеру втрое больше, чем мой козёл. Я долго смотрел на Иное Создание, а Оно долго смотрело на меня. Оно вовсе не вселяло в меня ужас. Но ведь это только пока. Враг хитёр, он будет ласков, чтобы усыпить тебя. Я должен быть настороже, не поддаваться. Как только я раскрыл рот, не понимаю лишь, зачем, Оно раскрыло клюв, из которого донёлось дикое ржание. А потом Иное Создание ушло.

Я шёл в свою хижину, утирая кровь из носа, и всё думал, думал, думал. Стоит ли мне говорить кому-нибудь? Но говорить о чём? Я уже и забыл, о чём думал. Со мной такое бывает. Санатор ругал мою мать, говорил, что из-за её колыбельных у меня совсем отшибло память. А ещё из-за них же у меня не выросли как следует ноги и выпали некоторые зубы. Но мне кажется, что уж зубы-то здесь точно не нужно учитывать: это у меня они ещё не выросли, потому что я слишком молод. Или наоборот — слишком стар? Я не знаю, сколько мне лет. Этого никто не знает, кроме Азиарха. Азиарх знает всё. Одно мне неясно — если Азиарх выбирает всех, то кто выбирает самого Азиарха? Старший Азиарх? А кто выбрал самого первого Азиарха? Хорошо бы почитать в Сакресе, но мне нельзя его видеть, да и читать я не умею. Слуги Азиарха на службе читают нам отрывки, и то не из самого источника, а из рукописных копий. Строго говоря, сам Сакрис никто не видел, кроме Азиарха. Мне хочется узнать, почему так, но об этом нельзя никому говорить, потому что мудрость Азиарха и неприкосновенность Сакриса — радость для каждого из коммуны.

А что касается маминых сказок — это может быть. Может быть, что нехорошие буквы поселились в книге со сказками и морочат мою мать и меня, причиняя много вреда. Поэтому на Совете решили, что будет лучше это сжечь. На Совете никто никого не принуждает, а только рекомендует, потому что мы не любим насилие. Мы мирные жители, и наша коммуна несёт в себе лучшее, что подарил нам Окулос. В общем, я оставил книжку себе, не стал сжигать. Только об этом тоже нельзя никому говорить. А я и не сказал, даже матери. Сказки очень красивые, пусть даже от них у меня не растут ноги и выпадают зубы, выворачивает кости и выпучивает глаза. Я люблю, как звучат слова. Я не умею читать, но умею слушать, как поют буквы. Если прижать их к своему сердцу и сосредоточиться, то можно узнать, о чём они говорят между собой. Я бы очень хотел услышать голос Сакриса. Но у меня есть только сказки, которые несут всякую несурезицу, пустые болтушки. А мне всё равно это нравится.

Я забыл про Иное Создание довольно скоро и накрепко, у меня это хорошо выходит, по-моему, я об этом уже говорил. А потом я вновь шёл мимо тех Ворот, думал о чём-то, по-своему, как и положено Изумоку. На этот раз меня остановил изуверский топот десятка копыт, который погнул одно из деревьев во дворе. Я испугался, но уже не так сильно, стоя в ожидании воинов, но никто не пришёл. Я пригляделся, что там за Воротами. Там было Иное Создание, но в этот раз его

хвост был самого яркого зелёного цвета. Иное Создание принесло мне подарок — пучок травы. Подкупить меня хочет, злыдены! Не возьму! Но она была настолько душистая, что приятный запах достиг моих ноздрей, когда я только-только подходил к Воротам. Она пахла как свежие луга, которых я никогда не видел, а про которые только слышал из разговоров букв. Она пахла как только что испечённый хлеб, который мать относит к Дому. Я почти не пробовал этот хлеб, но крошки, которые мне доставались, были на вкус слаще всего на полусвете. Ещё трава пахла как благовонные трубочки, которые курит один из стражников Милитума. Иное Создание в тот день подошло ко мне ближе, чем в прошлый раз. Теперь я совсем перестал бояться, но всё ещё сомневался. В конце концов, я взял этот пучок травы, которая нигде у нас не растёт. Иное Создание снова убежало прочь.

Я зашил зелень в подушку, чтобы мне снились хорошие Сны. Они приходят не к каждому, а только к некоторым из коммуны. Мне повезло. Может, оно и правильно, что Сны не каждому снятся, но ведь без них, наверное, темно. Хотя откуда мне знать, я ведь всего лишь подношу корм существам, чтобы они не бросались на людей. Только Окулос знает, что хорошо для нас, а что плохо. Но я не всегда понимаю Его замысел и иногда не могу удержаться и начинаю спорить внутри себя. Что-то в моей голове начинает делиться, как рог у моего Унгуга, и происходит раздор. Голоса выкрикивают разные вещи, от которых мне становится страшно. Наверняка мне это чудится всё, ведь я Изумок, но я не перестаю думать: что если я говорю вслух? А об этом не нужно никому говорить. Сейчас я тоже слышу голоса. Они шепчут мне, что такая трава у нас не растёт, значит, Иное Существо принесло её из других краёв? Но каких других краёв, если после Ворот — Пустота? Неужели в Пустоте растёт трава, которая так сладко пахнет?

Но я опять всё забыл. Может, мне не стоит так много слушать сказки и тогда не будет отшибать память? Но мне без них очень грустно. Чтобы развлечься, я прихожу иногда на Зеркальную площадь. Там множество этих самых зеркал. Если встать посреди них и покружиться, то голова непременно начинает идти кругом, от этого все изображения в зеркалах мешаются. Чего только тогда не увидишь! А главное — на душе становится вроде как весело.

Здесь неплохо. Очень красиво, особенно когда наступает Сезон Пепла и всё вокруг становится светло-серым. Но во время Сезона Ржавого Неба тоже очень хорошо: оранжевое небо красит своим цветом полусвет, а день становится чуть длиннее. Затем царствует Сезон Тишины, когда вокруг непроглядный туман особенно густо ложится на землю. А в Сезон Лакримас приносят жертвы Окулосу в специальный день — день виктимо. Народ собирается у Озера Мёртвых Рыб, и животное, чьи конечности туго связаны, проходит помазание дёгтем. Азиарх чертит на лбу у зверя знак Окулоса — глаза, а потом помощники опускают жертву в Озеро. Это священный праздник, но мне очень жаль, что на этот раз жертвой будет именно Унгуг. Долго ли он будет бороться за жизнь под водой? Страшно

ли будет ему? Я первый раз задумался над этим, и мысли не дают мне покоя. Но об этом нельзя никому говорить.

Я долго не мог уснуть. На меня навалилось горе. От отчаяния я пошёл к Консилиарию, чтобы спросить у него, нельзя ли выбрать другую жертву на день викtimo? Тот взглянул на меня сурово, сведя широкие брови. Он был зол и велел забыть о своей воле.

— Ты не вправе выбирать, что угодно Окулосу. Об этом ведаёт только Азиарх!

Три дня и три ночи я стоял коленями на углях и плакал. Я так был виноват. Я бил себя руками по спине, но мне не становилось легче. Как мог я подумать, что имею право? Но ещё горше становилось мне из-за того, что спасти Унгуга нельзя. Азиарх говорит, что быть убиенным во имя Окулоса — это и есть высшее спасение. Но я думаю, что смерть есть смерть. Мне нельзя об этом так много думать, потому что это сулит мне ещё большее горе.

Когда я нёс на корм существам большую корзину человеческих печалей и бед, я положил туда свою. Моя беда рыдала в голос и просилась обратно, но я прикрыл корзину полотенцем и шёл себе на службу, делать свою работу. Вдруг я услышал голос, чистый, как слёзы святого. Я вспомнил об Ином Создании. Оно уже ждало меня за Воротами. Мне прописана вечная мука за проступок, что я совершаю. Окулос сожжёт меня дотла за моё строптивое поведение, и поделом мне. Хвост у Иного Создания теперь был совсем жёлтый, такой жёлтый, что даже рассеял вокруг себя туман. В длинном клюве Оно держало солнце, протягивая его мне. Я взял его своими руками. Я так давно не видел солнца! С тех самых пор, как случилась Напасть. Когда Тень накрыла государство и погибли урожаи, солнце пропало, и даже после того, как Тень отступила, оно не вернулось. Так вот, значит, куда оно ушло, в Пустоту! А теперь Иное Создание принесло его мне. На ощупь солнце было как дыхание моей любимой матери, как волосы прекрасной Лепоремы, как плодородная почва, на которой растёт сочный плод. Иное Создание снова покинуло меня, а я спрятал солнце во внутренний карман своей курточки. Об этом нельзя никому говорить.

— Смотри, Унгуг, это солнце. Оно светит нам прямо здесь.

Глаза животного заслезились от света, ведь он всегда пребывал в полутьме.

Я показал солнце своей матери. Её глаза заслезились, ведь она так долго пребывала в полусвете. Она спросила меня, откуда я взял солнце, а потом попросила никому не говорить. А я и не стал рассказывать. Я просто показал солнце Пастуху, и Санатору, и Пуэлле и Ману, и всем, кому мог. Никто ничего не говорил, не задавал вопросов, да я и не смог бы ответить. Они все плакали от света, даже Консилиарию. А потом я отпустил солнце. Оно может быть там, где угодно, я не могу держать его у себя. Если оно захочет, то вернётся к нам само.

На этот раз я не забыл про Иное Создание. Я стал приходить к Воротам изо дня в день, но Оно всё не появлялось. Мне хотелось сделать добро, но я не знал как. Тогда я просто начал петь песни, чтобы Иное Существо снова посетило меня.

Я знал всего две. Одна из них про красивую девушку с ведром киселя, а другая — про смелого мальчика, оседлавшего буйвола. Я пел их по очереди, шагая мимо Ворот, громко и так красиво, как умел. И в один из дней я услышал музыку. Она была как журчание холодного ручья. Она была как поцелуй на ночь. Она была как самый лучший Сон. Я подошёл к Воротам, но вместо Иного Существа нашёл лишь перья — синие, разбросанные по земле. Я собрал их и сложил под своей кроватью. Ночью я вынимал эти перья и раскладывал перед собой. Тёмно-синий был таковым лишь на первый взгляд. Ультрамариновый при взгляде слева. Фиолетово-сизый при взгляде справа. Персидский индиго, если махать перьями перед глазами, и полуночный — если приложить к носу. Зачем Оно дало мне эти перья? Я снова долго думал, хоть от этого становится грустно. А зачем нужны перья? Чтобы набивать ими подушки. Чтобы писать ими, макая в чернила. Чтобы сохранять тепло, обкладываясь ими. Чтобы летать... Чтобы летать.

Каждый день я приходил к Воротам и собирал пёрышки. Маленькие и большие, мягкие и жёсткие, тёмные и совсем светленькие. Я не знал, разрешено это делать или запрещено, но всё равно никому не стал об этом рассказывать. Я шил крылья. До конца я не понял, зачем они мне, но это было как будто бы необходимо. Каждый час, свободный от работы, я брал в руки здоровенную иглу и крепкие нити. Мне было трудно из-за порезов на пальцах и из-за тусклого полусвета, от которого глаза покрыты плёнкой, но я очень старался. А потом, когда я почти закончил, крылья пропали.

Вначале я подумал, что опять забыл о том, что переложил их. А затем вспомнил, что вовсе ничего не забыл. Я посмотрел в нашей хижине, но там ничего, кроме старой потрескавшейся посуды и то тут, то там дырявых полотенец. Потом я вышел во двор. Я ходил, ходил, ходил, смотрел под каждым колючим кустиком в надежде увидеть хоть одно пёрышко, но ничего. Я бродил по всей нашей коммуне, спрашивая всех прохожих, не видели ли они синие крылья. Одни отвечали мне грубо, другие крутили пальцем, кто-то в задумчивости просто не ответил на вопрос. Потом я спросил их всех по второму разу: такое здесь случается сплошь и рядом из-за того, что наше государство круглое само по себе и не очень-то великое по площади.

В бессонной ночи я слышал, как ветер бесится. Мне не нужно кормить существ по ночам, но я всё равно встал с постели и побрёл по улице. Всё вокруг сносило: гнулись тощие деревья, пыль поднялась, листья и сор кружили в воздухе. Моё тело отчаянно сопротивлялось этому порыву. У самых Ворот танцевал свой вальс смерч. Я видел синие крылья сквозь столб песка и камней. Эти сильные синие крылья били размашисто прямо из воронки торнадо. Иное Существо возвышалось над этим хаосом, над хаосом, который само создало. Иное Существо стало крылатым.

Я убежал. Возможно, я ничтожен, но я так боялся, что меня затянет этот вихрь. Я бежал в хижину, а потом забрался в постель, ища утешения в молитвах Окулосу. Что же это за существо такое? Существо, для которого я сделал крылья.

Оно явилось ко мне через день, когда на улице стоял вой сущностей. Начался Сезон Лакримас. Это значит, что скоро будет Бойня. Перед этой кровавой датой сущности воют, то ли от ужаса, то ли от жажды.

Иное Создание стояло прямо у моей хижины, сверкая своими синими крыльями. И вновь я был напуган, но не знал толком, почему: быть может, за свою коммуну, а может, за жизнь Иного Создания? Я просил Его уйти, но Оно не слушалось. Оно ходило за мной даже на кормёжку сущностей, и, если честно, Иное Существо спасло меня. В загоне эти тихие призраки в Сезон Лакримас становятся чудовищами. Лязгают зубами, а когти у них вырастают, как у диких зверей. Глаза наливаются кровью, а кожа сползает с них, как со змей. Протягивая им пищу, я был неосторожен. Кормить сущностей в этот период опасно вдвойне. Если чуть сбавить обороты и потерять бдительность хоть на мгновение, можно лишиться руки. Не знаю, о чём я только думал, но когда начал падать через ограждение, то почувствовал словно наяву, как сущности дерут меня на части. Хорошо, что мне это только померещилось. Иное Создание схватило меня своим клювом за шиворот, и всё обошлось.

Оно вело меня к Воротам. Я понял: Оно хочет, чтобы мы вместе ушли. Но я не могу уйти, никто не может, так написано в Сакресе. Что же я делаю, великий Окулос накажет меня! Я слишком далеко зашёл даже для Изумока. Я вновь попросил Иное Создание уйти, и Оно вновь не послушалось. Оно приходило ко мне снова и снова и бродило за мной, как тень. Но никто Его больше не видел, кроме меня, и я подумал, что действительно родился сумасшедшим.

Шли дни, и настал день викtimo. Я не видел Унгула, потому что с ночи его повели готовиться к жертвоприношению. Я плакал, сидя под синим крылом. Иное Создание утешало меня в моих страданиях. Глупый я, кто же плачет по зверю? На Зеркальной Площади убрали зеркала. Люди заняли свои места. Лингуа переваливался с ноги на ногу, волоча свой громадный язык за собой. Он действительно очень большой, этот его язык, поэтому иной раз сметает других людей. Ларва с перекошенным от вечной боли лицом нагнал бы страху на неподготовленного очевидца: он кажется злым, но это не более чем болезнь. Лег бегаёт, как ошпаренный, из-за нароста на заднице, который не даёт ему покоя. Ещё много знакомых лиц тут можно увидеть. Тех, кто пришёл на Бойню, не так много, как тех, кто придёт на жертвоприношение, но всё же достаточно.

Когда сущности дерутся, нельзя подходить слишком близко, иначе подцепишь от них боль и будешь потом весь остаток жизни ходить, как Ларва. Густая тёмная кровь всюду. Из-за того, что в нашем государстве почти не встретишь цветов, кроме серого и иногда оранжевого, люди голодны и жадны, если видят красную кровь. Их глаза начинают светиться странным светом, как фонарики, наблюдающие за битвой. На Бойне нет проигравших: поединок заканчивается, когда кровь заливает всю площадь, достигая щиколоток зрителей.

И вот потом уже начинается виктимо. Люди месят грязь под ногами, раздувают ноздри, оттопыривают уши, лезут друг другу на головы, толкаются. Азиарх читает громовым голосом наставление. Долгие речи и приторный воздух. Я ожидал, когда Унгула вытащат на плац, и молил Окулоса, чтобы ураган поглотил процессию. Я просил вызвать бедствие, которое смешает всё. Больше не было сил терпеть. Мне так хотелось уйти прочь, но я был плотно прижат толпой и не мог шевелить своим телом. Тогда я закрыл глаза, повторяя про себя: «Я смиряюсь. Я смиряюсь. Я смиряюсь». Но внутри меня голос звучал ясно, как только это возможно: «Подними свой взор на муки. Ты должен плакать вместе с ним!»

И я обратился. Но Иное Существо стояло на площади вместо моего бедного козла. Оно смотрело спокойно своими чёрными глазами и заранее приняло всё, что предстояло. Но как же так вышло? Разве они все не видят, кто перед ними? Или хуже: видят и знают, потому их возгласы так неистовы. Даже те, кто видел солнце. Эй, слышите, Оно принесло вам солнце. Но они не слышали. А мне было так жаль, что я хотел кричать, рыдать в голос, но в животе поселился комок раскалённой лавы, а в горле был холод, словно ото льда.

Все прочли гимн, помощники связали синекрылому лапы, и вот Азиарх чертит на лбу дёгтем глаза. Толпа движется к Озеру Мёртвых Рыб. Я шёл со всеми и не мог понять, обманывают ли меня мои глаза? Чёрная вода разинула объятия. Иное Существо сложило крылья, которыми ещё недавно устроило торнадо. Торжественно Оно было сброшено в воду и медленно пошло ко дну.

И тогда сквозь гул людских страстей я услышал голос Сакриса. Он был как натянутая металлическая струна:

Не рухнет город,
Туман не рассеется,
Дни будут идти
за другими днями.
Жертва священна,
Когда оправданна.

Меня не простит Окулос, и Мать всех матерей проклянёт меня. Но это славное государство убило самое прекрасное, что имело. Мой Унгул ждал меня у Ворот. Его рог отвалился и больше не тянул голову к земле. Козёл жевал зелёную душистую траву. Траву, которая не растёт здесь. Траву, которая, может быть, растёт там. Я поставил свою левую ногу за Ворота. Гром не обрушился на меня и молния не сверкнула. Я поставил свою правую ногу за Ворота. Стрелы не пронзили меня, язвы не покрыли мою плоть. И тогда я сделал шаг. Потом другой. Потом ещё один. Мой козёл шёл рядом. Шерсть его покрылась россыпью звёзд, и среди них заблудилось синее-синее перо.

ХИПСТЕР

6:15

Прекрасные сновидения ободранными лоскутами повисли на ушах Марка, умоляя забраться обратно в постель. Стоя на балконе своей квартиры, молодой человек осматривал просторы с девятого этажа. Утренняя темень — хоть глаз коли. Свет трёх уличных фонарей озарял чётко очерченную на снегу пентаграмму, заключённую в круг. Дети — цветы жизни. Лепота.

Крепкий кофе, крепкая сигарета, крепкие словечки — так начался привычный день Марка. Ополаскивая полость рта мутной горькой жидкостью, сваренной в турке, но уже успевшей остыть, молодой человек прослушивал голосовые сообщения.

— Здрасте. Ээээ... Это бар «Андромеда». Вы вчера оставили у нас какую-то папку, я её сохранил, так что можете прийти в любое время, забрать.

— Я звоню тебе сказать, чтобы ты шёл к чёрту. К чёрту собачьему, Хлестаков. Свои манатки у меня можешь не забирать, я их на помойку отнесла. Всего хорошего!

— Марк Викторович, здравствуйте. Это Анна Завьялова. Я вам на прошлой неделе звонила по поводу своей дочери. Простите, что так поздно, но тут всё поменялось. Можно, она к вам в понедельник чуть пораньше придёт? Жду звонка.

«Андромеда». Каждая собака в этом кабаке его знает и имеет при себе его визитку. Но какая такая папка? Сквозь синий дым, застилающий стёкла прозрачных очков, Марк разглядывал свои идеальные ногти. Обычно в этот бар черты несут его по вторникам. Откуда взялась такая традиция, уже не вспомнить, да и ни к чему это, раз ритуал опрокидывания стаканчика-другого стал как родной и не требовал объективных причин возникновения или какой-нибудь лихой истории. А вчера у Марка было, так сказать, внеплановое посещение сего заведения. Алиса устроила очередной скандал с разбрасыванием вещей по комнатам и гадкими словами в адрес обидчика, реального и потенциального. А разве это не прекрасный повод глотнуть горячего? Но какая ещё папка?

Марк подсчитывал убытки. Если его вещи и впрямь на помойке, а Алиса действительно могла бы их туда выбросить, то много ли он теряет? Пару футболок, свитер, может быть штаны и домашние тапочки. Кое-какие книги, зубная щётка. Прикинув, что ничего сверхценного не лишился, молодой человек цокнул языком и решил больше не появляться на пороге дома своей подруги.

Отыскивая близнеца своему носку, Марк обнаружил, что эти самые предметы гардероба подстерегали его всюду, грязные и чистые, но главное — почти все без пары. Молодому человеку на мгновение показалось, что проклятые носки заполнили всё его жизненное пространство. Хорошо хоть разница между левым и правым носком не слишком заметна, чтобы ещё и по этому поводу тратить нервы и время.

Закончив невыполнимую миссию, Марк грыз на кухне кислое зелёное яблоко, попутно сдирая с холодильника цветные стикеры.

«Позвони отцу».

«Если ты голоден — есть замороженная пицца».

«Пиво — на пятницу!!!»

«Не забудь позвонить отцу».

«В заначке осталось 5 тысяч 3,5 тысячи».

ТЫ ПОЗВОНИЛ ОТЦУ?

«Вот же чёрт!» — прошипел Марк. Кинувшись к мобильнику, он едва не растянулся посреди кухни. Что же он ему скажет? Что грабители саданули его по голове вчера и он до сегодняшнего утра провалялся в подворотне? Что его атаковал грипп и в бреду ему показалось, что они уже пообщались по телефону? Что?

— Здравствуй. Неожиданно, что ты позвонил не через неделю. Всего-то три дня прошло.

— Извини. Я всё оплатил позавчера, и сегодня в час дня они привезут на ваш адрес шайтан-машину.

— Ты ведь не станешь опаздывать вечером? Вовремя придёшь, причёсанный, в рубашке и недраных штанах?

— Приду в брюках в полосочку.

— Мама спрашивает, нет ли у твоей девушки аллергии на какие-нибудь продукты? И много ли она пьёт?

— Я... не помню... на орехи может быть. Она не придёт.

— Почему? Ты что, закапываешь их на заднем дворе? Куда она делась?

— Долго объяснять. Буду в семь часов. До скорого.

— Пока.

Родственники и друзья родителей непременно будут ждать его, чтобы увидеть новую избранницу. И, конечно же, блестящую и жутко дорогую кофемашину, о которой отец промыл всем уши, хотя сам её видел только в Интернете.

Марк приклеил жёлтый лист прямо в центр своего чёрного холодильника.

«Жопа — это тоже вход, только с другой стороны».

7:20

А между тем время истерично бегало кругами, и, когда Марк был готов начать делать хоть что-то полезное, наступило семь двадцать утра. Запихав себя в куртку, которая стала слегка мала после новогодних выходных, молодой человек уверенно и пессимистично направился на остановку.

В такие моменты Марку в голову приходило много разных мыслей, но, по правде говоря, бестолковых. Ах, как было бы хорошо сделаться дохлым безмятежным котом и коротать остаток времени до второго пришествия в котовьем раю. Быть уборщицей в Газпроме слишком соблазнительно, чтобы заставить себя ходить на работу. Почему я? Почему именно в восемь утра? Почему на эту грёбаную остановку и именно в этот переполненный автобус?

— Чёрт бы тебя побрал!

— Я бы попросил вас, гражданин! За это и огрести можно.

Автомобиль, лишь немного, но всё ж неприятно задевший Марка на пешеходном переходе, не успев вовремя затормозить, сигналил ему с неласковой про-

сбой отойти в сторону и дать проехать. Водитель высунул свою физиономию в окно и вопил что-то невразумительное, но Марк не собирался двигаться с места.

Ноздри Марка раздувались прямо в такт его сердцбиению. Ругательства так и просились наружу, да ещё какие — вспомнилась студенческая подработка санитаром в психиатрическом отделении. Там ему приходилось иметь дело с буйными и очень буйными товарищами, так что в ход шли не только успокоительные препараты, но и заломы рук и словечки не для изнеженных.

— Отвали, я тебе сказал, отсюда. А то перееду твою тушку откормленную.

— Сядешь.

На скользкой дороге с хамоватыми автолюбителями он вёл себя паршиво, при этом всё время ожидая, что его начнут бить. Марк сделал вид, будто старательно записывает номер его машины на телефон. Водитель был возмущён до глубины души и обещал выйти и воздать засранцу по заслугам.

— Думаю, у вас это не первое нарушение. Мой шурин разберётся.

— Ты чего хочешь?

Больше тысячи Марк стрясти не сумел, но это лучше, чем ничего.

7:43

Заскочив в автобус, Марк сел у окна и, вдыхая запах поеденной молью шубы, в которую укуталась румяная бабуля, размышлял, что, в общем-то, умереть от свирепствующего в городе гриппа не самая худшая смерть, если сравнивать, например, ситуацию, в которой ты, меняя лампочку, падаешь с лестницы и ударяешься головой о раковину.

— Ну здравствуй, специалист.

Рослый мужчина неблагополучного вида смотрел в упор на Марка. Их разделяло только сиденье, на котором сидела бабуля в шубе.

— На работу едешь, урод? Будешь лечить, да? Людям помогать?

Голос мужчины становился всё более громким и всё менее терпеливым.

— Послушайте, я не лечу, я не врач...

— Да ты вообще никто! Ты сволота, которому я ребёнка своего доверил. Куда же ты смотрел? Или ты только на деньги смотришь?

Весь автобус с долей страха и нескрываемым любопытством взирал на мини-драму, развернувшуюся рано утром, когда публика желала хоть чьей-нибудь крови. Марк побледнел. Ему хотелось сказать этому человеку о том, что он сожалеет и этот бедный мальчик не выходит у него из головы. О том, что Марк хотел бы попросить прощения, но вот только не у кого уже.

Мужчина стиснул зубы и порывался сказать ещё что-то, но вместо этого только злобно и как-то отчаянно поглядел на Марка, а затем вышел на случайной остановке, оставив молодого человека сидеть у заляпанного окна, как и прежде.

Марк тряхнул головой, и неприятное видение, пришедшее ему в полудрёме, пропало. Оглядевшись, чтобы убедиться в нереальности призрака, молодой человек обнаружил мирно сидящих пассажиров, которые давно потеряли всякий интерес к жизни.

8:21

Маленькое трёхэтажное здание мятого цвета встречало своих посетителей лай рукописной табличкой на двери: «На территории больницы курить строго ЗАПРЕЩЕНО!!!» Прямо с порога набежала медсестра.

— Марк Викторович, вам звонил... — медсестра подсмотрела в клочок бумаги, который держала в руках, — Олег Литвинов и просил передать, что больше не придёт.

Снова не придёт. Марк уже сбился считать, который раз этот непростой клиент соскакивает с движущегося поезда, имея совершенно невнятные на то объяснения. Мгновенно загорается, кидает кучу идей, наобещает все сделать, потом пропадает и забывает про все. А чтобы не мучиться совестью, не отвечает на e-мейлы. Однажды он заявил: «Знаете, дело в вас. По-моему, вы бездарность и ничем мне не можете». И всё же Марк был не так уж плох, учитывая, что Олег Литвинов задержался у него на пять месяцев, сменив предварительно ещё четырёх психотерапевтов, у которых он бывал не более трёх раз. Через пару недель следует ждать звонка, а потом и визита неприкаянного, вернувшегося на то же место, откуда прыгнул.

В слезах после двухдневного треша, избитый кем-то, маниакальный Олег прибежит со своей исповедью. Если желание жить измерять деятельностью, то у господина Литвинова это было не просто желание, а жажда. Ему хотелось всего и помногу, очень и очень сильно.

— Хорошо. Не придёт, так и не будем ждать.

В кабинете «психологической разгрузки» было тихо. Зелёные обои имели своей функцией успокоение, но на самом деле каждый раз раздражали Марка своим несимпатичным рисунком. Ещё одним предметом интерьера, призванным скрасить помещение и придать уют, была абсолютно безвкусная ваза золотого цвета с воткнутыми в неё бумажными цветами. Марк много раз представлял, как поджигает всю эту мишуру, опрокидывая огонь прямо на ковёр. Пламя переходит на занавески, обои медленно растворяются...

— Марина Анатольевна, а что это такое?

Марк указал на чудовищные белые покрывала, наброшенные на мягкие кресла цвета беж. Своей чистотой и выглаженностью они передавали ощущение операционной. Кресла, как им и положено для проведения групповой терапии, стояли кругом, но вместе с новым атрибутом это выглядело как собрание Ку-клус-клана.

— Это чтобы не запачкать. Старшая медсестра распорядилась.

Действительно, чтобы не запачкать мебель, когда мозги будут разлетаться в разные стороны. Тогда уж и стены следует покрыть такой тряпкой.

На первом этаже реабилитационного отделения послышались выкрики. Одна из медсестёр выговаривала юную, судя по голосу, особу. Марк решил выбраться из своего рабочего склепа и посмотреть, не устроил ли мятеж кто-нибудь из рядовых. Эта девушка была ему не знакома. Длинные синие волосы и сильный голос — всё, что отличало бы её от остальных таких же девочек в толпе. Медсестра советовала надеть бахилы, потому что в помещении положено носить смен-

ную обувь. Девушка, видимо, бахил при себе не имела. Тогда её попросили снять обувь, и синевласка подняла бучу, заявив, что это неуважение к человеку.

— Я что вам, собака какая-нибудь, чтобы босиком шататься по коридору? Пойду-ка я тогда отсюда.

Но Марк её остановил.

— Завьялова, я полагаю?

Девушка обернулась, хмыкнув, будто сказала: «Ждали меня небось?»

— У нас бахил нет? — вежливо поинтересовался Марк.

— Были, да все вышли, — медсестра демонстративно оглядела девушку с ног до головы и всем видом показала, что ей здесь не рады.

Марк поднялся в свой кабинет и достал из шкафчика запасные кеды сорок четвёртого размера, которые покоились там на всякий случай. Всякий случай настал в этот сомнительный вторник.

— Вот, в этих дойдёте.

Кеды шлёпнулись на пол прямо рядом с синевласой особой. Та улыбнулась вполне искренне и спросила, не прилагается ли к ним лыжных палок.

— Меня зовут Марк Викторович. Ваше имя?

В кабинете два человека сидели в окружении кресел с белыми простынями. На ковре, прямо у ног Марка, лежал планшет с листами бумаги, карандаш и зажималка, на которую уставилась девушка.

— Марик, значит?

— Марк Викторович.

— Лиза.

Она протянула руку для пожатия. В целом, короткий контакт с клиентами даже приветствовался в психотерапии, но Марк этого не любил, если не сказать терпеть не мог. Залезть в чужие мозги — это, конечно, интимный момент, рассуждал молодой человек, но вовсе не значит, что я должен возместить одностороннее вторжение прикосновением чужого человека к моей коже. Чтобы наладить контакт, руку он всё-таки пожал, но максимально сдержанно, без тени сантиментов.

— Сколько вам лет, Марк Викторович?

— А вам сколько?

— Семнадцать.

— А мне как вам, только плюс пятнадцать лет.

— Оно и видно, что как мне.

— В каком смысле?

Лиза глазами указала на вытертые штаны и плюшевый свитер с инфантильным принтом.

— Вы прям хипстер.

Марк невольно улыбнулся. Он не понял, комплимент это или колкость, но довольно забавное замечание. Затем тишина взяла верх на несколько минут.

— На прошлой неделе я хотела повеситься. Но потом передумала и наглоталась таблеток всяких. И снова передумала. Пришлось пальцы в рот запихивать.

Беседу прервал стук в дверь.

— Там в коридоре клиент ждёт. Говорит, что записан именно на это время, хотя я уверяла, что вы заняты.

Кажется, он снова всё перепутал. Два клиента в один час — замечательно. Уже третий раз за месяц. Что такое план дня и учет времени, Марку не помогли понять ни годы в университете, ни женщины, которые стремились сделать из него человека, ни работа с клиентами. Он подумывал, не завести ли ему собаку, чтобы соблюдать режим, выгуливая питомца утром и вечером, но пожалел животное.

Лезть в календарь с пометками и ссылаться на дела мирового масштаба более не имело смысла, нужно было опять выйти с позором и всё объяснить недовольному клиенту.

В этот раз всё было несколько прискорбнее. В коридоре его ждал клиент с тревожным расстройством, повторяющимися внезапными болями в области живота и фобией, связанной с нахождением в торговых центрах. Вчера он в припадке жуткой паники разбил витрину магазина, в котором находился, чтобы побороть эту самую панику. Ничего не вышло, отчего теперь он сидел в приёмной с перебинтованными руками, неоплаченным штрафом и стыдом и страхом в душе.

— Простите, мне пришлось перенести наш сеанс. Здесь тяжёлый случай, девушку нужно было срочно принять, я не успел вам сообщить.

Клиент понимающе закивал и протараторил, что готов подождать до ближайшего свободного окна.

— Зайдите в три часа дня, и мы спокойно поговорим. Придёте? Замечательно. До скорого.

Когда он вошёл обратно в кабинет, Лиза вертела в руках валяющуюся на одном из кресел пачку его сигарет и, увидев Марка, пожурила его:

— Какую дрянь курите. Вам совсем здесь не платят? В следующий раз принесу что-нибудь из своего.

Дожил, пронеслось у Марка в голове. Школьницы подкалывают его за дешёвое курево, обещая дать попробовать несчастному что-то получше. Только такой «благодарности» ему, Марику, и не хватало.

Когда два часа работы с синеволодой Лизой подошли к концу, Марк едва соображал, что происходит. Должно быть, снова недоспал пару часов. Но факт состоял в том, что Марк был в ужасе. Тема самоубийств успела изрядно потрепать Марка за жилы в году, который, слава Богу, остался теперь позади. Но в прошлом только время, а не последствия. Что он упустил в тот самый последний сеанс, когда мальчик сидел перед ним, на этом самом кресле?

Составив схему на листе белой бумаги, он проводил девушку до следующего раза и прикрыл дверь, возделенно глядя на кушетку, примостившуюся в углу кабинета. Ей никто не пользовался, но она здесь стояла, и грех было оставлять столь полезный предмет без внимания.

Водрузив своё замученное тело на кушетку, обмотанную клеёнкой, он прикрыл глаза и представил, что эпидемия чумы накрыла город с головой и никто не выжил. На душе его сделалось немного спокойней.

11:10

Марк сидел в кресле, грея ноги в шерстяных носках и сжимая в руках кружку тёплого чая. Клиентка от чая отказалась, зато выпотрошила всю коробку одно-разовых бумажных платочков.

Женщина утирала слёзы, поглаживая левой рукой свой большой живот, в котором ютятся её ребёнок. Эта заплаканная особа регулярно ходит на прием по поводу плохих отношений с мужем. Муж, как это водится в народе, тяжело и много работает, зарабатывает деньги, в том числе на эти визиты своей жены к психологу.

— Он совершенно не хочет и не может вести со мной разговоры о том, что нас ждёт. Он живет в другом мире, а домой приходит за обслуживанием и отдыхом. Ему совсем наплевать, что нас будет больше, чем двое. Что будет потом?

Прелестная миниатюрная блондинка широко распахнутыми карими глазами, полными печали, взирала на своего психотерапевта.

— Вот вы мужчина. И вы меня слушаете. Понимаете меня, даже если я просто реву тут как белуга и ничего не могу сказать...

И вот на этом месте у Марка в мозгах заплясали маленькие человечки. Муж, который её не видит. Психолог, который, в отличие от мужа, ее внимательно слушает, смотрит на нее с интересом как на личность и как на ухоженную женщину. И она понимает, что мечты иногда сбываются, и ее мечта стала явью с этим мужчиной-психологом. А Марк сидит здесь, напротив всех её влюблённостей, и грустно заключает: «Опять сексуальный трансфер». Марк судорожно перебирал в голове все варианты, пока женщина испытующе глядела в его лицо, выплакивая переживания.

От психотерапевта ожидался ответ, такой же тонкий и изящный, как намёк клиентки, но случилось то, что Марк называл «синдромом чёрного экрана». Такое происходило не то чтобы часто, но и нельзя сказать, что редко. Он должен взять в руки руль и вывезти с бескрайнего поля на асфальтированную дорогу. На языке вертятся миллионы слов, но при этом Марк видит один только чёрный экран, пустой, как глазницы мертвеца. Хочется нажать на какую-то огромную зелёную кнопку «стоп», выйти из кабинета и немного подумать, не ощущая на себе чьих-то испытующих взглядов. Но это не БДСМ, здесь нет стоп-слова. «Она же ещё и беременная. Скажешь ей чего, и сразу в истерику. А что я буду делать, если она мне прямо тут родит? Или впадёт в депрессию? Что я буду делать, блин? Работать, конечно же, Марк Викторович!»

— Представьте, пожалуйста, — здесь Марку пришлось задержаться на буквах «п», остаточное от детского заикания.

— Представьте, что вы говорите эти слова своему мужу. Как думаете, какова была бы его реакция?

13:40

— Меня тут ни хрена не слушают! Все ждут своей очереди помести языком. Какая от этого польза, а? Шабаш, вот это что!

Групповая психотерапия сегодня протекала как обычно: один нарциссичный пациент реабилитационного отделения снова решил выразить протест.

— Я не буду ничего говорить. Из пустого в порожнее. Вы посмотрите на себя, как козлы в огороде с капустой!

Члены группы по своей привычке, выработанной годами, даже не собирались выходить из режима энергосбережения, за исключением одной дамы, которая оживилась и довольно скалилась, грызя ногти.

— Что вы хотите лично от меня? — поинтересовался Марк.

— Вы же тут главный, вы просто не в состоянии направить группу!

— Что мне сделать, чтобы вам стало легче и вы позволили бы обсудить вашу проблему?

— На шкаф лезьте!

Марк встал со своего мягкого кресла и взял казённый стул. Приставив его к шкафу, в котором хранились в основном бумаги, молодой человек стал карабкаться. Восседа в обнимку с горшком кабинетных цветов, Марк поправил очки, которые слезли с переносицы на самый кончик носа, и спросил:

— Что-нибудь ещё?

16:32

— И ты со шкафа весь оставшийся рабочий день с людьми разговаривал?

Миша пощёлкивал своими длинными пальцами, медленно, но верно двигаясь к победе в дурака. Марк не мог с ходу сосредоточиться на этих вальтах и шестёрках и потому неизменно проигрывал первый кон при каждой встрече в «Андромеде».

— Нет, я слез, и мы обсудили, за что он выгнал свою жену в тридцатиградусный мороз на балкон в одном халате.

В начале пятого Марк уже был свободен от работы. Вышел из психиатрической клиники он с тяжёлой головой, в которой невопад толпились мысли, и самое противное было то, что мысли были в большинстве своём о работе. Запах крови до сих пор застрял в ноздрях. Клиент с перебинтованными руками весь пропах металлической кровью. Хотя раны неуравновешенного мужчины были обработаны, а повязки слепили белоснежностью, Марк с ума сходил от того, что представлял, как стекло разбитой витрины проходит в мягкую податливую плоть. В середине сеанса он не выдержал и под каким-то предлогом вышел на улицу покурить.

Марк никогда и ни с кем не обсуждал свою работу, за исключением супервизора и Миши. Мише можно было поведать всё, потому что болтать он не любил, да ему и не с кем было.

— И когда ты его слушал, тебе не хотелось ему по морде дать?

Марк почесал нос. Миша выложил на стол все свои карты и покрыл своего соседа тонким слоем позора. Марк умудрился проиграть, имея при себе три туза.

— Наверное, хотелось. Хотелось даже. Как подумаю, что меня бы выперли на холод в одних трусах за то, что я пульт от телевизора разбил, зубы от мороза сводит.

Мише было не понять, потому что Миша был патологоанатомом. На семьдесят процентов покрытым татуировками и дымящим как паровоз патологоанатомом. Когда Марк однажды едва ли не спился, то приятель пытался привести его в чувство:

— Марик, родной, я вскрывал алкоголиков. Они ох какие некрасивые.

— Да, некрасивые. Но ты ведь и курильщиков вскрывал. Сам говорил, что у них пятисантиметровый слой сажи в лёгких, но что-то ты не спешишь сигареты выкидывать!

Они оба специалисты по внутреннему миру человека. И Марку нравилось, что их работа такая похожая, но делает их разными людьми.

— И как ты только работаешь. Нервов не напасёшься на этих психов. У меня тихо всё, никто не возражает. А ты помрёшь раньше времени от опухоли мозга.

Марк стрелял в Мишу скорлупой от солёных фисташек, которые они заказали к пиву.

— Зато у меня в кабинете не воняет.

Миша вытянулся как струна от такого заявления.

— А у меня и не пахнет даже летом. Попахивает — у судебных, потому что у них контингент особый. Там либо наркоши, либо пьяницы. Их когда находят, то видят уже полуразложившийся труп. А у нас трупаки свежие.

Патологоанатом загордился, как будто колбасу рекламировал. Это Марка и привлекало: за годы работы жалость у Миши притупилась, что помогало ему смотреть на вещи чуть более объективно.

— А чего жалеть-то? Они от этого не воскресают!

И Марк с сожалением подумал: «Нет, уже не воскресают».

Частенько Миша отхаживал своего друга после «передозировки общения с клиентами», которым нужно сочувствовать, которых нужно понять.

— Понимаете, у меня всё всегда на своих местах. Всё по порядку. Я думала, всё нормально. Она плакала, говорила, что живот болит. Съела, наверное, что-нибудь. Я ей компот дала, чтобы тошнить перестало. А потом её рвало. Рвало чем-то красным. Я думала, что это компот. А потом оказалось, что кровь. И я не знала, что мне делать. Она такая маленькая. Лежит, а губы уже белые совсем, и хрипит. И я скорую вызвала, но она всё не ехала. А я... Компот этот треклятый.

Это был первый раз, когда у Марка волосы на голове стали шевелиться. Он как будто видел, как в своей кроватке девочка захлёбывается кровью. Он как будто чувствовал свою беспомощность по отношению к этой малышке. Но потом Марк быстро взял себя в руки: перед ним сидит женщина, жизнь которой ещё можно наладить, и он обязан направить её в нужную сторону.

— Слушай, что ты делаешь с носками?

Миша разглядывал длинные ноги официантки, болтающейся у барной стойки.

— С чем, прости? С носками? Стираю, друг!

— Я имею в виду, что ты делаешь, чтобы потом их можно было найти?

Миша подвинулся к Марку ближе и заговорщически прошептал:

— Просто кладу их в одну стопку.

Возвращаясь домой по невероятным сугробам, он думал о том, что принимать в качестве клиента своего друга, того же Мишу, например, совсем непрофессионально. Но если вот его, Марка, труп попадёт на стол к Мише, станет ли это нарушением этического кодекса патологоанатома?

17:44

Вечер требовал к себе повышенного внимания и решительности, поэтому Марк выстирал все носки, которые нашёл в квартире. Стоя в ванной в одних трусах, он примерял, какая рубашка больше ему подходит. На самом деле выбор был невелик: одна из них была испачкана и он просто не успевал привести её в порядок, у другой пуговицы не застёгивались на раздавшемся животе, третья была прожжена сигаретой на левом рукаве, но, к счастью, была четвёртая рубашка в мелкий орнамент, от которого мог бы случиться эпилептический припадок даже у здорового человека.

«Гвоздь программы сегодня не придёт», — подумал Марк об Алисе.

— Да ты посмотри на себя. Как ты кляtvу в загсе давать будешь? Ты же ни одного своего обещания не выполняешь, чего уж там «в горе и в радости».

— А я разве говорил, что собираюсь с тобой в загс?

Алиса бросила на Марка полный лютой ненависти взгляд и пожелала ему «сдохнуть в одиночестве, как бродячий кот».

— Здравствуйте, мне нужна машина до Тернопольской, 11. На Пушкина, 29. Через сколько будет? Жду.

Молодой человек зашёл на кухню. В холодильнике гордо стояло пиво с пометкой «на пятницу». Марк вытащил его и поставил на стол. Затем он обошёл все углы своей квартиры, где прятался алкоголь. Бутылка хереса, тара с ядрёным зелёным ликёром и ещё какая-то фляжка с мутной жидкостью. Склоняясь над раковиной, он опорожнял одну тару за другой, включив воду, и подпевал, чтобы поднять настроение:

— Прощай, и ничего не обещаю,

И ничего не говори,

А чтоб понять мою печаль...

Домофон затрезвонил как ненормальный. Молодой человек, как медведь, протопал до двери, пытаясь сообразить, что надлежит делать.

— Слушаю.

Какие-то быстрые слова в трубке, предложения нечёткие, но настойчивые.

— Ага, повторите ещё раз.

Марк убирает со лба свои косматые чёрные волосы, которые он отказывался стричь четвёртый месяц. Теперь всё становилось яснее. Девушка эта — представитель ФОМС, и она хочет, чтобы Марк любезно впустил её в свой дом.

— Никого из взрослых нет дома, — непринуждённо пробасил Марк, почёсывая трёхдневную щетину на своих пухлых щеках.

Девушка немного растерялась от такой неприкрытой лжи, но, как профессионал, быстро взяла себя в руки:

— У нас есть категория с 26 лет.

— Мне нет 26-ти.

Разговор был окончен. Время поджимало, и пора было ехать. Высушив феном свои носки, Марк почувствовал запах палёного, а потому быстро прекратил эксперимент и нацепил на себя одну пару, а остальные — мокрые — бросил в ванну. В чёрных брюках и этой нелепой рубашке он был похож на школьника в выпускном классе на дискотеке.

— Осталось только девочку подцепить, — сказал он своему отражению и двинулся в путь.

18:32

Такси томилось в плену пробки, и Марк, сидя на заднем сиденье, нервно тыкал в телефон, набирая сообщение отцу, что опаздывает. Но на середине слезливой эпопеи о бесконечных заваленных сугробами дорогах и авариях мобильный зазвонил и экран высветил незнакомый номер.

— Слушаю.

— Марк Викторович, это Надя, из группы.

— Да, я понял.

— Меня сегодня не было, потому что я попала в больницу и завтра... Завтра у меня операция. Так неожиданно свалилось всё. Мне совсем не с кем поговорить. Я тут одна, и вы не могли бы... Мне очень неловко просить, но не могли бы вы приехать. Я заплачу, сколько скажете.

Чтобы понять суть сказанного, Марку понадобилось не больше двух с половиной секунд.

— Областная больница? Отделение?

— Областная. Реанимационное. Извините, что...

— Я скоро буду, Надя. Не переживайте.

На просьбу Марка повернуть таксист ответил отказом: разворота нет. Тогда молодой человек сунул деньги за дорогу и вышел из машины, застрявшей в обездвиженной цепочке других таких же машин по пути из центра. Марк широким шагом двигался к ближайшей остановке, чтобы сесть на троллейбус. Прикрываясь от леденящего зимнего ветра, он возносил хвалу небесам за то, что получил ещё один шанс, и обещал, что уж этот экзамен он ни за что не провалит. С диагнозом он определился окончательно:

— Жить будем.

ЧЕРВЬ

Время подходило к часу ночи. Круглосуточный магазин недобродушно принимал своих посетителей, которые всякий раз норовили что-нибудь стащить, свалить или по-простому — так сказать, по-человечески — нахамить продавцу. Николай всё это прекрасно понимал, потому старался вести себя прилично и быть как можно более незаметным, дабы тем самым облегчить страдания женщины, заступившей в ночную смену.

— Паспорт предъявите, пожалуйста.

Женщина пристально смотрела на Николая, требовательно так и непреклонно. Мужчина усилием воли оторвал глаза от стеллажа с шоколадками и повернулся к кассирше. В полости рта уже собралась слюна, готовая обрушиться на молочную плитку с карамелью или изюмом, но кариозный зуб, уже месяц требующий лечения, протяжно изнывал, марая всю картину. Страхнув с себя туман, последнее время появляющийся частенько в его голове, Николай проследил за движением накрашенных бледной фиолетовой помадой губ, с которых слезали последние слова, но смысла всё равно не понял. Нежный северный закат мог бы быть такого убаюкивающе-мёртвого цвета. Алый язык мелькал как раскалённое солнце перед своим уходом в колыбель земли.

— Что?

Кассирша вздохнула, набираясь терпения. Иисус, кажется, много говорил о терпении, но упоминал ли о том, где взять его? Где искать прощение для родных, когда ярости нет предела, а главное — где найти прощения для самого себя?

Уходя на работу, она вновь не застала своего старшего сына, который Бог весть где пропадает, а на вопросы матери неизменно повторяет выражение тайны и отдалённости, свойственное утомлённым гениям, не позволяя никаким способом допытываться до истины больше минуты. Ну почему она сидит здесь, в этом магазине, пропахшем пропавшей рыбой и крысами, снующими в темноте? Почему она сидит здесь уже семь лет, вместо того чтобы искать, где её ребёнок? А не поздно ли искать? Люди приходят и расплачиваются, а потом уходят, и им абсолютно всё равно, кто их обслуживает за кассой.

А кому не всё равно, покажите мне. Стоит очередной неспящий, отвлечённый и беспокойный. И чего только нам всем дома не сидится, в тепле?

Третий день болят руки, словно переломаны пополам. Они связаны тугими верёвками до самых синяков, и имена этим верёвкам всё равно что демонам: рутина, заработки, нужда. И вроде бы дело благородное — семью обеспечивать, так почему же столько ненависти к этому, столько отвращения?

— Паспорт покажите.

Николай снова не понял. Он начал ощупывать карманы своей серой ветровки, но ничего кроме мелочи и ключей не нашёл. Да и откуда чему там взяться? Хорошо хоть ключи от дома есть. Есть куда ногам пойти. Хотя было и такое в воображении Николая, что включало маленький фильм. Вот он подходит к многоэтажке, а в ней пара чёрных окон, заполненных копотью и дымом. Люди стоят

во дворе, и слышен вой пожарной сирены, требующей уступить место на переполненной автомобилями дороге. Его квартира задыхается, огонь постепенно сжирает своей ненасытной глоткой вещи, доставшиеся когда-то с трудом. Каждую неделю, почти без выходных, а иногда и не почти, стирать зубы в пыль, чтобы купить, чтобы потратить. Жизнь в кредит, и если не в прямом смысле, то в переносном уж точно. Заработал — потратил, а потом снова так. Но как-то нерационально. Потратил целую жизнь, а заработал какие-то деньги. И всё пылает: мебель, одежда, диплом и, конечно же, паспорт. И в душе у Николая наряду с печалью и лёгким отчаянием витает невыносимая сладость освобождения. Гори оно всё, проклятое.

— Нету паспорта. А он, собственно, вам к чему?

Кассирша даже не разозлилась, словно предугадав подобный вопрос. Она постучала указательным пальцем по красной табличке, висевшей на виду, рядом с кассой: «Продажа алкогольной и табачной продукции несовершеннолетним запрещена».

Вчера опять нашла в его сумке сигареты. Стоило ожидать, такая банальность. Я и сама курила, но как-то неприятно видеть, что и твои дети идут теми же пыльными дорогами. И стыдно было лезть в его сумку, будто я не доверяю своему сыну. Но ведь и впрямь не доверяю. А он мне тоже?

Николай всмотрелся в чёрные жирные буквы, подумав, что весьма справедливо не позволять молодёжи беспрепятственно покупать сигареты и пиво, но его слегка глуповатый вид заставил женщину-продавца пояснить:

— Без паспорта продавать не положено. Я вижу, что вы не мальчик, но, извините, у нас камеры, а начальство требует, чтобы как по закону.

И тут Николай, прошарив глазами, обнаружил на конвейерной ленте бутылку водки. Закопшилось что-то чуть выше живота.

Снова червь запрыгал, значит. Неужели здесь глазами просвечивают или у меня на лбу написано? Докатился, позорный.

— Вы что же, водку мне предлагаете купить? Ну и маркетинг у вас здесь. Позвольте, мне этого не надо!

Женщина за кассой прошла по неловкому мужичку от головы до пят. Чисто выбритый и даже причёсанный, куртка разве что потёртая. На ногах брюки бежевые, аккуратные стрелки, и ботинки блестят.

Не похож на ненормального. Но кто ж наверняка знает, как эти ненормальные выглядят? Может, лунатик какой? Лунатик-алконавтик, за водкой в ночное время прибежал, сам себя не помнит.

Кассирша оставалась внешне невозмутимой:

— Надо значит, раз поставили.

Николай оторопел от такого напора и секунды две растерянно молчал. Он долго вспоминал, зачем здесь стоит. В руках его ничего не было.

Я не пью. Ты не пьёшь, Николай, слышишь? А давно? Не помню, но помню, что окончательно и бесповоротно от меня ушла жена. Странная женщина,

терпела меня, любила, а как пить бросил, так устала и не вернулась больше. Видимо, алкоголик со статусом кандидата социологических наук ей нравился больше, чем безработный трезвенник. А почему же я пить начал? Не помню, но помню, что яро так начал и остановить себя не мог, пока не упал. Низко так, в самую яму, в которой копошился, как безвольное пугало. Пьющая интеллигенция превратила меня в подобие поросёнка, валяющегося в отбросах. Да и что такое интеллигенция, когда она вдрызг развращена зелёным змием? Но я теперь не пью. Совсем не пью. Осталось только работу найти, потому что со старой я ушёл. Ушёл, а не выгнали, понятно? Снова.

Маленький лучик озарения мелькнул в мозгу Николая, и немного прояснилось.

— Я, знаете ли, не ставил ничего. Мне семена нужны. Бархотка.

Женщина прищурилась и стала ещё более внимательно рассматривать Николая. Подозрительность его росла, и кассирша медленно выходила из себя. И как оригинально, казалось бы, предложить продать бархотку в такое время суток, а не какие-нибудь красные розы или огурцы!

Как могу я смотреть на эти рожи, когда лицо своё в зеркале уже не узнаю? Когда детей своих не вижу? За что, за гроши эти!

Она пожевала нижнюю губу и демонстративно оглядела пустой магазин.

— Нет никого. Кто, кроме вас, ещё поставит? А бархотки нет, только петунья осталась.

Нужна ли ему петунья? А водка? Неловко простаивая на кассе, Николай думал, стоит ли ему ради приличия взять хоть что-нибудь.

Может, конфет купить? Пригласить женщину и выпить с ней чаю или вина? Но кто ко мне придёт, я и не знаю толком никого. Тогда порошка стирального — уж он-то всегда в хозяйстве пригодится, рубашки стирать. Они мне чистыми нужны, когда я снова на работу устроюсь.

А вдруг и впрямь я сам поставил эту бутылку? Тогда меня расстрелять нужно за преступление против человека. Дожил до поры, когда и сам не понимаю, что руки делают отдельно от мозгов. Да я же болен, болен, словно лихорадкой!

И вдруг такая злость Николая одолела, что он стал решительным и громогласным.

— Не надо мне петунии. И уж тем более водку вашу брать я не намерен!

Белая пелена накрыла голубые глаза продавщицы.

Завтра же уволюсь. Какая же я мать, какая жена? Час ночи, а меня дома нет. Кто спасибо за такое скажет, этот, что ли?

Николай так резко хлопнул дверью, что даже не услышал брошенные вслед слова кассирши:

— Я всё равно вам её не продам: у вас паспорта нет.

Анна КОРЖАВИНА

**ЗВЕЗДНЫЕ
КОЛОКОЛЬЧИКИ**

Стихи

ОДНАЖДЫ В СКАЗКЕ

I

Странно: мне стало вдруг всё равно.
Зло и добро сплелись стволами,
Мир показал двойное дно
И ослепил меня вами.

Вы без меня обошлись легко.
Вытереть пыль и налить молоко
Легче, чем прясть, не так ли?

Я поняла: тут уют ни при чём,
И вам не стать моим палачом,
Просто нужны спектакли.

Вдруг отыскалось то, что всегда
Я ощущала потерей.
Мир нам сегодня ответит «да»,
Ты наконец поверишь...

II

Сколько их, с тобой заключивших сделки,
А того, что ищешь, не даст никто!
Приз сегодня выглядит слишком мелким,
Время слишком медленно тащит стрелки —
Вместо праха видишь опять цветок.

Над разбитой чашкой трясешься больше,
Чем над всеми символами побед,

Можно не писать — не доходит почта,
Даже если мир ты о чём-то просишь,
Мир тебе всегда отвечает «нет».

III

Почти болезненная хрупкость
В его спине,
Он растворяет мою юность
В сухом вине,

И вьются золотые змеи,
Слепят глаза,
А то, что золото не греет,
Он знает сам.

Дотронуться, когда он рядом,
Летит рука —
Под этим блеском кто-то спрятан
Наверняка.

IV

Я был себе отвратителен сам!
Разве принцесса может влюбиться
В жизнь, слишком жалкую, чтоб с ней сжиться,
В бедность, в потери, в войну, в границу,
В страх, затмевающий всё и вся?

Ей-то простительно: крылья, звёзды,
Воля, упрямство, и я так создан,
Чтобы хотелось меня жалеть.
Подвиг! Судьба пошутила жутко.
Бедная маленькая скорлупка.
Память сжигает. Боюсь сгореть.

V

Снится то, чего не было,
И не случиться точно.
Сказка пестрит пробелами,
Мир разрывая в клочья.

Память о сильной и смелой
Рвёт меня на куски.

Что он со мною сделал?
Чем я его так — вдребезги?..

ГОЛОС КОРОЛЕВСТВА ТЕНЕЙ*

*Голос королевства теней
Властвует над розой твоей,
Ей велит расти ввысь и вглубь.*

*Голос королевства теней —
Эхо наших прожитых дней,
Уходящих в тайную мглу...
М. Токарев*

I

На крышах мамины коты,
В каминах зеркала Стирпайка...
Над миром серым и пустым
Вдруг облаков промчалась стайка.

На стенах росчерки угля,
Здесь юность пела и боролась...

Мне места нет. Здесь нет угла,
Где не был слышен бы твой голос.

II

Я вхожу в твои сны,
Их раздвинув границы,
Под напором весны
Вниз летят черепицы...

В платье красном, как кровь,
Как мечта и как память,
Ты стоишь... Я готов
По приказу растаять

По движенью бровей...
Но ведь холодно ночью!
Сколько хрупких друзей!
Дружба может стать прочной...

---

* Цикл написан по мотивам трилогии «Горменгаст» Мервина Пика, одного из основателей жанра фэнтези.

...Паутину речей
Разорвал колокольчик...

III

Похоже, ты любишь меня одну,
И больше я слов не жду...
И раз я опять не смогла заснуть,
Пожалуй, к тебе зайду...

Но в комнате каждая вещь лежит
Лишь так, как должна лежать,
А молодость всё от меня бежит,
И мне её не догнать...

Притихла и слушаю голос твой,
Изысканные слова...
И здесь, увлекаясь твоей игрой,
Вдруг вспомню, что я жива!..

IV

Солнце садится. Свидание близко.
Буду на нём не я:
Нежностью сменится взгляд василиска
(Зеркало — строгий судья!).

В планах у нас романтический вечер
И поэтический бред,
Руки без трепета лягут на плечи,
Только меня здесь нет...

Кто вы такая, чтоб быть с вами честным?
Правда — удар ножа,
И по пятам за мной ходит бездна...
Как вам вино, госпожа?

V

Какая разница, кто!
Назад уже не вернусь я...
Осеннее слово «долг»
Меня наполняет грустью...

А зимнее слово «смерть»
Уже раскрыло объятья...
Кто дал тебе право сметь
Со мной говорить о счастье?!

VI

Солги, что жить ещё стоит,
Что вечер ночью не станет,
Но смерть за окнами воеет,
Призывно вода мерцает...

Желтеют страницы книжек,
Мечтам ты устала верить,
Я мог бы стать тебе ближе,
Но ты у запертой двери

Семнадцать лет меня держишь,
И мне её не откроешь.
Смотри на мёртвые вещи,
Пусть будут вместо сокровищ!

К груди прижимаешь розу?
Стоишь у окна и плачешь?
Вода всё смоеет, всё спрячет,
Ответит на все вопросы...

VII

Дай мне тебя оплакать,
Ты никогда не плачешь...
Где бы тебя мне спрятать,
Мой смертоносный мальчик?

С розами и стихами,
С кровью и смертной дрожью...
Дни поменять местами,
Истину сделать ложью...

Как же стереть усмешку
С губ твоих... Мне не страшно.
Зло твоё слишком нежно,
Ненависть так отважна...

Роман КАМБУРГ

ЮЖНОИТАЛЬЯНСКАЯ СКАЗКА

Рассказ

Простота, Постоянство и Постоянное Разнообразие — вот вам рецепт счастья, мой дорогой Бенвенутто.

МАДЛЕН 1

Стена, голая, гладкая, без выступов и чётких очертаний, похожая на утреннюю женщину без косметики, служила фасадом двухэтажному дому весьма странного эклектического стиля или, скорее, с отсутствием всякого стиля. Стена выходила на шумную узкую улицу с односторонним движением и трамвайными путями. Машины ехали по трамвайным путям, а трамвай здесь, у дома, делал резкий поворот, и снопы искр сыпались из-под дуг, а колеса скрежетали о сталь старинных рельсов. Кто-то крикнул из раскрытого окна трамвая в сторону дома: «Эй! Мадлен! Доброе утро!»

Мадлен, рыжеволосая, выглянула на крик из своей кухни, но успела увидеть только удаляющийся трамвай. Сегодня начиналась новая неделя, и утренний мужской возглас поднял ей настроение. Мадлен привычно закурила свою утреннюю дамскую сигаретку, дождалась у окна следующего трамвая, словно в надежде, что кто-то опять пожелает ей доброго утра. Но прошёл следующий, и ещё один, и ещё... Мечты её витали далеко. А когда она как бы очнулась, то отошла от окна к остывшему кофе. Допила его и докурила сигаретку. «Это был опять он», — с улыбкой подумала Мадлен о незнакомце.

А рано утром следующего понедельника, ровно через неделю, Мадлен вновь услышала долгожданный крик: «Эээй!!! Мадлен! Доброе утро!» И снова она не успела добежать до окна. Но когда выглянула, то заметила на асфальте около поворота что-то голубое, чистого цвета, как их южноитальянское небо. Она мгновенно сбежала вниз, и голубое пятно превратилось в букетик фиалок. Там, где цветы связывались вместе, белел маленький свёрнутый листок бумаги. Мадлен

наклонилась и вдруг обратила внимание на свои ноги, вернее, на ногти с красным облупившимся лаком. Если бы ей лет десять назад показали бы такие ноги, она не поверила бы, что это её ноги. А теперь нужен был букет фиалок, брошенный ей невидимым дыхателем, чтоб разбудить её от спячки. «Сейчас же займись ногтями», — подумала Мадлен, поднимая фиалки и разворачивая записку.

«Синьора Мадлен! Пусть неделя будет для вас удачной. Молюсь за вас и припадаю к вашим ножкам. Бенвенутто».

Чтоб никто из редких прохожих не видел, Мадлен поцеловала фиалки и, как девочка, вприпрыжку побежала на свой второй этаж. «Письмо словно из прошлого — «молюсь за вас и припадаю к вашим ножкам». Торопясь, она налила горячей воды в таз и погрузила туда ступни. «Что же случилось со мной? — Мадлен лихорадочно повторяла: Бенвенутто... Бенвенутто... Бенвенутто...»

Мечты её парили далеко-далеко, высоко-высоко, когда раздался звонок целлюлярного телефона. Звонили из страховой компании. За прошлогоднюю аварию ей полагалось 12 000 евро в виде компенсации. Просили подтверждение адреса, чтоб выслать бланки для заполнения.

— Виа дель Бьянка, 14-3, Неаполь. А когда я смогу получить деньги? — поинтересовалась Мадлен.

— В течение месяца после получения заполненного бланка мы переведём их на ваш счёт, синьора, — ответил ей искусственно вежливый голос агента.

Что ж, действительно неделя начинается удачно, и молитва Бенвенутто помогла... Мадлен улыбнулась, снова начав грезить о таинственном незнакомце. А ещё через полчаса она с удовольствием разглядывала свою работу, так идеально лёг сегодня лак на её ногти. Теперь уж Бенвенутто точно сможет припасть к этим ножкам. Её густой южноитальянский смех рассыпался по старой квартире.

СОН 1

Бенвенутто часто видел один и тот же сон. Он понимал, что продолжать убегать было абсолютно бессмысленно, потому что с каждой минутой они приближались. Отчего-то мелькнуло: «А вдруг я полечу, как в детских снах». И вспомнилось быстро, как перед смертью, прокрутилось, как в фильме, в этих удивительно повторяющихся снах — страх, даже нет, леденящий ужас преследования, сменяющийся на удивительное избавление в виде полёта, отрыва от земли и божественной лёгкости.

Другая мысль, мгновенно сменившая первую, дарила надежды на раскрытие невероятных сил в экстремальных ситуациях, превосходивших намного обычные силы человека. Так он всю жизнь ждал чуда, а оно не приходило.

Неведомым чувством он уже знал, что чёрные дыры оружейных стволов следуют за ним плавно и незаметно, суля через инфракрасные прицелы только одно — конец.

Физическая усталость и психологическое истощение брали верх над жадной жизни, и тогда он начал на бегу, задыхаясь, про себя шептать, словно молитву, обращение к отцу. Не к Отцу-Богу, он не умел при жизни общаться с ним,

а к своему, ушедшему в иной мир, папе: «Отец, научи, что бы сделал ты в моём положении? Помоги мне, папочка!»

И вдруг, словно без его участия, словно уже сражённый пулей, он упал подкошенный на жёсткую траву, перевернулся несколько раз и полетел куда-то вниз, раздирая колени и локти. Пули летели вслед, ударяясь рядом о камни. Очнулся на дне оврага в одном только ожидании, что сейчас появятся у края они, окружая со всех сторон и целясь уже прямо в лоб или сердце. Однако вместо этого громко переливалась вода, и то ли ручей, то ли речка подхватила его, словно камень, и понесла куда-то. Сознание провалилось, оставив последним ощущением шум воды, боль в локтях и коленях... и все... все. Когда же он очнулся, то ощутил себя лежащим в грязи, нет, это был речной ил, гладкий, скользкий, но удивительно пахнущий свежестью и свободой. Правда, свободу разбитое тело воспринимало пока как покой, долгий, удивительный покой...

Видно, быстрый сон этот пришёл под утро, под самое пробуждение. А первая мысль при пробуждении была: «Зачем? Зачем я встаю? Опять в те же заботы. И где они, где — чудеса?»

МАДЛЕН 2

С того достопамятного дня, когда через окно трамвая он увидел вдруг рыжеволосую Мадлен с тонкой сигареткой, он потерял покой своего долгого, уже устоявшегося одиночества. В тот же день после работы он вышел у поворота на Виа дель Бьянка и несколько раз прошёлся вокруг странного дома с гладким фасадом. Тогда он и узнал её имя — Мадлен. Какая-то женщина во дворе звала её, а потом она выглянула из того же окна, как и сегодняшним утром, неприбранная и с распущенными, поразившими его волосами, показавшись ему вечером как-то более близкой и домашней. Он вернулся домой, но его беспокойство нарастало, и теперь каждое утро он, садясь в трамвай, пристраивался у раскрытого окна. Дважды ему повезло. Первый раз он только успел крикнуть: «Эй, Мадлен, доброе утро!» Потом он начал ежедневно покупать фиалки и прикалывать к ним записку. Так он ехал на работу, а на работе ставил цветы в стакан с водой. Когда он отвлекался от бумаг и компьютера, а взгляд его падал на фиалки, он мысленно мгновенно возвращался к Мадлен. Грезил об их знакомстве. А вечером вынимал букет и брал его с собой домой. Ставил в маленькую, изящную, доставшуюся от мамы вазу. А на следующее утро Бенвенутто вновь покупал фиалки у трамвайной остановки, и история повторялась. За неделю добродушная толстуха, продававшая цветы, уже узнавала Бенвенутто, кивала ему, и как-то она заговорила с ним:

— Синьор, завтра как обычно вам будут нужны свежие фиалки?

— Да, синьора, пожалуйста.

Она только понимающе улыбнулась. А ещё через несколько дней цветочница сказала:

— Синьор, сезон фиалок, к сожалению, кончается. Какие цветы вы будете покупать? Будет гербера, гиацинты...

— Я не знаю, синьора, пока не знаю... давайте подождём ещё несколько дней.

— Что ж, подождём, подождём, — пробормотала она и подумала ему вслед: — Какой милый и странный синьор.

Самое удивительное, что в это же утро Бенвенутто повезло. Ещё издали он заметил её у раскрытого окна. Он изготвился. А ещё через несколько секунд она отошла, но он уже метнул букетик на асфальт и крикнул: «Эй, Мадлен, доброе утро!» Он был уверен, что она возьмёт букет с запиской, и следующие несколько дней он не покупал фиалки. Зато после работы он ежедневно выходил около её дома, обходил его по несколько раз, садился на лавку и начинал мечтать, прислушиваясь к каждому звуку. Ему казалось, что он слышал её голос и чувствовал её шаги.

В следующий понедельник Мадлен встала рано, надела праздничное платье. Долго с привычки делала макияж, даже подушилась, поймав себя на мысли, что запаха на таком расстоянии Бенвенутто не почувствует. «Был бы он бабочкой, так почувствовал бы мои феромоны за пять километров!» Было около восьми утра, когда она заметалась, то выглядывая в окно в надежде крикнуть ему ответное «Доброе утро!», то сбегая вниз и снова поднимаясь бегом к раскрытому окну. Часы шли вперёд: 8, 8.10, 8.20, 8.25, 8.27, 8.28... а его не было. «Может, я его пропустила, когда бежала по лестнице? Дура, надо было стоять и терпеливо ждать у окна!» Вся жизнь её подводило нетерпение. Мадлен нервно курила, глядя на приближающуюся к девяти часовую стрелку. Первый раз за последние недели он не появился в понедельник.

А Бенвенутто? Он не спал почти всю эту ночь. Видно, сказывалось напряжение последних дней. Лишь под утро около шести сон сразил его. Он проснулся в десятом часу опять с сердцебиением от погони и с мыслью, что пропустил свидание с Мадлен и опоздал на работу.

СОН 2

Сновидение было из тех же, повторяющихся...

Бенвенутто бежал вверх по винтовой лестнице, ведущей к колоколам. Церковная колокольня, запущенная — с паутиной, голубями и полуразрушенными ступенями, — возвышалась над пространством. Еле переводя дыхание, он выглянул в стрельчатое окно. Внизу, насколько хватало глаз, стелился туман. Бенвенутто вспомнил: такой пейзаж, совершенно сюрреалистический, он видел в фильме русского итальянца Тарковского. Он забыл название фильма, но туман и журчащая вода его поразили навсегда. А внизу за ним бежали люди в болотного цвета касках, похожих на кастрюли. Он был уверен, что это немцы. Немцы времён средневековья, или немцы Первой мировой войны, ассоциирующиеся у него с ипритом, противогазами и касками, как на картинах Дикса, или нацисты, но снизу на него дышала холодная, жуткая, организованная сила с автоматами и слышался тяжёлый топот сапог. Бенвенутто продолжал бежать и все чаще заглядывал в окна. Почему, он не знал, но что-то подсознательное зрело в нем.

Он добежал до очередной площадки, пытаясь понять, что мешает им стрелять в него. Но сейчас он уже знал, что будет делать. Он выпрыгнул в окно, раскинув руки, словно крылья. И начал парить как орёл, погружаясь в туман и отдаляясь от колокольни. Теперь они, удивлённые и ошеломлённые, что такая лакомая и близкая жертва, как беспомощный Бенвенутто, ускользнула от них, да ещё таким странным нечеловеческим способом, стреляли и стреляли без конца. Очередь пуль свистели где-то неподалёку, но ни одна из них даже не приблизилась к нему. Ощущение же Бенвенутто напоминало чудесное избавление, а радость полёта и парения нельзя было передать словами.

Первый раз в жизни Бенвенутто опоздал на работу. Трясущимися руками он набрал номер телефона босса, невнятно объяснил ему, что плохо себя чувствует и собирается идти к врачу. Вместо врача он пошёл к психоаналитику.

ПСИХОАНАЛИТИК

У профессора Витторио Бенвенутто прождал в приёмной не менее часа, рассматривая на стенах оригинальные карикатуры на Фрейда, Фромма и Юнга. Потом улыбаясь, как и полагается, секретарша пригласила его войти: «Профессор ждёт вас, синьор».

Витторио все в один голос рекомендовали как сильнейшего психоаналитика в округе. Он действительно сразу располагал к себе, вальяжно развалившись в глубоком мягком кресле, и посасывая потухшую трубку. Сидел он свободно, без налёта важности, которая всегда ставит стенку собеседнику.

— Ну-с. Что вас привело ко мне, дорогой Бенвенутто?

Он даже не запнулся на имени и не скосил глаза в какую-нибудь записку, он назвал Бенвенутто, как будто знал его всю жизнь. Бенвенутто впечатлился этим на миг, прежде чем сосредоточиться и начать свой рассказ.

— Профессор, меня много лет мучает один и тот же сон.

— Это любопытно, хотя достаточно тривиально. Но прежде чем рассказать про сон, расскажите немного про вашу жизнь. Мне интересно.

— Я? Я старый холостяк, профессор. Живу один много лет. Иногда, конечно, мечтаю, все реже и реже, правда... Но... вы знаете, в моем возрасте не так легко знакомиться. Правда...

— А сколько вам лет? — перебил его Витторио.

— Уже 56.

— Ну что вы, дорогой! Ещё 56!

— Так я несколько недель назад встретил одну... Не так... Я увидел через окно трамвая одно женское лицо, которое не даёт мне покоя все эти недели. Мне кажется, от этого я в сильном стрессе. Сегодня я плохо спал и даже опоздал на работу, со мной такого никогда ещё не было. Да ещё сон.

— Так, так, романтическая история. Но все-таки вы можете связать свой сон с реальностью, ведь самый лучший психоаналитик для каждого человека — сам человек.

— Мне кажется, что я с детства был очень не уверен в себе. Ну, страхи разные. Может, из-за этого я не нашёл себе пару, не женился. Ведь с любой женщиной нужна уверенность, я бы сказал, даже напор.

Витторио рассмеялся:

— Да, вы абсолютно правы — напор, натиск! Я и по себе это знаю. У меня много женщин было, а ещё больше могло бы быть, если бы я делал вовремя то, что вы рекомендуете — напор, натиск.

— Может быть, страхи и неуверенность породили во мне эти навязчивые сны преследования? — спросил Бенвенутто.

— Эти сны очень мешают вам жить? — вопросом на вопрос ответил профессор.

— Да нет, я бы не сказал...

— Вы спасаетесь от преследования или в конце концов они ловят вас?

— Раньше в детстве часто ловили, и тогда я просыпался в поту и с колотящимся сердцем. Но с годами я все чаще ускользаю от них. А в последнее время они ни разу меня не догнали. Причём спасаюсь я обычно тем, что вдруг неожиданно взлетаю.

— Великолепно! После того, что вы рассказали, остаётся только ждать побед с вашей незнакомкой.

— Вы думаете, профессор?

— Я уверен. А что вы предприняли до сих пор?

— Как-то бросил ей фиалки с запиской.

— И, кстати, как её зовут?

— Мадлен.

— Чудесное имя.

— Для меня оно звучит как музыка, как лучшая в мире ария. Мадлен. М-а-а-д-лен.

— Вы романтик, Бенвенутто. Сделайте просто. Постучите к ней в дверь и скажите: Я тот, кто бросал вам цветы. И назовите её по имени, как вы сейчас пропели мне: М-а-а-д-лен. Я уверен в успехе.

— Так просто?

— Ну не кружить же вам до бесконечности вокруг её дома и не сидеть же по ночам на лавочках.

— Откуда вы знаете?

Вместо ответа профессор сказал:

— Лучше всего сводите её в ресторан, потанцуйте. Танец очень сильно сближает мужчину и женщину.

— Как же такие простые вещи не приходили мне в голову самому?

— Все гениальное просто, мой друг. Простота — это залог счастья. Утром подать кофе. Поцеловать на прощание. Позвонить по телефону. Сделать комплимент. Ну и, конечно, здоровый секс. Да, чуть не забыл про ещё один секрет. Он один из самых трудновыполнимых. Но, применив его, вы всегда обречены на счастье. Все, что я вам рекомендовал — кофе, поцелуй, звонок, комплимент,

секс — все это надо делать постоянно на протяжении всей жизни, да ещё и так, чтоб это ей не надоедало. Поэтому нужно разнообразие. Простота, Постоянство и Постоянное Разнообразие — вот вам рецепт счастья, мой дорогой Бенвенутто. Но не многие владеют этим рецептом, — Витторио улыбнулся широко и дружелюбно, не выпуская трубки изо рта.

— Огромное спасибо, профессор! Сколько я вам должен за визит?

— О, вы задали напоследок самый трудный и, я бы сказал, коварный вопрос. Просто визит — 80 000 лир. А если завоюете свою Мадлен и станете с ней счастливым, будете мне выплачивать пожизненную ренту, ренту счастья. И ещё, передайте мой рецепт вашим будущим детям.

— Я все исполню. Когда заключим договор о ренте?

— После того, как станете счастливым.

— А что делать со снами, профессор?

— Как опытный психоаналитик, скажу вам, когда Мадлен будет засыпать и просыпаться в ваших объятиях, сон сам собой исчезнет.

МАДЛЕН 3

После работы Бенвенутто зашёл в парикмахерскую.

— Синьор Бенвенутто, но вы были у меня только несколько дней назад. У вас безукоризненная стрижка.

— Я бы хотел подровнять виски, и ещё... Ну не знаю, проверьте сзади, не отросли ли волосы на шее.

Бенвенутто сидел рассеянно в кресле, ничего не слыша и сосредоточившись на одной мысли: сегодня он пойдёт к Мадлен. После парикмахерской Бенвенутто купил в одном из центральных магазинов Неаполя роскошный и безумно дорогой букет роз, сел на трамвай. Сердце колотилось, как перед экзаменом. Букет потел, сжатый в руке. «Простота, Постоянство и Постоянное Разнообразие — вот вам рецепт счастья, мой дорогой Бенвенутто», — звучали в голове слова профессора Витторио, повторяясь снова и снова: «Простота, Постоянство и Постоянное Разнообразие». Мудрейший человек!

Остановка. Её остановка. И дом на повороте. Бенвенутто уже знал, что у Мадлен квартира номер три на втором этаже. Черт, как держать букет? Перед собой? Внизу? За спиной? Он подошёл к заветной двери. Напряжение Бенвенутто достигло предела, словно решалась его судьба. Может, она и решалась? Он нажал на чёрную кнопку звонка. Она открыла дверь, даже не спросив традиционное: «Кто там?». Она стояла перед ним, празднично одетая. Он никогда не видел её такой и не представлял её такую. Она была божественно хороша. Звучала лёгкая музыка. Стоял запах жаркого. Вдруг раздалось: «Кто там?» Но это был не её голос, а мужской баритон откуда-то изнутри. В сердце Бенвенутто все оборвалось. Цветы упали на лестничную площадку, он уже спускался, почти бежал, вниз. «Синьор! Куда вы? Стойте!» — кричала Мадлен вслед ему. «Она даже не называет меня Бенвенутто! Она даже не помнит моего имени! У неё давно кто-то есть! Конечно! Как может быть такая женщина

одинокой! Даже странно, что ему такие мысли приходили! Дурак! Старый, глупый и занудный холостяк!»

Бенвенутто не хотел, чтоб она видела его из окна на трамвайной остановке, он пошёл задами, в окружную на следующую остановку. Ну и что, что ему идти километра полтора-два. Позор! Позор перед ней! Да ещё и неприятности ей доставил! Наверное, баритон сейчас её пытается, кто это был! А что, интересно, с цветами? Она их не подобрала? Выбросила? Спрятала? Выставила на суд того господина! Кто он ей? Муж? Друг? Любовник? Да какая теперь разница! Он чувствовал, как сильно подвёл профессора Витторио. «Простота, Постоянство и Постоянное Разнообразие — вот вам рецепт счастья, мой дорогой Бенвенутто». Если б профессор знал, какая он тряпка, бестолочь...

Бенвенутто ненавидел себя в эти минуты лютой ненавистью. Уже сидя в трамвае и приближаясь к дому, он решил для себя — все! Больше ни одним словом, ни одним криком, да что там, ни одним взглядом он не напомним ей о себе. Назавтра я сяду с другой стороны, противоположной от её дома. А ещё лучше найти другой маршрут. А может, сменить работу, чтобы вообще не проезжать мимо её дома? Надо подумать, не такой уж плохой вариант, тем более, что работа ему изрядно надоела. Он уже на одном месте почти пятнадцать лет. Завтра он купит газету с объявлениями о вакансиях и забудет о цветах, о всяких фиалках, розах, гиацинтах. Надо ещё проходить мимо цветочницы-толстухи, и она обязательно спросит: «Синьор, сегодня вы не купите цветов?»

Он не купит их ни сегодня, ни завтра, уже никогда Бенвенутто не купит цветов.

Зайдя в свою аккуратно прибранную, но при том очевидно холостяцкую квартиру, он напрямик подошёл к бару, вынул бутылку сухого «Мартини» и налил полстакана. Потом взял водки, смешал с «Мартини». Бросил туда несколько кубиков льда и, не дожидаясь, пока коктейль остынет, отхлебнул добрую треть стакана. Бенвенутто не привык пить такие крепкие напитки, его нормой был стаканчик лёгкого «Кьянти» перед обедом, поэтому эффект водки с «Мартини» он ощутил сразу же, словно смесь ракетой вонзилась в мозг. Но он этого хотел сегодня. Бездумно включил телевизор. Мысль его уже не задерживалась на предметах, а перелетала как бабочка с цветка на цветок. Несколько раз Бенвенутто поиграл пультом телевизора, оставив спортивный канал. Он с трудом сделал ещё пару больших глотков, а через несколько минут провалился в сон прямо в кресле, не раздеваясь, в сон без его привычных сновидений.

МАДЛЕН 4

Сказать, что Мадлен после внезапного визита и такого же поспешного побега Бенвенутто была в шоке — значит ничего не сказать. Оставив своего гостя, она кинулась на улицу и добежала до трамвайной остановки. Нечастые прохожие оборачивались на Мадлен. Она стояла, тупо пропуская один за другим трамваи. Наконец Мадлен не выдержала, села на скамейку и разрыдалась: «Ну почему, почему? Почему мне не везёт? Только в книжках и этих глупых голливуд-

ских фильмах он вдруг появляется и подхватывает свою любимую на руки. Цветы, шампанское, смех, счастье... А где её счастье? В рыданиях на трамвайной остановке у окраины Неаполя. А где её цветы? Брошены у двери, а сейчас стоят в пустой банке от конфитюра».

Волосы её растрепались на ветру, косметика на лице расплылась. Один из подошедших к остановке вежливо поинтересовался: «Вы в порядке, синьора? Вам помочь?»

«Нет, спасибо, я сама справлюсь». И Мадлен медленно, еле передвигая ноги, как больная, пошла к дому. Голова её была абсолютно пуста.

На кухне силы совсем оставили её. Мадлен взяла таблетку валиума, запив противной хлорной водой из крана, успела наполнить банку с цветами той же водой, направилась в спальню. Она скинула туфли и немедленно погрузилась в сон, скорее от потрясения, чем от таблетки. Её гость осторожно открыл дверь, покачал головой и выключил свет.

Так закончился этот странный вечер для Мадлен и Бенвенутто.

Они пробудились почти одновременно около шести утра. Он с тяжёлой головой от выпитого, она, ещё не полностью отойдя от валиума. Он обнаружил, что спал в костюме, сидя в кресле. Она была в платье и в размазанной по лицу, но не смытой с вечера косметике. Оба, словно сговорившись, сорвали с себя праздничные, но никому не нужные наряды. Оба каждый в своём доме побежал под душ. Бенвенутто быстро побрился, схватил сэндвич, не думая о Мадлен, выскочил на улицу.

Мадлен умылась, раскурила свою утреннюю привычную сигаретку, сделала кофе. Без четверти восемь её как будто подбросило. В это время Бенвенутто обычно кричал с улицы: «Доброе утро, Мадлен!» Как давно это было. Всего-то недели две назад. Как будто в прошлой жизни. Мадлен, следуя внутреннему чувству, словно непонятному животному зову, кинулась вниз по лестнице. В одной руке у неё была сигаретка, а в другой — чашка с кофе. По стуку рельсов она поняла, что трамвай приближается. Она в одном халате выскочила на рельсы и побежала к остановившемуся у остановки трамваю с криком: «Бенвенутто, доброе утро! Доброе утро!»

Он выпрыгнул из задней двери в последнюю минуту и помчался к ней навстречу. Они обнялись. Он не выпускал из рук кейса с сэндвичем и бумагами. Она с кофе и сигареткой.

— Милый Бенвенутто! Почему ты вчера убежал? Ты приревновал меня к моему двоюродному брату?

— Я думал... я думал...

— Ладно, не говори, я знаю, что ты думал.

Он же только повторял, нет, пел её имя: «М-а-а-адлен, М-а-а-адлен...»

— Ну, иди, иди теперь на следующий трамвай, а то опоздаешь на работу. Вечером я тебя жду. До вечера, Бенвенутто.

— До вечера, Мадлен.

Маргарита СОСНИЦКАЯ

**ПОЭТИЧЕСКИЙ БУКЕТ
МИХАИЛУ
ЛЕРМОНТОВУ**

Стихи

ПЕЧОРИНЬ

Живётъ въ душѣ моей Печоринь,
Холодный, лёгкий, пламенно-безстрастный,
Нещадный на языкъ в неподцензурномъ споре
И для сердець влюбившихся опасный.

Въ бою, какъ на балу, ему нетъ равныхъ,
Изыскань

и когда наводит пистолет.

Въ глазахъ Максимыча онъ «малый славный»
И тема сокровенная беседа.

Печоринь — пращуръ белыхъ офицеровъ
И эталон высокой человека,
Как предковъ памятник, безценень
Герой любимый Золотого века.

ИЗ СНОВ СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Я от бессонницы вся побелела,
Я пудру сахарную ела,
чтоб спать,

Но стала лишь белей.

Тогда светильник-светлячок зажгла

И Лермонтова наугад открыла:

«С тех пор как мир лишился рая,

Клянусь, красавица такая

Под солнцем юга не цвела...»

Меня толкнула радостная сила,

И зеркало в венке серебряных ветвей

К лицу пылающему поднесла:

Бела,
Румянец проступает, как заря,
Брови, что крылья сокола в полёте,
Волосы — закат из янтаря,
Уста — поспевший плод, да не сорвёте,
И в зеркало ударила, как в бубен,
И заплясала я в кольце теней...

Тогда вошел безшумно Врубель
С палитрой в раме из ветвей.

ЯДОКНИЖЬЕ
(подражание)

Есть книги — без перчаток
К ним прикасаться невозможно,
Пропитанные ядом,
Заведомую ложью.

Как полны их звуки
Змеиным шипеньем,
В них вой лженауки
И знанья забвенья.

В них нету привета —
Навет и оковы —
Из пламя и света
Рождённому слову.

В архиве, в метро я
Иль где я ни буду,
Не выйду из строя,
Узнав их повсюду,

Пойму, это лживо-
Безстыдные речи,
Умы — их нажива,
А место им в печи.

НАБРОСОК ПОСЛЕ ДУЭЛИ

...А если б
и Мартынов выстрелил в лицо небес
И с Лермонтовым они бы обнялись —
Так два орла взмывают ввысь
В лучах, схлестнувшихся наперехлест.

«Прости, брат, мелочность личных обид,
Помутивших тщеславный рассудок,

Это ты — России великий пиит,
За кровь твою распроклят буду.
Прости. Фунт нашей славы
Дороже заморской трёхсот пудов.
Прости, попутал лукавый,
Мне уж за честь, что с тобой знаком».

И с Лермонтовым распили
Они б за дружбу молодого вина —
Тогда б никогда на полях России
Не грянула братоубийственная война.

* * *

Устали все от геростратов:
мартыновых, дантесов, юровских,
богровых, гаврилопринципов
цинично-безпринципных,
увы, увековеченных историей лукавой,
когда бы надо их из памяти стереть;
может, тогда б они, тщеславные,
не стали руку на святыни поднимать.
Впрочем, зло творится ради зла.

* * *

Перед дождём так полнокровно оживают краски,
Вплывает в небеса флот белых каравелл,
А Громовержца канонадные огласки
Нас отрывают от житейских дел
И заставляют небу поклониться,
Благодарить за то, что позвало,
Дало живой воды умыться,
Повергло засуху, уныние и зло.
Перед дождём становится объёмной
Неба могучего царица синева,
Затем вздымаются бушующие волны,
И озаряет бездну молнии стрела.
Ты замираешь в доме, как в ковчеге,
Средь волн всемирного небесного потопа,
Но Громовержець думает о человеке
И видит в нём по своему подобью бога.

* * *

Нет! В начале было не Слово!
В начале была Тьма!
И Слово Тьму одолело,
И Тьму одолело Слово,
Начало жизни дало новой
И Свѣтъ сотворило бѣлый!

Марина НЕКРАСОВА

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ В ПОКЛОН КОРОТКОМУ ЛЕТУ

Рассказы

1. ДАЧА С КИНДЕРШПИЛЕМ

Когда-то у них была дача. Дачный дом стоял в конце улицы небольшой деревни, в которой раньше были фабрика и лесокombинат, а теперь их не было, и народу в деревне осталось немного, почти все — старики да пьяницы. Улица их одним концом упиралась в сосновый бор, другим, что дальше, уходила к речке. Солнце вставало со стороны бора, садилось за рекой, и на их дачном участке всегда было много света.

Ездить на дачу они не любили из-за отца. Отец всегда был чем-то недоволен. Ему не нравились их праздные посиделки у костра, за чем они сажали столько никчёмных цветов, как много гуляли в лесу и мало работали, неумело вскапывали землю и всё хотели починить и покрасить старый дом, который никак нельзя было починить, а надо было снести, чтобы построить на его месте новый. Радостным отца они видели только раз, когда при вскопке поля обнаружили чугунного ангелка на тонком шпиле.

Их отец был сильным, невысоким, крепким и злым мужиком. Когда он стал таким злым — никто не заметил. Раньше все считали их отца весёлым человеком. Он был умным и умел работать руками. Но к тому времени, когда дети стали взрослыми, он сдал, стал много пить, и, хотя всё ещё умел работать в огороде и орудовать топором и рубанком, огородничать и плотничать он ленился, дачное дело у него никак не шло, и он часто злился за это на себя и взрослых своих детей.

Огород на их даче был по-деревенски большим и работы требовал много. Отец часто пил, и тогда огород засыхал и зарастал сорняками. Иногда отец пил подолгу. Почему-то обыкновенно это случалось с ним поздней весной или ранней осенью, когда в огороде больше всего нужна была его рука. И дети жили на даче все выходные, тут становилось им не до прогулок в лес и посиделок у костра,

многое приходилось делать самим, и каждый такой дачный день без отца они сильно уставали.

Для дачных дел у них всё не находилось времени из-за работы в городе, в воскресенье надо было успеть на последнюю электричку в город, и в отцовские запои они старались больше сделать за субботу. В одну из таких суббот они копали, сушили и спускали в подполье овощи часов до трёх ночи. Чтобы видеть морковку и свёклу, дети сделали шест, привязали к шесту фонарь и укрепили шест с фонарём рядом с грядками.

Общими заботами дача их всё же жила. На той улице их огород был, пожалуй, самым богатым, а дом, несмотря на старость его, смотрелся самым ухоженным. Дом был ненадёжным: ветхая засыпушка в четыре окна, с трухлявым крыльцом и гнилыми завалинками. Завалинки они подновили, крыльцо выправили, насадили вокруг дома кустов. Отец приделал на печную трубу шпиль с ангелком, и они окрестили его Киндершпилем. Но отцу всё равно всегда что-то не нравилось, и ездить на дачу дети не любили.

А в то лето отец повеселел: кто-то помог ему раздобыть кругляк под баню. Он сказал, что бросит пить и возьмётся строить. Весь июнь он тесал и укладывал брёвна, всякое утро вставая с рассветом и до вечера не бросая стройки. Отец помолодел. Он сновал меж брёвен без усталости: он измерял их, лазая по земле ползком, ошкуривал, пилил, брызгая потом, а то, с обмотанной майкой головой, просто так сидел верхом на бревне, что-то обдумывая или насвистывая солдатские песни.

Тем летом ничего, кроме брёвен, отец, казалось, не видел. Вблизи сруба скоро выросла гора жёлтых опилок, а с ней рядом появилась другая гора — земляная, будто вынутая из свежей сливной ямы. Отец всё строил и строил, огородом пришлось заниматься детям, и они неплохо проводили время, копая грядки, засаживая в них семена, а потом поливая всходы. Закончив работу, они ходили в лес, а вечерами сидели у костра, и отец ничего не говорил им на это.

В июле сложили сруб. Было воскресенье, обедали за столом на улице. Все представляли себе, какой хорошей и жаркой будет новая баня, и дети говорили, что можно подналечь на стройку всем вместе, чтобы начать париться в бане этим летом. Но отец считал, что спешить нельзя. Может, он думал, что дети всё испортят. В серьёзных делах он терпеть не мог небрежности и спешки, резал-пилил всегда очень ровно и не выносил ни в своём, ни в чужих домах кособоких окон или неплотно притворяющихся дверей.

Отец любил порядок во всём. В старом засыпном доме на их даче всегда было чисто. На стене в сенях аккуратно развешаны и расставлены были отцовские вещи: пила, напильники и лобзики, молотки и топоры, рубанок. На полках в ящиках хранились гвозди, гайки и шурупы, мотки проводов украшали стенку против двери, а по третьей стене чинными рядами висели тяпки, грабли, лопаты и прочий инструмент для огородничества. В жилой комнате была старая деревенская мебель, которую хозяева отдали вместе с домом, а мелких вещей там почти не было: приёмник, немного посуды, книжки на этажерке.

Огород зеленел, на грядках весело торчала ботва, тем летом дети даже выкрасили белым сени и крыльцо старого засыпного дома, и отец не сказал ничего против. На старой даче сделалось ново и весело: светлый сруб пах свежим деревом, белое крашеное крыльцо виднелось с улицы от самого леса, инструменты в обновлённых сенях смотрелись нарядно, даже посаженные отцом ранетки, что года три не подавали признаков жизни, показали первые плоды и стояли теперь, хвастая мелкими глянцевыми шариками.

В новый выходной дети привезли отцу добытую в городе чугунную банную печку. Войдя во двор, сруба они не увидели. Отец сидел на крыльце злой и говорил, что овощи на грядках взошли плохо, малина привязана худо, а с ранеток осыпались только взявшиеся плоды, потому что всю неделю не было дождя и деревца засохли. Сруб он разобрал, а когда они спросили его, почему, он сказал: «Кривой». Они не заметили, что сруб был кривым, но такое отец всегда видел лучше, они верили отцу, но им было жаль наполовину готовой бани.

Весь тот день отец болтался по соседям, к вечеру он вернулся на дачу пьяный, а на другое утро дети уехали. Через неделю дети приехали на дачу снова, но там было всё то же. Переделать грядки было невозможно, перевязывать колючую малину трудно, засохшие ранетки было не спасти, а отец всё залился и почти всегда, когда они приезжали на дачу, бывал пьяным. Дети стали ездить на дачу всё реже, отец стал бывать там всё чаще, а осенью он совсем поселился там, кое-как утеплив под зиму старый засыпной дом.

Потом дети узнали, что отец нашёл в деревне подружку. Все звали её Лизкой. Она жила на пенсию, считалась пьяницей, хозяйство давно забросила, только держала двух коз, которых без конца прогоняли со своих участков соседи. Лет ей было много, как отцу или больше, и детям неудобно было называть её Лизкой. Но когда они приезжали, Лизку никогда не видели, разве что издали, если шли улицей на электричку, когда Лизка загоняла к себе своё хилое стадо. Дети решили, что отец ест нормальную пищу, спит на чистых простынях, и всех это устраивает.

Так прошёл год, прошёл другой. Огород отец запустил. Дети жили в городе, покупали овощи в городских магазинах и приезжали на дачу редко — поглядеться с отцом. Баню отец так и не построил, и Лизка носила стирку в свою — маленькую и кривую, похожую на сарай, в её дворе на другом конце улицы, ближе к речке. Зимой она возила бельё в маленьких санках, а летом носила в большой плетёной корзине, в которую дети собирали лесную хвою когда-то, когда отец узнал, что сосновой хвоей хорошо посыпать грядки, чтобы на их поверхности дольше держалась влага.

Той зимой было много снега, а когда умер отец, зарядили морозы. Дети звонили Лизке в деревню, звали приехать в город на похороны. Лизка обещала приехать, но не приехала. Отца хоронили из дома, но дети говорили, что настоящий его дом остался там, на даче. Они собирались продать дачу, но на похоронах вдруг решили, что не будут. Дети решили, что не смогут проводить

на даче много времени и содержать огород в порядке, но всё-таки будут иногда выбираться на дачу, весной посадят там кое-что, и дача станет местом для отдыха и останется памятью об отце.

Они приехали на дачу очень ранней весной, когда прилипший к земле снег всё ещё держался на ней твёрдой коркой. В деревне было тихо, на улице — никого. Их старый засыпной дом оказался пустым, а дверь на облезлом, но всё ещё белом крыльце была открытой. В старом доме совсем ничего не было — ни одной отцовской вещи: ни его топора, ни рубанка, ни ящика с гвоздями, ни книжек на этажерке, ни самой этажерки, ни приёмника. Раньше в деревне не воровали, и они спросили у соседней, не видели ли те кого. Соседи сказали: «Лизка».

Глупый Киндершпиль ничего поделывать не мог. Всё, что было в засыпном доме на их даче, Лизка свозила к себе на детских саночках. Это были их старые санки — цветные и совсем маленькие. Лизке пришлось сделать много рейсов от отцовской насыпушки к её дому на другом конце улицы, и там, где она возила санки, на снежной корке осталась тёмная колея.

2. ОКОЛЕСИЦА ДЛЯ ДАШКИ

«Пустили козла в огород», — некстати подумал Максим Савельич, втиснувшись в свободное кресло в маршрутке. И накаркал ведь...

День стоял жаркий, в салоне было душно и полно пассажиров. Разговор, по всему видно, шёл давно. До людских перетолков Максим Савельич был большим охотником. А потому, устроившись на жёстком сиденье, он прикинулся безучастным — устремил взгляд на мелькавшие за окном улицы и в счастливом упоении принялся слушать. Положение его кресла было выгодным: середина салона, с краю; отсюда легко касаться боковым зрением попутчиков.

— Нет, да вы подумайте только, сколько их понаехало! — вела разговор пышнотелая дама в пёстром платье. — Вроде тысяча?

— Две, — поправил кто-то сзади.

— Уже и поликлинику заселили, и санаторий ветеранский, — продолжала пышнотелая. Она сидела напротив Максима Савельича и занимала собою два кресла за водительской спиной. — Ветеранов отселили. В отставку ветеранов отравили.

— Всех нас туда отправили, — обобщила её очкастая соседка с сердитым лицом. Очкастая держала на коленях мальчика лет пяти. Взгляды мальчика и Максима Савельича внезапно пересеклись, и Максим Савельич вдруг подумал, что ребёнок ведёт ту же игру, что он: с интересом слушает разговор, приворяясь безучастным.

— А чего с нами церемониться? — с жаром откликнулась пышнотелая. — Мы свои. Никуда не денемся, не рыпнемся. Нам куда отсюда деваться? Некуда! А они теперь — баре. Толстомордые все, я сама видала. Не беженцы, а баре!

— Да какие они баре, женщина? — возразил тощий мужчина в синей робе. — Вот вам сейчас бежать прикажи — понравится? Дом — брось-ка! Шмотье — брось-ка! Всё брось — да на другой конец с детьми малыми. Нашла барчуков...

— В том-то и дело, что на другой конец! — возмутилась пышнотелая. — На этот другой конец раньше каторжников ссылали. Кому такое понравится — со сланным быть? Чему им тут радоваться? Им — юга подавай. А тут — не юга, тут ссылка. Всегда каторжников сюда слали.

— И сейчас шлют, — поддакнула очкастая.

— Именно! — подхватила пышнотелая. — И сейчас шлют! А некоторым это не нравится, некоторые привыкли жить в тёпленьком, гулять в красивеньком.

Тут водитель двинул крепкой шеей в сторону салона и звучно рассмеялся:

— Вот люди! Вот всегда они недовольны! Вот чем вы недовольны опять? Будут у нас хохлушки, будут галушки. Вам-то чего плакать?

Водитель снова рассмеялся, а пышнотелая шепнула очкастой:

— Правду говорят: все мужики — козлы, одни юбки на уме да пожрать что-бы дали.

— Ой, а знаете, у меня сестра там с ними работает, — донеслось с задних кресел. — Они, говорят, как приехали — так все сразу и простыли, заболели, закашляли.

Мужик в робе обернулся на голос:

— Так и вы бы простыли вместе с вашей сестрой, забрось вас сюда оттудова!

— Именно, мужчина, именно! — торжествуя, потрясла сумкой пышнотелая. Сумку она держала на коленях, двумя руками — за толстую круглую ручку. Сумка была красной и на фоне светлого летнего платья смотрелась ярким флажком. — Оттудова — сюда. А вот нас бы кто сослал: туда — отсюда. А? Мы бы, я вам скажу, не плакали. Не плакали бы мы, не болели бы, не кашляли. Ещё и спасибо бы сказали. Потому что не баре мы.

— Не дай тебе Бог, милочка, — негромко ответила пышнотелой старушка, что сидела рядом с Максимом Савельичем.

Пышнотелая на старушку снисходительно всплеснула круглой белой рукой, отцепившись ненадолго от флагоподобной сумочки.

— На Стоматологической есть выходящие? — прервал разговор зычный голос водителя.

Никто не ответил. Маршрутка поехала мимо поликлиники. Пассажиры молчали, каждый своё думал. Мерно гудел нагретый солнцем двигатель, похрипывало водительское радио.

Потом стояли на светофоре, Максим Савельич рассматривал большую лужу на тротуаре за окном и ждал продолжения дискуссии. На лужу смотрел и мальчик, чего Максим Савельич видеть не мог, иначе утвердился бы в своей догадке об общей их с ребёнком деятельности. Луж дорогой виднелось много, все — большие, основательные, остались от ночного ливня.

За этой лужей на игровой площадке догуливали ранний вечер приведённые из садиков дети. По периметру песочного прямоугольника вкопаны были ярко выкрашенные автомобильные шины. Они смотрелись бездарными радугами-подделками. Самую высокую «радугу» пытался оседлать малыш в плюшевом комбинезоне. «Едва ль за год перевалило», — подумал о нём Максим Савельич.

Мама мальчика говорила по телефону, а малыш без устали карабкался на «радугу»: падал с неё, снова лез, валился и начинал сначала. «А ведь в человеческой природе это заложено — лезть куда-то выше, ползти вверх, карабкаться», — задумался Максим Савельич.

Ребёнок упал, больно стукнувшись носом о землю, и зашёлся истощным рёвом. А маршрутка тронулась, оставляя обиженный плач за раскрытыми окнами.

Молчание в салоне разбил пронзительный голосок:

— Мама, знаешь, кем я стану, когда вырасту?

Пронзительный голосок был не похож на другие своим тембром, высотой, настроением. Принадлежал он мальчику, что неловко сидел на коленях очкастой. Будто вспомнив о ребёнке, мать усадила его удобнее, заглянула участливо в личико, нарочито громко спросила:

— Кем же, Мишенька? — и обвела выразительным взглядом публику, приглашая каждого послушать.

Ожидая ответа, все в маршрутке обратили внимание теперь на Мишеньку. А Максим Савельич попытался ответ мальчика предугадать: «Президентом станет, конечно».

— Когда я вырасту, мамочка, — медлил Мишенька, вполне профессионально, как Максиму Савельичу подумалось, играя зрительским вниманием. — Когда я вырасту, то стану... больши-и-им козлом!

В маршрутке воцарилась тишина: только старушка коротко охнула, и всё стихло. Казалось, и двигатель гудеть перестал, и радио водительское смолкло. Мама смотрела на Мишеньку, другие пассажиры смотрели на Мишеньку и его маму, даже Максим Савельич, забывшись, оторвал взгляд от окна и застопорил его на очкастой пассажирке с сыном.

Та покраснела. Чувствуя на себе колючее внимание окружающих, женщина растерянно молчала.

— Стану большим-большим козлом! — повторил Мишенька, лишая свою мать последней надежды.

Все теперь отвели глаза в стороны, потому что на смущённую очкастую женщину смотреть было жалко. Тихо проехали ещё остановку, и тут уже стало ясно, что всем пассажирам до конечной: «Парк». И всем, наверное, подумалось, что скоро приедут, но на выезде из центра маршрутка застряла в пробке. Духота в салоне сделалась несносной, и раскрытые окна от неё не спасали.

— Почему же козлом, Мишенька? — тихонько спросила наконец очкастая.

С ответом мальчик не торопился.

— Почему? — переспросил удивлённо.

— Почему?

Маршрутка, наконец, тронулась, качнув всех вперёд-назад и превратив Мишенькино «почему» в «пачмух».

— Потому что я пить хочу, — объяснил мальчик. — Маленький козлёночек из маленькой лужи пьёт, а вон та лужа — больша-ая. Я стану большим козлом и всю эту большую лужу выпью.

Мама Мишеньки облегчённо вздохнула, осветилась умилением, другие пассажиры тоже как-то расслабились, подобрели, водитель чуть прибавил громкость радиоприёмника, а Максим Савельич, пряча улыбку, снова уставился в окно.

Ещё пара светофоров — и конечная. Мальчик стал что-то напевать, пышнотелая закопошилась в сумке в поисках мелочи, а Максим Савельич подумал: «Разрядилась обстановочка». Подумал он такое зря, потому что пышнотелая дама, приготовив мелочь, обратилась сразу ко всем:

— Говорят, им денег больших наобещали. Они и поехали к нам — за длинным рублём. А у нас он, известно, какой длинный. Недовольны они. И что теперь: куда их денут, а?

— Лишь бы нас для их длинного рубля никуда не девали, — отозвалась очкастая мама, вздохнув и ласково обняв Мишеньку.

— Работать-то они не хотят за такие зарплаты, — продолжала пышнотелая. — Это мы — ко всему привыкли.

— За такие зарплаты — кому охота работать, — согласился мужик в робе.

— А теперь их куда же пошлют? — не унималась пышнотелая. — Вы, мужчина, как думаете? — спросила она Максима Савельича, перехватив скользнувший по салону его безучастный взгляд.

— Я? — смутился он, пойманный, врасплох настигнутый. — Да я, собственно, — и пожал было плечами безразлично, и покачал было головой: мол, знать не знаю и знать не хочу, но вдруг увидел Максим Савельич, что подозреваемый им в сообщничестве Мишенька прямо и пристально на него смотрит.

— Я... как раз... в некотором смысле... и есть — толстомордый, — находясь под гипнотическим взглядом ребёнка, последнее слово Максим Савельич произнёс особенно отчётливо.

И, окончательно в себя уверовав, он добавил, кивая головой, будто представляясь публике:

— Толстомордый. Козёл.

«Прошу, мол, любить и жаловать», — так прозвучало.

Мишенька теперь смотрел на Максима Савельича с восхищением. Зато другие пассажиры отвели взгляды: кто в окно стал газетью, кто мелочь полез искать по карманам, кто в телефон уткнулся.

— Этот дяденька — Козёл? — громко уточнил Мишенька, дёрнув маму за ухо.

Тощий мужик в робе тихонько прыснул.

— Нет, Мишенька, — поспешила ответить очкастая. — Этот дяденька шутит, — и, обернувшись к Максиму Савельичу, сказала осуждающе: — Ну, какой же вы толстомордый, мужчина? Нормальный вы. Даже худой вы, на мой взгляд.

— А вы, мужчина, сами откуда будете? — полюбопытствовала пышнотелая обмгшим голосом.

— Чего пристали к человеку? — возмутился мужик в робе. — Сидит человек, помалкивает, устал, может. Всё бы трындели!

— Никто к нему не приставал, — возразила пышнотелая. — Пусть сидит. И мы сидим. У нас равны все. Кто куда хочет, тот туда и едет.

— Конечно, — согласилась очкастая. — Мы вот — к бабушке нашей едем. Да, Мишенька?

— А я — к внучке, — примирительно сказал Максим Савельич.

— А лучше бы по домам все сидели, — вставила бабка. — Оно спокойнее, — ударила на последний слог.

— Вы бы хоть помолчали, — одёрнул её мужик. — Были б у всех дома — так и сидели бы там все с удовольствием.

— Да молчу я, — старуха обиженно махнула рукой и отвернулась.

Маршрутка остановилась. Водитель энергично обернулся в салон:

— Без сдачи стараемся, любезные...

На остановке Максима Савельича ждали: дочь держала за руку наряженную по причине Первого сентября в белое и перепачканную внучку.

— Деда! — разлилось по улице.

— Дашка!

Обняв, он опустил девчущку на землю, взял за руку, отдуваясь.

— Привет, пап. Вы недолго гуляйте, ладно? Мне её ещё отмыть надо, — попросила дочь.

Максим Савельич кивнул, и они с Дашкой пошли в сторону парка.

— Деда, а меня сегодня в богодавательную группу перевели, — сообщила внучка.

— В подготовительную?

— Ага. Деда, а я сегодня суп из песка варила с Мариной, Наташей и Настей. Для кукол. А ты что делал?

— Околесицу сочинял.

— А ты один её сочинял?

— Нет. Другие помогали.

— А как их зовут?

— Одного — Мишенька, а других — не знаю.

— Смешной ты, деда! Надо всегда имена спрашивать!

— Надо.

— Деда, а ты околесицу для кого сочинял? Для меня?

— Да, пожалуй, что и для тебя, Дашка. Только ты ещё маленькая.

— Я? Ну и смешной ты, деда! Я в богодавательную группу пошла!

- В подготовительную.
— Ага. Деда, а какая она — околесица?
— А ты как думаешь?

Дашка вырвала ручонку, выбежала вперёд, встала перед Максимом Савельичем очень прямо, вытянула в стороны руки, подняла кверху чумазое личико, округлила глаза, закатила их, растянула — «Бе-е-е» — губы, и закружилась, и заскрипела дурным голосом. Перепачканное в земле белое платьице завертелось юлой, капроновые банты зарябили на фоне асфальта, у Максима Савельича аж голова пошла кругом и сердце застучало со страху: расшибётся девчонка. Он пытался схватить Дашку, но та вертелась так шустро, что не разглядеть было, за что хватать. И когда Максим Савельич весь взмок и готовился вот-вот рухнуть на асфальт без сознания, внучка резко остановилась — как выключили.

— Такая? — азартно спросила девчонка, покачиваясь, будто её громадные банты соревновались — какой перевесит.

— Такая, — выдохнул Максим Савельич, сиюсь вынуть из кармана носовой платок. — Уф! Такая, Дашка, такая, — бормотал он, утирая лоб и стараясь дышать ровно. — Такая: ржавая и грязная, скрипучая и бестолковая... Юла...

— Ну, всё, пойдём, деда! Пойдём! Чего ты встал-то?

3. СЛЕД БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Из знакомых мне трав приятнее всего собирать подорожник. За чабрецом трудно карабкаться по каменистым скатам, чистотел всегда перепачкает руки липким соком, земляничный лист стерегут комары, пустырник колется, крапива жжётся. А собирать подорожник — приятно и просто.

Тянешь за мягкий плотный лист, и тот срывается на черенке — нехотя, с лёгким присвистом, не сразу соглашаясь, а удерживаясь сначала на эластичных, как резиновая нить, жилках. Жилки вытягиваются, а когда наконец рвутся — свисают с черенка игривыми локонами.

Живёт растение вдоль дорог — на то и названо подорожником — по обочинам, вблизи них или меж колесных траншей, если дорога одичавшая. И на лесных полянах подорожника полно. Но самые крупные, ровные и сочные его листья собирают в долинах рек, в траве, где неприхотливое растение вдоволь найдёт света и влаги.

В распадке ближних сопок, где течёт грязнущая наша речка, мы и рвали листья подорожника для старухи. Та лечила им свой ревматизм — делала примочки из отвара листьев. Когда мы спросили старуху, сколько нужно ей подорожника, чтоб хватило до другого лета, она сказала: «Много». Мол, столько нам не натаскать. «Сколько уж наберёте. И на том спасибо скажу».

Старуху мы жалели, и решили каждый день ходить в распадок за сочными зелёными листьями. И ходили, чуть не всё лето: брали с собой старухины холщовые сумки, свой рюкзак с бутербродами и термосом и большую бутылку

воды, потому что дни стояли жаркие, термос у нас маленький, а из грязнущей нашей речки давно никто не пьёт.

До леса от нас близко: улица, проулок — и пошли первые сосны. До долины дальше, около часу спорой ходьбы. Но прогулка того стоила: дорога вела красивым сосновым бором; луга у реки лежали богатые и душистые, а один листок подорожника с долины стоил трёх — неказистых, мелких и сухоньких — с обочины.

И как здорово было чаевать на цветущем лугу после выполненной работы! Над пахучим клевером хозяйничали пчёлы, редкие карлицы берёзки шебаршали листвою, а трудяга ветерок всё встряхивал цветастое покрывало разнотравья. Когда неспешно садилось солнце, травы на лугу будто размазывались — превращались в висящее над землёй пёстрое месиво, становились наброском, намёком, домыслом.

В жаркие дни с нашим чаем мы тянули до пути обратно, на пикник расплагались в лесу под важными соснами. И это было особенным счастьем — лежать голова к голове, ни о чём не думая и подглядывая за мятушимися вверху высокими облаками сквозь щёлки в сосновых кронах. Щёлки были бело-голубыми, лапищи сосен — фиолетовыми, а хвойная подстилка под нами казалась и колючей, и мягкой разом.

Шло лето, цветы раскрашивали долину то синими, то белыми, то сиреневыми, то жёлтыми пятнами; и лес менялся, и дорога, которой мы ходили в одно время почти каждый погожий день, пока всё не полиняло, наконец, — не стало рыжим, сухим и жухлым. А улица с проулком оставались всё лето тусклыми — пыльными, суматошными, кишачными людьми и машинами.

По бесцветной нашей улице много магазинов, и почти у каждого сделан карман — место для парковки. Какие карманы больше, какие меньше, а самый маленький — у пивнушки, где галдит и распивает пиво местный молодняк. Каждый раз мы старались быстрее миновать людный пятачок, может, поэтому не сразу заметили девчонок, на исходе рабочих часов «голосующих» на нашей улице.

Стоят девчонки не в толпе, а в сторонке, у дорожного бордюра, где стоят обычно люди, ловящие такси. И позы, и одежда, и повадки девчонок — всё при первом на них взгляде сообщает о роде их деятельности. Мы долго не замечали их. И молодые парни у пивнушки их вроде не замечали, и вообще никто из местных вниманием их не баловал: клиентами девчонок были проезжающие мимо водители.

За пивным карманом мы переходили дорогу и сворачивали в проулок. Однажды одна из придорожных девчонок спросила у нас прикурить, вот тогда мы их и заметили.

— Закурить не найдётся? — голос был хрипловатым, ржавым, как стареющий наш лес. И сама она была на него похожа, рыжая. Неудивительно, что не сразу мы приметили её на нашем маршруте: Рыжая всегда стояла лицом к

движению машин, а мы пересекали улицу за её спиной и не могли видеть выдающегося её достоинства.

У Рыжей была потрясающая грудь: пышная, белая, высокая, королевского размера. Принадлежи такая роскошь особе статной, величавой, с царственными осанкой и взором — её следовало бы назвать восхитительной. Но бесподобная эта грудь досталась жалкой замухрышке, одетой неряшливо, плохо, замарашке с волосёнками тусклыми и реденькими, с плоским задом, короткими ножками и ничего не выражающим лицом.

Пару раз мы видели, как Рыжая подсаживалась в тормознувшую у пивнушки машину, и скоро мы догадались, что от кармана пивной водители доезжают до кустистой каёмки леса, которым ходили мы за старухиным подорожником. Прокатившиеся в машинах девчонки иногда доставляются водителями обратно к пивному ларьку, а иногда плетутся назад сами.

Раз-другой встречали мы шагающую так Рыжую. Но чаще мы видели её скучно стоящей на белёном бордюре. Обходить вниманием Рыжую мы теперь не могли. Торчала Рыжая у пивной долгими часами при любой погоде, и всегда её грудь топорщилась из рубахи или блузки так неестественно мощно, что напоминала увечьё и вынуждала потупить взгляд.

На лугу, где много сочного подорожника, никого за целое лето мы не встретили. Только в августе, когда пёстрое покрывало луга вылиняло, поздоровался с нами человек без возраста: слишком бодрый и подтянутый для старика и очень уж маленький, сухонький, морщинистый, чтоб сказать про него «мужчина». Одет он был по-спортивному, а на голове — круглая соломенная шляпа.

Поздоровавшись, он подошёл, нагнулся над наполненными подорожником нашими холщовыми сумками и сказал без выражения:

— След белого человека.

Он выпрямился и улыбнулся той далёкой улыбкой, какая бывает у людей при воспоминании о чём-то в прошлом.

— Вы биолог? — спросил кто-то из нас.

— Геолог, — ответил старик и поправился: — Был. Геолог. Подорожник мы частенько употребляли в экспедициях: от простуды, от кашля, иногда добавляли в чай. Был у нас один... ведьмак, — и он тихо рассмеялся, и смех его тоже был отдалённым — из прошлого. — Говорил, что индейцы называли подорожник следом белого человека. Вроде потому, что занесли растение на их землю белые люди — на подошвах грязных своих башмаков. Видели семена? Да, те самые собачки-колючки, что не содрать бывает со штанины.

Старик рассеянно смотрел в свою даль, но, точно вспомнив о нас, очнулся.

— А обычно мы чай варили из кипрея. Знаете? Иван-чаем ещё зовётся.

Мы закивали:

— Знаем. Красивый. Но пить не пробовали.

— Так попробуйте! — радостно предложил старик. — Кружки есть?

Он расторопно снял свой вполне современного вида рюкзачок, из пасти которого немедленно высунулась мятая, с исписанными страницами тетрадь, вынул термос и стал разливать по нашим кружкам золотистого цвета кипрейный чай.

Иван-чай пах цветущими лугами и почему-то весной. Мы поблагодарили старика, и он пошёл по своим делам дальше — бодро пошагал, покрепче натянув на уши соломенную шляпу и оправив на плечах рюкзачные лямки. Мы набрали полные сумки подорожника, утрамбовали листы и пошли домой. А весенний привкус кипрейного чая всю дорогу оставался с нами, звуча не в лад пожелтевшей дороге и сбивая с толку.

Мы обсуждали подорожник, знакомых нам травников, встреченного мужика без возраста и его кипрейный чай, говорили, что мало понимаем в травах и народном целительстве. Мы решили и себе заготовить подорожника — посушить и держать на случай простуды. Выходя из леса, мы увидели Рыжую. Та сидела на поваленном дереве и, глядя в маленькое зеркальце, замазывала что-то на своём лице: может, синяк, может, ссадину или морщинки.

Выглядела сидевшая на бревне замарашка жалко: поза её была нелепой и неловкой, волосы сливались с жухлой травой, тощие ножки вблизи оказались сплошь мелко исцарапанными и грязными. Одна из ссадин на ноге была, видно, свежей: справившись с лицом, Рыжая стала прикладывать к кровившей ранке подорожник.

Рыжая поднялась с бревна, когда мы почти поравнялись с ней — встала, сунула в карман зеркальце и направилась к городу, вяло ступая скособоченными туфлями в метре перед нами. Она шла, понуро опустив голову, и, казалось, едва переставляла короткие свои ножки. Царская её грудь будто сдулась: Рыжая спрятала её под шерстяной кофтой, застёгнутой на все пуговицы, несмотря на тёплый день.

Смотреть на девчонку было больно, мы подумали: может, угостить её мороженым или купить для неё в ближнем ларьке кофе. Рыжая перешла дорогу раньше нас, а пока мы пережидали красный, затерялась на людной улице. Когда мы достигли пивнушки, Рыжая стояла на своём посту: топталась у дорожного бордюра, улыбаясь машинным стёклам. Грандиозная грудь Рыжей воинственно торчала из распахнутой кофты, белея на пути водителей ясным дорожным знаком.

За лето мы набрали несметное количество «следов белого человека», но старухино «хватит» не дождалось. Собирать подорожник мы перестали, потому что зарядили дожди. Своё лекарство старуха сушила на балконе, выкладывая листочки на развёрнутые газеты, а газеты выстраивая «этаж на этаж». Высушенные листы становились невзрачными: тёмными, мелкими, ломкими. Старуха крошила их ладонями и сыпала в наволочку.

Набрать подорожника для себя мы так и не успели, да и попустились мы с этим, решили: понадобится — купим в аптеке. Зато мы посмотрели в Интере-

те правильное название растения: *Plantago*, класс *Plantaginaceae*. О следах белого человека и индейцах в статье не сообщалось. «*Planta*» — «стопа», «*agere*» — «водить». Латынь. Древние корни.

4. ТОТ ПРИГОРОК БЫЛ

К вечеру наши рыбаки не вернулись, и нам с Машей пришлось ночевать в доме её тётки. Мне постелили в тепляке, а Маша, проспавшая утро до обеда, лечь не хотела. Тётка Маня усадила её рядом с собой за большой дощатый стол во дворе. Тётка пела и чистила набранные днём грибы, которые мы брать не хотели и все оставляли ей. Пела Машина тётка красиво, как поют люди, от природы это умеющие, — привычно и просто. В моё окошко бились ночные мотыльки, под потолком скрежетал короед, то и дело снаружи доносились лёгкий звон или бульканье — это тётка задевала ножом алюминиевый таз или бросала в воду вычищенный маслёнок. Звуки были необычными, странными, даже голоса Маши и её тётки казались ненастоящими, будто из сна.

— Тот пригорок был светлый — Солнечный...

Огибал его кольцом лес Задумчивый...

Синей лентой овивала речка Тихая...

— А дальше, тётъ Мань?

— Не помню я дальше, Маш, дальше бабушка знала. Давай другую спую?

— Нет! Да ты попробуй: вдруг вспомнится? А потом — другую.

— Тот пригорок был светлый — Солнечный. Огибал его кольцом лес Задумчивый. Синей лентой овивала речка Тихая... И стояли на пригорке два домика. Оба ладными были домики: с огородами, за штaketником, за калитками без замков... Ой, вру я, Маш: не так там было, говорю ж тебе — не помню.

— Ну, тётъ Мань, и так пусть, дальше что?

— А и жили на пригорке подруженьки. Обе умницы да красавицы... Не, Маш, не то всё.

— Ну, тётъ Мань!

— Обе умницы да красавицы... Нет, не так там было... Вот так: «И не выбрать, краше какая»... Ой, и про домики тоже так: «И не выбрать, краше какой»... Нет, Машка, не вспомнить мне без бабушки. Забыла я, отстань! Привязалась тоже.

— Интересно мне: что с ними было на пригорке том. «Тот пригорок был светлый — Солнечный. Огибал его кольцом лес Задумчивый, синей лентой овивала речка Тихая»... Красиво там у них было... Тётъ Мань, а ты просто так расскажи, что было, — без песни.

— Выдумала! Нашла рассказчицу! Я рассказывать не умею. Да ничего там у них и не было, ерунда одна была. А ты бы спать шла, Машка!

— Ну, тётъ! Ты про пригорок споешь, я и пойду.

— Жили, значит, те подруженьки. Жили да не тужили. Дружно жили. «И друг в дружке души не чаяли»...

Песня-то длинная. Сначала — как они жили да дружили. Потом — как уехала одна в Большой город, вторая осталась на пригорке Солнечном. А, постой! Имена у них были. Хорошая да Пригожая подружек звали, вспомнила...

Так вот. Хорошая уехала в Большой город, Пригожая осталась на пригорке Солнечном. «Расставаясь, подружки плакали, и кручинилась речка Тихая, и печален стал лес Задумчивый»...

В общем, стали они друг без дружки жить. Трудно было, но терпели. Стали весточки посылать добрые: из Большого города — на пригорок Солнечный, а с пригорка — в город. И гостинцы друг дружке слали: Пригожая — ягоды да орехи из леса Задумчивого, Хорошая — книжки умные и подарки диковинные на Солнечный пригорок. Еще крепче подруги сердцами склеились, а уж как они встречи ждали — не высказать.

Тот пригорок был светлый — Солнечный...

Огибал его кольцом лес Задумчивый...

Синей лентой овивала речка Тихая...

Время пришло — встретились подруги. Возвратилась из Большого города Хорошая. Перед лесом ещё Задумчивым, перед речкой Тихой у пригорка встречала Пригожая подругу милую. То-то радости было обеим! Оглядели друг дружку, друг дружке понравились. Одна ума набралась за время, другая силой окрепла. Обе повидали всего, расцвели обе, «и не выбрать — краше какая».

Ну, понятно, радости было — полным полно. Хорошая в городе Большом разным наукам выучилась, навезла книжек, вещиц накупила модных. А Пригожая в ту пору в огородных делах стала сильна, урожая её десятерым бы хватило, а двоим девочкам много ль надо? Короче сказать, лучше прежнего зажили они на том пригорке Солнечном.

А дальше? Дальше не помню почему, но... Нет, помню. Сначала так, значит, было: Хорошая книжки читала, подруге всё про всё рассказывала. Ну, что вычитает, значит, то и расскажет. Стихи стала слагать, песни. На своём участке она цветов да кустов насадила, красиво там сделалось, как в сказке. Любовались обе.

Пригожая кормила обеих. Вечерами Пригожая у Хорошей в цветущем саду отсиживалась, слушала, чем та удивит, чем порадует. Обе довольны были. Всё у них так и шло ладом, как по маслицу всё катилось — гладко. До поры до времени.

Тот пригорок был светлый — Солнечный...

Огибал его кольцом лес Задумчивый...

Синей лентой овивала речка Тихая...

А началось с малого. Посадила Хорошая дерево Прекрасное. Поначалу саженьца и не заметить было. Потом принялось деревце. А потом выросло.

Выросло, зацвело Прекрасное дерево пышней всего, что на пригорке было. Подруги нарадоваться ему не могли: «Потянулось, окрепло дерево — молодое, высокое, сильное»... Полюбили дерево Прекрасное обе подружки. Частенько

стали они под ним сидеть, аромат его дурманный вдыхать прирастились, книжки в тени Прекрасного дерева стали читать, вечером — в качели на ветке его болтаться. Будто младшей сестрой им то дерево сделалось, понимаешь? Или братцем названным стало.

— И всё, что ли, тётъ Мань?

— Нет, куда там! Это начало только. Кто бы такое запомнил, кроме бабушки нашей?

Тот пригорок был светлый — Солнечный...

Огибал его кольцом лес Задумчивый...

Синей лентой овивала речка Тихая...

Долго, коротко ли жили они в радости, а беда пришла, конечно, откуда не ждали. Стали у Пригожей овощи в огороде чахнуть, осаждали огород её вредители злобные, осаждали так, что спасу от них не стало. Урожай вредители попортили — весь, на корню. Все средства девчата перебрали — ничего не помогло.

Дурному делу окрепнуть — долго ли? Землица голая в огороде Пригожей хозяйюшки осталась. Плохо стали жить подружки: голод пришёл, нищета с ним. Девчата бились сначала с теми вредителями, воевать брались, а потом бросили, опустили руки. Одна осталась у подружек радость: сесть под милое дерево да бывшее счастье вспомнить. Только в дереве Прекрасном утешение искали девчата.

Тот пригорок был светлый — Солнечный...

Огибал его кольцом лес Задумчивый...

Синей лентой овивала речка Тихая...

Шла однажды мимо домиков старуха Знающая. Спросила старуха, о чём печалются девушки. Рассказали ей подруги о своей беде, а старуха клюкой в дерево Прекрасное тычет. Дерево, мол, срубить надо. От дерева, мол, вся беда у вас. На запах цветов дурманный, на корни сочные и ползёт вражье племя. Срубите дерево — всё как прежде станет.

Не поверили они сначала: мало ли чего старуха набрешет. Но голод не тётка, как люди говорят. Пошла Хорошая, взяла топор, замахнулась на дерево, да дрогнула её рука: не смогла ударить. Повздыхала, поплакала, в домик возвратилась. Как было всё, так и осталось — худо. «Шли минуты, недели, месяцы»...

Прошло время, значит. Приходит Хорошая к Пригожей. «Руби, — говорит, — ты дерево». Говорит она так, а сама глаза отводит, жаль ей сестрицы любимой, названного братца, радости душевной. «Нет, — Пригожая Хорошей отвечает. — Не поднять мне того топора, что сердце милой подруги ранит». Заплакали обе, разошлись по домикам. Ещё время прошло: «Шли минуты, недели, месяцы»...

Жизнь своё брала. У обеих подруг уж пусто стало и в огородах, и в домиках на пригорке Солнечном. Силы покинули подружек, да и были бы у них силы — куда те силы прикладывать? Тихо ждали подруги невесть чего. Каждая — в

своём домике одна осталась, каждая — при своём горе, невесть откуда взятом. Так и тянулось много дней ещё.

Тот пригорок был светлый — Солнечный...

Огибал его кольцом лес Задумчивый...

Синей лентой овивала речка Тихая...

Так и шло, значит... Опустел пригорок Солнечный у Тихой речки. Лес Задумчивый молча грустил, на пригорок глядя. Ответшали домики — и один, и другой. Огороды травой поросли: выше низеньких заборов поднялся бурьян. Ни Пригожей, ни Хорошей там давно уж нет: то ли поразъехались они куда, то ли вовсе сгнули — теперь про это не знает никто. А Прекрасное дерево на пригорке осталось: «высокое, красивое, сильное»...

О том, как жили на пригорке девушки, помнит одна лишь старуха Знающая. Как пойдёт она вдоль речки Тихой, как пойдёт она лесом Задумчивым, как увидит пригорок Солнечный — так и вспомнит: «Как стояли на пригорке два домика, и как жили там подружки милые, дружно жили, друг в дружке души не чаяли»...

Такой вот конец у песни. Опустел пригорок Солнечный: ни домов, ни людей. «И растёт там Прекрасное дерево — высокое, красивое, сильное»...

— Ты чего это, Маш, никак плачешь?

— Я просто так глаза тру.

— Брось, то ж — песня. Мало ль чего люди придумают. И глаза не три. Спать тебе надо, пойдём ложиться.

— А что, тётъ Мань, разве бывает такое, чтоб от хорошего добрым людям плохое шло? — спросила Маша.

— А кто ж его знает, Маш? Ну, пойдём, пойдём...

Утром мы сидели в машине, что везла нас в город долгой грунтовкой. Сопки прятались за сизым туманом, который висел так густо, что казалось: солнцу сквозь него не пробраться. Машину трясло. При такой езде ни поговорить было нельзя, ни музыку послушать. Мне всё вспоминалось Машкино: «Разве бывает так, чтоб от хорошего добрым людям плохое шло?» Всё думалось мне: «Сказка — не сказка, глупость — не глупость, сон — не сон?» И вопрос-то такой задать некому, не у Машки же спрашивать.

А песня не отвязывалась:

Тот пригорок был светлый — Солнечный,

Огибал его кольцом лес Задумчивый,

Синей лентой овивала речка Тихая...

Лидия БЕЛОВА

ЛЕРМОНТОВ И ЕКАТЕРИНА СУШКОВА: «ПЕРЕКРЁСТНЫЕ» СВИДЕТЕЛЬСТВА

Будучи автором книги «Александра и Михаил. *Последняя любовь Лермонтова*» (первое издание — 2005 г.), я в 2016 году вернулась к теме любовных романов поэта — теме несомненно интересной для всех читателей. В Интернете есть сайт «Женщины Лермонтова», но там просто даётся перечень нескольких знакомых ему дам и барышень со справками о них, притом не всегда бесспорными, а у меня в центре повествования сам Лермонтов, развитие событий в его жизни, загадки-разгадки, нередко и с опровержением устоявшихся мнений.

Я написала это в мае 2016 года, а когда в августе поинтересовалась, как обстоят дела с сайтом о любимых женщинах Лермонтова сейчас, то обнаружила уже несколько сайтов, в том числе даже с пересказом моей гипотезы о любви Лермонтова и Александры Смирновой-Россет. Стало яснее ясного: тема любимых женщин Лермонтова очень интересует читателей, — иначе не пополнялся бы столь стремительно состав сайтов. Обстоятельно останавливаюсь на этой теме и я.

Со времени переезда в Петербург (август 1832 г.) Лермонтов открывал душу только самым близким друзьям. Но из всех верных и «долгих» друзей только один — Аким Шан-Гирей — оставил свои воспоминания. Поэтому, рассказывая об увлечениях поэта, будем привлекать все доступные нам свидетельства, перепроверя их «перекрёстно».

И начнём со свидетельств героини раннего увлечения Лермонтова (*якобы* увлечения) — Екатерины Александровны Сушковой (1812 — 1868; по мужу она *Хвостова*; вышла замуж за дипломата А.В. Хвостова в 1838 г.).

В 1844 году Екатерина Александровна опубликовала в журнале «Библиотека для чтения» пять стихотворений Лермонтова под руб-

рикой «Из альбома Е.А. Хвостовой». В 1857 году журнал «Русский вестник» напечатал ее «Воспоминания», причём без указания автора (видимо, на первых порах она боялась опровержений). А в 1869 году, то есть уже после кончины Екатерины Александровны, ее дочери опубликовали в журнале «Вестник Европы» более обширный текст ее «воспоминаний», уже под названием: «Записки Е.А. Хвостовой». Этот более обширный вариант затем дважды переиздавался в составе сборника материалов для биографии Лермонтова — в 1870-м и 1872 годах; сборник пользовался огромной популярностью.

Вот так «литературное сочинение» о Лермонтове попало в разряд документальных произведений. Скажу уже здесь: составители самого авторитетного, тщательно подготовленного сборника «М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников» (Пензенское книжное изд-во, 1960) не включили в этот сборник ни единого фрагмента из сочинений Сушковой.

Первый период ее общения с Лермонтовым относится к весне и лету 1830 года. Барышня гостила тогда в Москве и в подмосковном имении Большаково у своих родственников, приехав из Петербурга. В Середникове, у Столыпиных и Верещагиных, она бывала по воскресеньям. Столыпины, владельцы этой усадьбы, состояли в родстве с Верещагиными (матери этих семейств — родные сёстры, урождённые Анненковы). Оба семейства жили в Москве (одно время по соседству) и проводили лето в своих подмосковных имениях. Но Верещагины (Александра и ее мать) больше времени находились в роскошном Середникове, чем в своей скромной Листовке. Лермонтов с бабушкой провели в Середникове четыре лета (начиная с 1829 года; в 1832 году — не всё лето).

Вновь встретилась Екатерина Сушкова с Лермонтовым уже в Северной столице, в начале декабря 1834 года, когда Михаил Юрьевич, окончив юнкерскую школу и получив первый офицерский чин (в кавалерии это *корнет*), стал выезжать в свет.

В своих «Воспоминаниях» Сушкова уверяет, что Мишель влюбился в нее сразу после первого знакомства и все лирические стихи, написанные летом 1830 года, посвящены ей. В действительности Екатерина попросту выпрашивала у юного поэта стихи для своего альбома (подобный трюк она повторила позднее, в 1860-х годах, с Алексеем Апухтиным). Даже родная сестра Сушковой Елизавета уличала ее в вымыслах по поводу ухаживаний за нею Мишеля. Елизавета Александровна Сушкова (1815 — 1883; в замужестве Ладыженская) написала свои «Замечания на «Воспоминания» Е.А. Хвостовой» (опубликованы в журнале «Русский вестник» в 1872 г.).

О том, что Мишель «нисколько не был влюблён» в Сушкову, вопреки ее позднейшим уверениям, говорили и обитатели Середникова — свидетели их отношений. В частности, вспоминали о том, что юный поэт вовсе не дарил ей стихотворение «Нищий» и содержание его не имеет к ней никакого отношения. Цитирует эти воспоминания Светлана Бойко в книге «Лермонтов. Московские страницы жизни и творчества» (М., «Планета», 2014).

Добавлю, что более обширный вариант воспоминаний Сушковой к тому же нельзя считать достоверным: он вполне мог быть частично переписан и дописан дочерьми. Подобный пример хорошо известен в истории литературы: воспоминания А.О. Смирновой-Россет переписаны ее дочерью по своему вкусу, а опубликованы были как якобы подлинные воспоминания матери.

Само по себе утверждение о влюблённости мальчика в «девицу на выдаче» не вызывает сомнения. Мишелю весной — летом 1830 года 15 лет: родился 2/14 октября 1814 года (литераторы, якобы во всём верящие Сушковой, лукавят, указывая возраст Лермонтова в период их общения: 16 лет). А Екатерине в это время — 18 (родилась 6/18 марта 1812 г.). С чего бы это мальчику увлекаться столь взрослой барышней? Это лет в 20 не имело бы особого значения, что твоей избраннице уже 23, но никак не в 15, когда барышне уже 18.

И еще более весомый аргумент: в 1830 году у Мишеля — счастливые, гармоничные отношения с Наташей Ивановой (почти ровесницей, примерно на год старше). Размолвка с нею произошла лишь в июне следующего, 1831 года и заставила юного поэта написать множество стихов с упреками любимой. Причём стихи, посвящённые Ивановой, нередко сопровождаются ее инициалами и даже шире: «Н.Ф. И...вой», в отличие от стихов, якобы посвящённых Сушковой. А в драме 1831 года «Странный человек» Наталья выведена даже со своим именем и отчеством: *Наталья Фёдоровна*, только фамилия вымышленная — *Загорскина*.

Добавим еще и то, что весна — лето 1830 года были тяжёлым периодом в жизни подростка. В конце марта Университетский благородный пансион преобразован в гимназию (с разрешением розог), и в апреле Мишель подаёт прошение об отчислении. Начинается подготовка к поступлению в университет. Кроме того, в это же время он узнаёт о некоторых неприглядных, с его точки зрения, условиях договорённости между отцом и бабушкой по поводу «прав» на него и пишет драму «Люди и страсти» — о запутанных, оскорбительных для юного героя семейных отношениях (не документальную драму, конечно, но близкую к реальности во многих психологических коллизиях). И, наконец, постоянная забота подростка — совершенствование в трёх европейских языках — французском, немецком, английском. Недаром на одиноких прогулках в Середникове он всегда с томом Байрона, а пьесе того времени «Люди и страсти» даёт название по-немецки. Где тут место для переживаний по поводу «холодности» 18-летней девицы?

Из стихотворных посланий лета 1830 года только одно имеет посвящение: «СУ», т. е. «Сушковой», — «Вблизи тебя до этих пор...», да и то написано оно от имени М. Корда, гувернёра маленького Аркадия Столыпина. Сушкова уверяла, что юный поэт сам преподнёс ей это стихотворение, и отнюдь не от Корда, а от себя. Но сохранился автограф Лермонтова — подпись под стихотворением: «Шутка — предположенная от М. Корд». Так заслуживает ли доверия мемуаристка, если первое же ее «свидетельство», поддающееся проверке, оказа-

лось вымыслом? Причём даже и в этом послании есть такие слова: «Я не люблю, зачем скрывать...»

Из остальных стихотворений, выдаваемых Сушковой за преподнесённые ей, можно назвать лишь одно: «Благодарю». Но речь в нём не о влюблённости, а о желании услышать вместо «язвительной, жестокой укоризны» слова благодарности. Понять юного автора можно, прочитав в «Записках» Сушковой: «Сашенька [Верещагина] и я, точно, мы обращались с Лермонтовым как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности». Вот отсюда и возникло «Благодарю» — за редкое для Сушковой проявление нормального отношения, без язвительной насмешки.

Инициатором насмешек над самолюбивым подростком, конечно же, была Сушкова, и об одной из издевательских шуток она сама вспоминала в «Записках». Взрослые барышни смеялись над тем, что Мишель ест, не разбирая, баранина это, говядина или свинина и т. д., а он уверял, что прекрасно разбирается. И вот они устроили ему проверку — заказали для него пирожки с песком и наблюдали, скоро ли он поймёт это, когда все, голодные после долгой прогулки верхом, приступили к еде. О подобных обидах «ребёнка» и вспоминал Лермонтов в письме к Александре Верещагиной в 1835 году, объясняя свое «коварное» поведение с Сушковой зимой 1834 — 1835 годов.

Еще одно стихотворение, по уверениям Сушковой, преподнесённое ей, — «Зови надежду сновиденьем...». Она опубликовала его в 1844 году в журнале «Библиотека для чтения» как якобы написанное в 1830 году. Между тем черновой набросок этого восьмистишия находится в тетради Лермонтова в составе стихов осени 1831 года. Этот период: конец 1831 года — начало 1832-го — время душевного сближения с Варварой. Сушкова могла переписать стихотворение, взяв его у Вари, когда побывала в Москве уже в отсутствие там Лермонтова, летом 1833 года (тогда начался ее роман с Алексеем Лопухиным). И, судя по воспоминаниям самой же Сушковой, к ней это стихотворение никак не может быть отнесено. Цитирую:

Зови надежду сновиденьем,
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

Простите, но *ангел* не стал бы устраивать шутовское развлечение праздных девиц с пирожками, начинёнными песком!

В «романтической драме» (таков авторский подзаголовок) «Странный человек» у главной героини, Натальи Фёдоровны, есть лицемерная, хитрая подруга — княжна Софья. За прототип этой героини легко принять именно Сушкову, судя по характеристике, которую давали ей Александра Верещагина и сам Лермонтов в письмах к Александре и к Марии Лопухиной — как бездушшой, корыстной и навязчивой девице. Вот начало знакомства читателя с княжной Софьей — говорит главный герой пьесы, Владимир Арбенин (прототип его — сам юный Лермонтов):

«...В первый раз, как я ее увидел, то почувствовал какую-то антипатию; я дурно об ней подумал, не слыхав еще ни одного слова от нее. А ты знаешь, что я верю предчувствиям». И предчувствие героя оправдывается.

Интересно, что еще один отрицательный персонаж в драме «Странный человек» — Белинский. Это отнюдь не случайно придуманная фамилия: Лермонтов и Белинский в течение двух учебных годов одновременно обучались в Московском университете, из них в течение примерно восьми месяцев — оба на словесном отделении (только на разных курсах). То есть если они и не были знакомы, то фамилию *Белинский* Лермонтов наверняка слышал, вот и взял ее для своей пьесы. И удивительно предугадал в реальном «однофамильце» завистливого, коварного друга. (Об этом — моя статья «Лермонтов и Белинский: пристальный взгляд из нашего времени», опубликованная журналом «Сура», 2016, № 3, май — июнь.) Прошу прощения у читателей: говоря о письме Белинского к Боткину, я случайно «оговорилась»: «из Москвы в Петербург», — на самом деле, конечно же, из Петербурга в Москву. — **Л. Б.**)

Наиболее ценны для читателя, которого интересует правда о личности Лермонтова, высказывания героев «Странного человека» о Владимире Арбенине. Вот его словесный портрет:

«Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его тёмных глазах! какой голос!...»

О прекрасных глазах и красивом, глубоком баритоне поэта писали многие современники, однако Сушкова запомнила «неуклюжего косолапого мальчика» с «красными глазами». Аким Шан-Гирей, прочитав ее воспоминания, отозвался об этом так: «...Мишель не был косолап, и глаза его были вовсе не красные, а скорее *прекрасные*». (Все цитаты из воспоминаний современников привожу по сборнику Пензенского издательства 1960 г.)

Кстати, иногда это бывает: после долгого напряжения при ночном чтении белки глаз краснеют, — но чтобы говорить об этом через много лет как о характерной черте Лермонтова!..

Ответил Сушковой и преподаватель Университетского благородного пансиона Алексей Зиновьев: «В наружности Лермонтова также не было ничего карикатурного... Он и прекрасно рисовал, любил фехтованье, верховую езду, танцы, и ничего в нём не было неуклюжего...».

Остановимся на постоянной теме недоброжелателей Лермонтова — о его якобы кривых ногах (мне напомнила об этом выдумка Сушковой о «косолапом» мальчике). Приведу отрывок из воспоминаний соученика Мишеля по юнкерской школе Александра Меринского:

«Раз, после езды в манеже, будучи еще, по школьному выражению, *новичком*, подстрекаемый старыми юнкерами, он, чтоб показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную, которая начала беситься и вертеться около других лошадей, находившихся в манеже. Одна из них ударила Лермонтова в ногу и расшибла ее ему до кости. Его без чувств вынесли из манежа. Он проболел более двух месяцев...»

Вспоминал об этом и Аким Шан-Гирей: «...правую ногу, ниже колена, он переломил в школе в манеже, и ее дурно срастили».

Получил он травму 26 ноября 1832 года, через 12 дней после зачисления в юнкерскую школу, а вновь приступить к занятиям смог только в середине апреля 1833 года: лазарет, операция, гипс, постельный режим дома... Таков исток легенды о его якобы кривых ногах.

В наше время ко всему перечисленному выше стали добавлять еще и вымысел о хромоте. Если о «кривых ногах» с удовольствием говорили некоторые его недоброжелатели-современники, то выдумка о хромоте — целиком изобретение журналистов нашего времени.

Можно только удивляться количеству надуманного негатива о Лермонтове. Ни один из знаменитых наших соотечественников не привлекал столько внимания к своей внешности, как он. Не были красавцами ни Пушкин, ни Гоголь, ни Вяземский, ни многие другие современники Михаила Юрьевича (несомненно красавцами можно назвать только двоих — Веневитинова и Столыпина-Монго). Но об их внешности если и говорят, то мельком, а выдумку об «уродстве» Лермонтова непременно смакуют. Хотя есть немало и *объективных* свидетельств (выбирайте, кому верить!), существует множество портретов, есть и акварельный автопортрет (рисовал себя, глядя в зеркало), и словесный автопортрет в «Штоссе»... Объяснению сей парадокс не поддается.

В юнкерской школе у Мишеля было прозвище *Маёшка* — от имени героя французских карикатурных листков *Maueux*. Соученик Лермонтова (поступил в школу на год позже) Александр Меринский вспоминал: «Разумеется, к Лермонтову не шло это прозвище, и он всегда от души смеялся над ним. Лермонтов был небольшого роста, плотный, широкоплечий и немного сутуловатый. Зимой в большие морозы юнкера, уходя из школы, надевали шинель в рукава, сверх мундиров и ментиков; в этой форме он, действительно, казался неуклюжим...» (добавлю: как и многие другие юнкера).

Воспоминания Меринского привлекают трезвой объективностью: он не восхищается Лермонтовым, но и не добавляет к реальности негативных красок. Вот еще несколько слов из его воспоминаний: «Лермонтов был брюнет, с бледно-желтоватым лицом, с чёрными, как уголь, глазами, взгляд которых, как

он сам выразился о Печорине, был иногда тяжёл. Невысокого роста, широкоплечий, он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нём останавливалось».

А вот фрагмент воспоминаний о встрече с Лермонтовым служившего на Кавказе офицера Андрея Чарыкова: «...когда мы взглянули друг на друга, то взгляд этот и глаза его так поразили меня и произвели такое чарующее впечатление, что я уже не отставал от него, желая непременно узнать, кто он такой».

Вспомним и отзыв сослуживца Лермонтова по экспедициям на Северном Кавказе Константина Мамацева: «Лермонтов в 1840 г. был не более 25 лет; среднего роста, со смугловатым лицом и с большими карими глазами»; «И как он был хорош в красной шёлковой рубашке с косым расстёгнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала».

Да и невозможно представить, чтобы такой урод, каким изображают поэта иные журналисты, имел неизменный успех у женщин. Приведу несколько слов из воспоминаний декабриста Николая Лорера (дяди Смирновой-Россет): «Гвардейская молодёжь жила разгульно в Пятигорске, а Лермонтов был душою общества и делал сильное впечатление на женский пол».

Лорер не питал особой симпатии к Лермонтову, и ему незачем было выдумывать лестный отзыв о нём. Кстати, в его словах косвенно содержится опровержение выдумки И.С. Тургенева о встречах с «угрюмым» Лермонтовым в свете. Этого не могло быть хотя бы уже потому, что Михаил Юрьевич, как и каждый гвардейский офицер, получил светское воспитание, исключавшее угрюмую нелюдимость в обществе.

И.С. Тургенев на самом-то деле никогда не видел Лермонтова. Вот первые строки о встречах с поэтом из «Литературных и житейских воспоминаний» Тургенева: «Лермонтова я тоже видел всего два раза: в доме одной знатной петербургской дамы, княгини Ш-ой, и несколько дней спустя на маскараде в Благородном собрании под Новый, 1840-й год». Между тем историки и литературоведы давно доказали, что в тот год новогоднего празднества в петербургском Благородном собрании не устраивали: всё столичное дворянство было приглашено в Зимний дворец, где отмечалось его восстановление после декабрьского пожара 1837 года. Я уже давно писала об этом в статье «Об ошибках в современном лермонтоведении», не раз опубликованной в журналах и имеющейся на сайте: <http://lermontov1814.narod.ru>.

Довольно много рассказывала о фантазиях Тургенева и о его тщеславном желании бывать в «высшем свете» Авдотья Яковлевна Панаева. Приведу два абзаца из этих рассказов:

«Когда я стала стыдить Тургенева, зачем он присочинил небывалую историю [о том, как он остановил лошадей, спасая даму, которую чуть не задавила карета], то он мне на это ответил, улыбаясь: «Надо было чем-нибудь занять своих дам». С этих пор я уже не верила, если Тургенев рассказывал о себе что-нибудь. Он в молодости часто импровизировал и слишком увлеклся»;

«К Панаеву приехал с визитом один молодой человек из высшего круга и при мне сожалел, что ему не удалось исполнить просьбу Тургенева: ввести его в салон к графине М..., — потому что она не желает видеть в своем доме литераторов... Всегда как-то случайно приходилось узнавать о тургеневских хлопотах попасть в светские салоны». (Цитирую по изданию: Панаева А.Я. (Головачёва). Воспоминания. — М., «Правда», 1986, с. 98, 191.)

Видимо, суетливое тщеславие сохранялось у Тургенева вплоть до старости. Его «воспоминания» о встречах с Лермонтовым — еще одно «литературное сочинение» плюс к рассказам Сушковой о стихах, якобы преподнесённых ей Лермонтовым. Желание присоединиться к чьей-то славе нередко наблюдается и в наше время. Сколько историй о детях или других родственниках, неожиданно обнаружившихся у знаменитых певцов, актёров, слышим мы в разных телешоу!

«Воспоминания» Авдотьи Панаевой впервые были опубликованы в журнале «Исторический вестник» в 1889 году и не раз переиздавались. Тем не менее «литературное сочинение» Тургенева до сих пор включается в сборники воспоминаний современников о Лермонтове.

Сама Авдотья Яковлевна действительно встречалась с Лермонтовым и в своей книге рассказала об этом:

«Я видела Лермонтова один только раз — перед его отъездом на Кавказ [в начале мая 1840 г.] — в кабинете моего зятя А.А. Краевского, к которому он пришёл проститься. Лермонтов предложил мне передать письмо моему брату, служившему на Кавказе. У меня остался в памяти пронизательный взгляд его чёрных глаз.

Лермонтов школьничал в кабинете Краевского, переворочил у него на столе все бумаги, книги на полках. Он удивил меня своей живостью и весёлостью и нисколько не походил на литераторов, с которыми я познакомилась». (Стр. 88 указанного издания «Воспоминаний» А.Я. Панаевой.)

О том, каким весёлым, общительным был Лермонтов, рассказывали и Евдокия Ростопчина (в письме к А. Дюма), и Елизавета Верещагина (в письмах к дочери из СПб. в Штутгарт), и Софья Карамзина (в письмах к сестре из Царского Села в Москву). Приведу две фразы из письма Софьи: «Вечером у нас были Аннет Оленина... Билибин, Репнин и Лермантов; все они являли собой общество очень весёлое, очень говорливое и очень занимательное...»; «За чаем у нас были... дядюшка Вяземский, Репнин и Лермантов, чьё присутствие всегда приятно и всех одушевляет» (из письма от 1-го августа 1839 г. — 7-й том ПСС Лермонтова, 2002 г., с. 167, 168).

Вернёмся к Екатерине Сушковой. О встречах с нею в Петербурге и о разыгранном им романе рассказал сам Лермонтов в письме к Александре Верещагиной, а затем (конечно, не документально, но близко к реальности) — в незаконченном романе «Княгиня Лиговская» (1836).

В обстоятельном письме к Александре Лермонтов описывает весь ход разыгранного им романа с Сушковой и вспоминает обиды, нанесённые ему

«старой кокеткой», когда он был «ребёнком» (письмо из Петербурга в Москву без даты; как предположил И.Л. Андроников, написано оно зимой 1835 г.). Не говорит Лермонтов только о том, что разыгранный им роман был осуществлён ради исполнения просьбы самой Александры предотвратить брак Алексея Лопухина с Сушковой: сёстры Алексея считали ее вовсе не влюблённой в брата, а охотницей за богатыми женихами.

Розыгрыш «романа» с Сушковой не прошёл для Лермонтова бесследно. Об этом «романе» узнала Варенька Лопухина — узнала в начале января 1835 года, когда ее брат вернулся из Петербурга в Москву. Но если ей и стало известно, что это всего лишь розыгрыш, то уже после свадьбы с Николаем Фёдоровичем Бахметевым. Венчание состоялось 25 мая 1835 года. Думаю, только после этого родные показали ей письмо Лермонтова к Александре Верещагиной. Впрочем, могли даже и тогда не показать.

Вспомним и о более раннем письме Лермонтова, имеющем отношение к Сушковой, — Марии Лопухиной, от 23 декабря 1834 года (написано через день после приезда в Петербург Алексея Лопухина). Лермонтов пишет о счастье встречи с другом и о своем отношении к возможной женитьбе Алексея на Сушковой: «Боже упаси!.. эта женщина — летучая мышь, крылья которой цепляются за всё, что они встречаются!» Скорее всего, и этот его отзыв о Сушковой остался неизвестным Варваре (хотя всё, что Лермонтов писал Марии Лопухиной, предназначалось в первую очередь именно Варе). Что ж, в этом нет никакого романтического коварства, просто сёстры хотели Варе скорого замужества и спокойной, благополучной жизни.

Не будь розыгрыша, устроенного Мишелем ради спасения друга, Варвара могла бы дожидаться его, как обещала при расставании. Вот какую мрачную роль сыграло в их судьбе случайное знакомство Лермонтова с Сушковой в 1830 году. Это одна из множества тяжких «случайностей» в его жизни...

У кого-то может возникнуть вопрос: а почему Лермонтов сам не написал Варе о розыгрыше? Иногда лермонтоведы высказываются по этому поводу так: наверное, Мария Лопухина уничтожила всю переписку Лермонтова с Варварой. Не учитывают, что по светскому этикету тех времён молодой человек мог переписываться с любимой барышней только в том случае, если они уже помолвлены, официально считаются женихом и невестой. Исключение возможно, если барышня намного старше, а потому переписка с молодым человеком не может ее скомпрометировать. Мария Лопухина была старше Мишеля на 12 — 13 лет. Александра Верещагина не настолько старше (всего на 4 — 5 лет), зато она к тому же родственница Лермонтова.

Кстати, подобный вопрос может возникнуть и по поводу переписки Лермонтова в 1840 — 1841 годах с Софьей Карамзиной, а не с Александрой Смирновой-Россет. К тому же и «Валерик» (1840) написан в форме письма «к неизвестной», даже без каких-либо инициалов в виде посвящения любимой Александрине. И опять объяснение очень простое: Александра Осиповна, с

которой Лермонтова связывала горячая, ревнивая любовь, была замужней женщиной, и, значит, молодой человек мог писать ее мужу, но никак не ей. Вот и писал он Софье Карамзиной, незамужней даме, которая была старше него, как и Мария Лопухина, на 12 — 13 лет. Всё, что он мог себе позволить, — это косвенно послать привет «m-me Smirnoff».

В завершение очерка о Лермонтове и Сушковой скажу: «Записки» Сушковой — это возвеличение самой себя благодаря вымыслу о влюблённости в нее знаменитого поэта.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. / Примечания И.Л. Андроникова. — М., «Худож. лит-ра», 1975 — 1976.

Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. / Ответственный редактор В.А. Мануйлов. — Л., «Наука», 1979 — 1981.

Лермонтов М.Ю. Полное собр. соч. в 10 т. Том 7. Письма / Комментарии С.А. Бойко. — М., «Воскресенье», 2002.

Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / Составитель В.А. Мануйлов. — М.-Л., «Наука», 1964.

Лермонтовская энциклопедия. — М., «Советская энциклопедия», 1981.

М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Составители В.А. Мануйлов и М.И. Гиллельсон. — Пенза, Пензенское книжное изд-во, 1960

Цитаты из текстов неоднократно переиздававшегося сборника «М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников» даны в статье по этому изданию, так как оно подготовлено лучше многих новых изданий: полнее представлен ряд текстов, даны обстоятельные справки об авторах и комментарии. — **Л. Б.**

Панаева А.Я. (Головачёва). Воспоминания. — М., «Правда», 1986.

Сушкова Екатерина (Хвостова Е.А.). Записки // Yandex / Сушкова. Записки. ЛитМир [электронная библиотека].

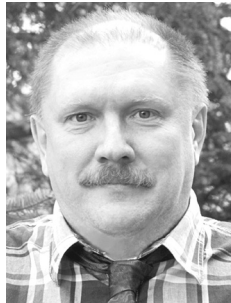
Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Серия «Литературные памятники» / Издание подготовила С.В. Житомирская. — М., «Наука», 1989.

Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М., «Современник», 1987.

Андроников И.Л. Лермонтов. — М., «Сов. писатель», 1951.

Андроников И.Л. Исследования и находки. — М., «Худож. лит-ра», 1977.

Бойко Светлана. Лермонтов. Московские страницы жизни и творчества. — М., «Планета», 2014.

Вячеслав НЕФЁДОВ

**ПЕРВЫЙ
ДИРЕКТОР
«ТАРХАН»**

**К 115-летию со дня рождения
А.И. Храмова**

*Жить — значит действовать.
А. Франс.*

Авторы путеводителей по музею Белинского, В.П. Арзамасцев и Е.А. Грачёв, отметили, что «единственный в стране музей, посвящённый критику, был открыт в мемориальном домике семьи Белинских в 1938 г.».¹ Составитель последнего по времени, изданного в 2011 г., путеводителя по музею Белинского В.Н. Добрякова также сообщает лишь об открытии музея.² И ни словом не упоминается о его основателе — Александре Ивановиче Храмове.

Последователь этого «неутомимого краеведа, страстного поклонника творчества Белинского и Лермонтова» П.Ф. Максяшев назвал музей Белинского «поистине самым лучшим и самым значительным памятником»³ первому литературному критику земли Русской. Но каким же был путь к созданию музея, «с чего начинался Белинский»⁴?

Постараюсь ответить на этот вопрос сегодня — с привлечением различных материалов о чембарском просветителе, включая ранее не опубликованные.⁵

Журнал «Дворцы и усадьбы» в номере, посвящённом музею Белинского, назвал Александра Ивановича «энергичным культпросвет-работником»,⁶ поместил его портрет и описал хлопоты по открытию музея.⁷ Авторы другой статьи⁸, рассуждая о перспективах развития музея, назвали музей «визитной карточкой» города Белинского.⁹

Литературовед К.И. Тюнькин писал, что «это преклонение перед нравственной силой и истинно человеческими качествами Белинского, перед его служением искусству как делу огромной общественной и национальной важности сохранилось на всю жизнь» не только «у большинства друзей и соратников критика»,¹⁰ но, как видно, перешло и Храмову, и нашим ныне живущим современникам.¹¹

А.И. Храмов

Александр родился «в крестьянской семье»¹² 22 августа¹³ 1901 г. Дату «нашли в метрической книге», — любезно сообщила мне Т.В. Шалыганова.¹⁴ Он был вторым ребёнком в семье, имя получил в честь Александра Невского.¹⁵ Автор словарной статьи о первом директоре домика Белинских в «Пензенской энциклопедии» кандидат культурологии Л.В. Рассказова отметила, что он «в детстве испытал влияние матери»,¹⁶ Марии Ивановны.¹⁷ В своих воспоминаниях Мария Ивановна описывала детские годы, жизнь современников, их быт, культуру, занятия, фольклор и предания старины с пугачёвских времён.¹⁸

В «Записках» матери говорится, что в детстве Саша переболел многими детскими болезнями. После удаления гланд получил осложнение на сердце, что наложило тяжёлый отпечаток на всю жизнь. Киевский врач, к которому его возили в детстве, осмотрев, сказал: «Мальчик одарён, но в жизни будет одинок».

Действительно, Храмов, на фоне его современников-чембарцев, был очень талантлив. Он стал раньше говорить, чем его братья и сёстры. Школу Храмов закончил с похвальной грамотой, а в аттестате по всем предметам стояло только «отлично». По хо-

датайству директора школы поступил в Пензенскую учительскую семинарию, а по вечерам учился в художественном училище, находил время для практики в училище садоводства. В летние каникулы Александр занимался подготовкой абитуриентов в средние учебные заведения.

Впервые в Москве Храмов оказался в 1922 г. для продолжения учёбы. Поступил в Московскую художественную академию,¹⁹ которую, однако, закончить ему не пришлось. На втором курсе забросил учёбу и вернулся в родные края, где поступил на работу в недавно открытую советскую партийную школу. После расформирования совпартшколы работал учителем рисования, директором кинотеатра «Олимп»²⁰ в Пензе, заведовал потребкооперацией. В январе 1925 г. Храмова назначили заведующим центральным рабочим клубом в Пензе. На работе он отличался исключительной энергией и горячей любовью к делу. Это располагало к нему окружающих.

В те годы советская деревня сильно нуждалась в образованных людях. В.И. Ленин писал, что «нигде народные массы не заинтересованы так настоятельной культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас».²¹ В Советском Союзе претворился в жизнь лозунг «лицом к деревне» — это было неотъемлемой частью ленинского плана «культурной революции».²² Из крупных городов на село посылались врачи, учителя, агрономы. Помимо назначений партийные организации уделяли большое внимание вербовке добровольцев. В Пензенской области одним из первых таких волонтеров и стал 24-летний Храмов.

«Я вышел из крестьян, но получил образование в городе. Мой долг велит мне передать мои знания деревне, тем, чей голос давно уже зовёт нас», — говорил Александр.²³ Губернский комитет партии направил его в родной Чембарский уезд. Здесь он возглавлял работу клубов, организовывал и открывал библиотеки, избы-читальни, был директором Народного дома²⁴ в Чембаре.

Здесь вокруг него объединился дружный и талантливый драмколлектив. Каждый спектакль, поставленный Храмовым, становился событием и праздником для жителей города. В то время Народный дом не отапливался, а ему часто приходилось суфлировать. Под сценой гулял ветер, отчего Александр Иванович часто простужался и болел. Во время очередной болезни его вызвали к первому секретарю в уездный комитет ВКП(б) с целью послать в село для организации колхоза. Он отказался, сославшись на болезнь. После этого был вынужден сдать партбилет. После чего сняли с работы и направили в Вадинск создавать избы-читальни.

С 1 по 5 декабря 1930 г. в Москве состоялся первый Всероссийский музейный съезд, который рекомендовал заняться «показом идей» вместо «показа вещей».²⁵ Фактически это означало, что вместо подлинных памятников (или их точных копий) стали выставляться графики, таблицы, макеты, муляжи, картины-иллюстрации. Это означало и то, что советские музеи должны были превратиться из научных центров в культурно-просветительские учреждения с четкой идеологической направленностью.²⁶ Но «даже в эти сложные годы деятельность энтузиастов не затухала»,²⁷ а «культурная революция» продолжалась.

За хорошую работу в Вадинске Храмова в 1933 г. направили в Москву на съезд работников культуры, которым руководила Н.К. Крупская.²⁸ В своём докладе он эмоционально рассказал о запущенных усадьбах Белинского и Лермонтова. После окончания заседания Надежда Константиновна пригласила его к себе. Между ними состоялась продолжительная беседа, по окончании которой Александру Ивановичу было предложено возглавить работу по созданию музеев в Тарханах и Чембаре. «Дома Белинского и Лермонтова, находившиеся в самом плачевном состоянии, — писала белинсковед Н.М. Анохина, — Александр Иванович Храмов принял при полном отсутствии финансирования, материалов, штата, малейшего опыта музейной работы».²⁹

А.И. Храмов (первый справа) в Пензенском краеведческом музее. 26 ноября 1951 г.

Н.К. Крупская впоследствии присылала по его просьбе в наши края книги, киноаппараты, музыкальные инструменты, радиоприёмники и другие полезные вещи для культурно-просветительской работы.

Ещё весной 1933 г. «ценные историко-литературные памятники³⁰ находились в запущенном состоянии и вызывали законную тревогу за свою дальнейшую судьбу»³¹ — это встревожило в Москве и доктора исторических наук В.Д. Бонч-Бруевича, который узнал о печальном положении дел на Пензенщине именно от Храмова. Впоследствии Владимир Дмитриевич, как создатель и первый директор московского Государственного литературного музея, всячески содействовал открытию музеев на земле Пензенской.³² Помогал чембарскому музейщику и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов.

Поэтому уже летом 1933 г. восстановительные работы велись в домах Арсеньевой и Белинских. До этого в доме Белинских располагались различные учреждения, и поэтому он находился в относительно нормальном состоянии. Хуже обстояло дело с домом Арсеньевой, который к тому времени был превращён в склад для хранения семенного зерна и «естественно, представлял жалкое зрелище».³³

Часто Александр Иванович преодолевал пешком путь от Чембара до с. Лермонтово и обратно (более 35 км). Весной 1935 г. Храмов поступил в Чембар на работу в качестве заведующего Домом социалистической культуры,³⁴ имея твёрдое намерение привести дом Белинского и усадьбу Арсеньевой в тот вид, который они имели в первой половине XIX века, и потом организовать музей Лермонтова и Белинского. Зимой 1935 г. он опять выехал за помощью и поддержкой в Москву к заместителю народного комиссара просвещения Н.К. Крупской.³⁵ В результате поездки «настойчивому Храмову», как назвала чем-

барского просителя Надежда Константиновна, было выдано от лица государства на восстановительные работы 100 тыс. рублей.

С весны 1936 г. началось практическое благоустройство домика семьи Белинских и усадьбы Арсеньевой, а Храмов был назначен хранителем домов Белинского и Лермонтова,³⁶ принимая участие в различных мероприятиях по обустройству.³⁷ К 125-летию Виссариона Григорьевича газета «Чембарский пахарь» полностью была посвящена Белинскому: в ней было помещено пять статей и стихотворение А.И. Храмова «Памяти великого земляка».³⁸

Одновременно с этим проводилась большая собирательская работа, записывались народные предания, приобретались предметы бытовой обстановки, различные документы и материалы. За это в наше время некоторые интеллигенты упрекают Храмова в его непрофессионализме, наивности и узком кругозоре при организации экспозиций, а в то время вся деятельность Александра Ивановича была однозначно прогрессивной.³⁹

Зимой 1938 г. в «Тарханы» Храмовым было завезено большое количество старинной мебели из подмосковных усадеб. Увлекаясь живописью, бывший учитель рисования в это время написал несколько картин, портретов и рисунков, которые отображали различные моменты из жизни уроженца Свеаборга Белинского и москвича по рождению Лермонтова, которых стали в Пензенском крае называть своими «земляками».

«Тогда было очень много трудностей в работе, — писал Ф.А. Забнев, который познакомился с первым директором музея в 1936 г. и затем проработал с ним 20 лет. — Отдельные вопросы приходилось решать с большой осторожностью. Литературное наследие великих писателей было изучено мало, имелись явно ошибочные дореволюционные толкования отдельных сторон их творчества».⁴⁰

«Настоящим праздником для Чембара»⁴¹ стало открытие 7 июня 1938 г. музея Белинского, «в 16 км от Тархан».⁴² В «Тарханах» Лермонтовский музей открылся в доме его бабушки Е.А. Арсеньевой летом 1939 г., затем он был преобразован в ноябре 1944 г. в музей-усадьбу и стал самостоятельным учреждением.⁴³

«Однако, — отмечает Л.В. Рассказова, — культурный уровень этих музеев был низок».⁴⁴ Всё это обуславливалось основной идеей экспозиций: рассказать о жизни писателя и в то же время поведать трудящимся о «выполнении его заветов» рабочими и крестьянами. По этой причине брались за основу различные фотографии, репродукции картин, вырезки из газет и журналов, разно-стильные вещи, предметы или рамки, прикреплённые или просто наклеенные на стены. «В музее Лермонтова при недостатке изобразительных материалов А.И. Храмов сам рисовал картины», — далее сообщает Л.В. Рассказова.⁴⁵

Литературовед П.А. Фролов назвал чембарского подвижника «неутомимым энтузиастом благородного дела», «человеком высокой культуры и неуёмной энергии».⁴⁶ Великий гражданин Страны Советов сумел «литературные мечта-

ния»⁴⁷ воплотить в жизнь и открыть музей.⁴⁸ Не всем его современникам подобная деятельность нравилась, и не многим что-то подобное удалось. К примеру, открыть музей до революции 1917 г. в Чембаре так и не сумели. Напомню, что в досоветские времена купец Антюшин держал в домике Белинских трактир.⁴⁹ Может быть, при невозможности открыть музей в то время, именно Антюшину мы должны быть благодарны за сохранение домика семьи Белинских? Другой владелец мог бы вообще разрушить его. Хотя газета «Пахарь» и писала, что «дом, где жил Белинский, представлял полуразрушенное здание».⁵⁰

Но уже через два десятилетия высокой оценкой и деятельности первого директора в том числе стали слова из главной советской партийной газеты: «Имя Белинского навеки вписано в славную историю нашей Родины. Он с нами, и он войдёт в жизнь будущих поколений».⁵¹ Другое детище Храмова — «Тарханы» — является историко-культурным памятником России», — писала В.П. Ульянова.⁵²

В июне 1948 г., в связи со столетием со дня смерти Белинского, уже в переименованный город Белинский приехала представительная писательская делегация, перед этим побывавшая в Пензе. Чествования прошли 12 июня. Среди гостей были мастера слова А.А. Фадеев, Ф.В. Гладков, П.И. Замоцкий и И.Г. Эренбург, который позже упоминал о встречах на пензенской земле в мемуарах «Люди, годы, жизнь».⁵³ Неоднократно, начиная с 1948 г., наши края посещал И.Л. Андроников, оставивший воспоминания «Великая эстафета».⁵⁴

Храмов горячо любил своё дело.⁵⁵ «Его волновало малейшее отступление от намеченного плана, — вспоминал Ф. Забнев. — Он не мог спокойно пройти мимо чуточку покосившегося экспоната. Он жил музеями, считал их своим детищем».⁵⁶

Уже в 1940 г. музей Белинского посетили 8114 человек.⁵⁷ В военном 1941 г. двух сотрудников музея призвали в ряды Красной армии. В музее осталось работать два человека — А.И. Храмов и В.А. Корнилов. Гости они принимали с 8 часов утра до 8 часов вечера, потому что через Чембар проходили воинские части и эвакуированное население — это заметно повысило посещаемость музея.

В те военные годы один из посетителей назвал музей «политотделом в миниатюре». 4 сентября 1943 г. посетители музея, полковник Ронсинский и капитан Афанасьев оставили такую запись в книге отзывов: «Внимательно отнёсся к нам директор музея А.И. Храмов, в каждом его пояснении чувствовалась любовь к критику, и невольно эта любовь передалась и нам».⁵⁸

В культурной жизни города Храмов много внимания уделял работе районной библиотеки, Народного дома и благоустройству Чембара. С ним постоянно советовались участники художественной самодеятельности. Храмов уважал и горячо любил всякого, в ком, говоря его словами, «есть искра Божия». Он принимал активное участие в народном театре при Доме культуры, всячески поддерживал тех, кто мог петь, рисовать или писать стихи. Он сам писал стихи

и публиковал их в местной печати. Вот строчки из его стихотворения «Памяти великого земляка»:

Не ты ль мечтал о лучших днях народа,
Бичуя словом гнусный произвол.
Теперь в твоём краю и радость, и свобода,
И звуки песен, и обильный стол.

Богатство жизни у тех отнятых нами,
Науки мысль, искусства звон.
Сегодня мы лицо твоё украсили цветами,
Наш дорогой неистовый Виссарион!⁵⁹

— Нет у этого человека ни выходных, ни проходных, — поговаривали некоторые чембарцы. Одни полагали, что это — результат отсутствия у него семьи, другие находили такое поведение смахивающим на... чудачество.⁶⁰

При непосредственном участии и руководстве этого «незаурядного интеллигента»⁶¹ в здании бывшего Чембарского уездного училища, переданного музею в 1942 г., была открыта вторая музейная экспозиция — «Юность «неистового Виссариона»^{62», 63}

Александр Иванович умел отыскивать в человеке хорошие стороны и по достоинству ценил их. Он был чуток и внимателен к окружающим, хорошо разбирался в людях, прислушивался к полезному совету рядовых работников и учреждений культуры, был скромнен и тактичен. Это не раз подтвердили его современники — Ф. Забнев и П. Фролов. Вот мнение художника Ф.Ф. Воробьёва:⁶⁴ «С Александром Ивановичем мы были друзьями. Он был красивый, видный. На него всегда обращали внимание. Вокруг него всегда было много людей. Он был неплохим художником. Но живопись у него была слабоватая, а композиция сильная. Мы вместе работали над картиной «Ярмарка в Чембаре», которая сейчас находится на краеведческой выставке в музее В.Г. Белинского. Как руководитель народного драматического театра, Храмов ставил достаточно сильные пьесы, к примеру, «Бориса Годунова». Драмколлектив из Белинского выступал и на сцене Пензенского драмтеатра. Были мы на высоте. Это несомненная заслуга Храмова».⁶⁵

Г.В. Мясников позднее писал о музее Белинского после реконструкции, проведённой в начале 1970-х гг.: «Сделали неплохо, смотрится более мемориально. Но много простоты».⁶⁶ Старший научный сотрудник музея А.Ф. Фролова к 50-летию со дня чембарского музейного открытия писала, что «все эти 50 лет почти каждая экскурсия начинается с упоминания имени» первого директора музея.⁶⁷

Незадолго до смерти Александр Иванович подвёл итог своему подвижническому труду: «Всё, к чему я стремился, — достиг».⁶⁸ Скончался белинский

*Сотрудники литературно-мемориальных музеев России. Казань, 1957 г.
Первый слева — А.И. Храмов*

просветитель скоропостижно в январе 1958 г. в возрасте всего лишь 56 лет. Как известно, семьи и детей у него не было. Родственников никого не осталось. Похоронен он, согласно своей воле, в Пионерском парке,⁶⁹ напротив здания уездного училища, на том месте, которое он сам указал.⁷⁰

Ольга Ларина из города Белинского впервые узнала о первом директоре во время посещения музея Белинского, часто вместе со студентами педучилища она приносила цветы на могилу Храмова.⁷¹ Мне также неоднократно доводилось посещать место последнего приюта⁷² чембарского по рождению и белинского по мировоззрению «аристократа духа».⁷³

Никто так не позаботился в 1930 — 50-е гг. о музее Белинского, как Храмов. Если же «выработанные Белинским литературные взгляды стали общественным достоянием»,⁷⁴ а имя его в Советском Союзе стало популярным, то только потому, что уже более миллиона туристов, посетивших «в Чембаре у Белинского»⁷⁵ его музей,⁷⁶ стали после этого больше интересоваться его личностью и его идеями, — об этом свидетельствуют многочисленные записи в музейных книгах отзывов.

Показательна одна запись: «В г. Белинском, в музее В.Г. Белинского, нынче нас (2 июля 90 года) принимал Евгений Александрович Грачёв. Нас было 16 человек, 9 детей. Младшему — 6 лет. Выставка „Золотой век русской литературы“. Какое удовольствие, счастье было слушать его. И дети нам (взрослым) не мешали. Все слушали. Экскурсия шла три часа. Господи, как мы были благодарны судьбе, что нам так повезло. Вот такие должны быть экскурсоводы, как Е.А. Грачёв. Культурный человек!».⁷⁷

На мой взгляд, из наших современников-земляков равных Храмову людей не так много. Прежде всего хочу выделить имена В.П. Пензина и Е.А. Грачёва. В.П. Пензин⁷⁸ основал в Москве музей народной графики, став его первым директором.

Заслуженный работник культуры России, почётный гражданин города Белинского Е.А. Грачёв, с марта 1966 г. по декабрь 2000 г. работавший в музее Белинского,⁷⁹ музеи, конечно, не основывал, но он добросовестно и дотошно изучил всё Полное собрание сочинений «отца русской интеллигенции»⁸⁰ и подготовил интересный многостраничный сборник «Афоризмы» Белинского.⁸¹ Он готовится к выходу в свет. Так что дело Храмова продолжается, и оно в надёжных руках. Хотя, как писал Е.А. Грачёв мне ещё в мае 1993 г., «для музеев сейчас трудное время».⁸²

В каждом случае «создание в России свободного общества свободных людей»⁸³ без чтения, посещения музеев, путешествий и духовного саморазвития просто невозможно.

Александровка, январь 2016 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арзамасцев В.П., Грачёв Е.А. Государственный музей-усадьба В.Г. Белинского. Саратов, 1985, стр. 5.

² Человек, которым до сих пор живёт наша литература... Пенза, 2011, стр. 32.

³ Махсяшев П.Ф. Наш Белинский. Пенза, 1961, стр. 104.

⁴ Пензенская правда, 30.01.1981.

⁵ Это касается материалов Ф.А. Забнева из фондов музея Белинского.

⁶ Дворцы и усадьбы, 2012, № 95, стр. 10.

⁷ Там же, стр. 11.

⁸ Нефёдов В.В., Шалыганова Т.В. Ребрендинг по-чембарски. // Мир музея, 2012, № 7, стр. 21 — 24.

⁹ Там же, стр. 24.

¹⁰ В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, стр. 26 (из предисловия).

¹¹ К примеру, литературовед И.Р. Монахова из Москвы присылает по сей день в музей Белинского все значимые публикации о Белинском.

¹² Забнев Ф. Александр Иванович Храмов. // Машинопись из музея Белинского. «Отец был из мещан, зимой возил купцам бакалейные товары из Астрахани, Тамбова, Кирсанова, Пензы и крестьянствовал», — уточнил В.В. Долженков, автор самой подробной словарной статьи о Храмове. // Чембарская энциклопедия. Пенза — Белинский, 2013, стр. 426.

¹³ По новому стилю это 4 сентября.

¹⁴ Из письма Т.В. Шалыгановой автору статьи 29.06.2015.

¹⁵ Чембарская энциклопедия, стр. 426.

¹⁶ Пензенская энциклопедия. М., 2001, стр. 658.

¹⁷ Чембарская энциклопедия, стр. 427.

¹⁸ О высоком уровне «Записок» М.И. Храмовой свидетельствует такой факт: её материалы пользовалась литературовед В. С. Нечаева при написании четырёхтомной монографии о В. Г. Белинском в 1949 г.

¹⁹ По другим сведениям, на Государственные свободные художественные курсы. // Пензенская энциклопедия, стр. 658.

- ²⁰ Впоследствии кинотеатр «Октябрь».
- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Афоризмы, изречения. М., 1987, стр. 455.
- ²² Ленин В.И. Полн. собр. соч., том 45, стр. 377. «С установлением советской власти музейное дело становится частью государственной политики в области культурного строительства», — сделала вывод Л.В. Рассказова. // Пензенская энциклопедия, стр. 365.
- ²³ Трудовая правда, 12.07.1925, № 157.
- ²⁴ Пензенская энциклопедия, стр. 375 — 376.
- ²⁵ Российская музейная энциклопедия. М., 2005, стр. 493 — 494.
- ²⁶ В наши дни российские музеи учат самостоятельно зарабатывать деньги, т. е. вместо идеологической установки главной стала экономическая составляющая.
- ²⁷ Пензенская энциклопедия, стр. 365.
- ²⁸ «Дорогая Надежда Константиновна...» // Крестьянка, 1984, № 2. — С. 2 — 3.
- ²⁹ Анохина Н.М. История создания музея-усадьбы В.Г. Белинского. // Вопросы литературы, 2012, сентябрь — октябрь, стр. 278.
- ³⁰ Домик семьи Белинских и усадьба Е.А. Арсеньевой.
- ³¹ Так писал к 25-летию музея Белинского его научный сотрудник Ф. Забнев, автор первого путеводителя и соавтор второго путеводителя по музею. // Сельская новь, 16.05.1963, № 32.
- ³² Сельская новь. 17.05.1988, № 60.
- ³³ Чембарская энциклопедия, стр. 426.
- ³⁴ Он располагался на втором этаже дома купца Антюшина, ныне — литературная экспозиция музея. В 1930-е гг. Народный дом был как кинотеатр, а в Доме соцкультуры проводились другие культурные мероприятия.
- ³⁵ В 1930-е гг. авторитет вдовы В.И. Ленина был велик и неоспорим. Первая встреча Александра Ивановича с Крупской стала его «звёздным часом», — отметил Ф. Забнев.
- ³⁶ Так что «замалчивать это или ставить на одну ступень с Храмовым кого-то другого из сотрудников, поступивших в музей после его открытия, — значит грешить против истины», — писал в июне 1988 г. Ф. Забнев в материале «У истока». Машинопись хранится в музее Белинского.
- ³⁷ Фролов П.А. Лермонтовские Тарханы. Саратов, 1987, стр. 270 — 274.
- ³⁸ Чембарский пахарь, 13.06.1936.
- ³⁹ Тем более, что создавать экспозиции Александру Ивановичу помогали сотрудники московского Государственного литературного музея под руководством крупных музейных специалистов М.Д. Беляева и Н.П. Пахомова.
- ⁴⁰ Сельская новь, 16.05.1963, № 32.
- ⁴¹ Фролов П.А. Белинский. Саратов, 1979, стр. 56 (Серия: Города Пензенской области).
- ⁴² Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, стр. 53.
- ⁴³ Лермонтовская энциклопедия, стр. 563.
- ⁴⁴ Пензенская энциклопедия, стр. 365.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Фролов П. А. Белинский, стр. 56.
- ⁴⁷ По заглавию серии критических статей Белинского. // Душенко К.В. Цитаты из русской литературы. М., 2005, стр. 39.
- ⁴⁸ «Нет в музее ни одного гвоздя, который был бы вколот без участия А.И. Храмова», — писал спецкор «Известий» Чугай в апреле 1948 г.
- ⁴⁹ По сведениям Н. Анохиной, «в 1912 году в доме Белинских размещался уже не трактир, а чайная и гостиница». // Вопросы литературы, 2012, сентябрь — октябрь, стр. 273.
- ⁵⁰ Пахарь, 9.06.1927.
- ⁵¹ Правда, 7.06.1948. Это был день 10-летия со дня открытия музея Белинского.
- ⁵² Пензенская энциклопедия, стр. 128.
- ⁵³ Там же, стр. 689.
- ⁵⁴ Там же, стр. 20.

⁵⁵ Старожил города Чембара Н.Ф. Крестин вспоминал о том случае, когда Храмов жертвует свои золотые часы (память об отце) шофёру, уговаривая того ещё раз съездить в Каменку на станцию Белинская за цементом. По мнению Н. Крестина, директор «был удивительно обязательным человеком. Всегда скромный, можно сказать, даже застенчивый, он всем знавшим его внушал глубокое чувство уважения к себе. Художник душой, он имел исключительное чувство понимания красоты, умения ценить и любить её». // Сельская новь. 17.05.1988, № 60.

⁵⁶ Сельская новь, 16.05.1963, № 32.

⁵⁷ Чембарская энциклопедия, стр. 259.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Чембарский пахарь, 13.06.1936.

⁶⁰ Ф. Забнев, поступивший на работу в музей Белинского в октябре 1938 г., в рукописи «У истока» писал: «Но это было вовсе не чудачество, а исключительная влюблённость в дело, которое он считал смыслом своей жизни. Созданные им музеи, собственно, стали его судьбой».

⁶¹ По оценке Ф. Забнева.

⁶² Ашукины. Крылатые слова. М., 1987, стр. 232 — 233.

⁶³ Третья, и последняя, литературная экспозиция «Я в мире — боец» была открыта при участии И.А. Гераськина и Е.А. Грачёва в 1986 г. в доме купца Ф.И. Антюшина. Она посвящена жизни и деятельности Белинского в Москве и Петербурге. Так логически завершилось создание музея-усадьбы Белинского. Так что в каждом случае, по мнению А. Фроловой, «Храмов посеял добрые семена». // Сельская новь. 17.05.1988, № 60.

⁶⁴ Нефёдов В.В. «Дело художника — рождать радость». // Сура, 2013, № 4, стр. 186 — 192.

⁶⁵ Из личной беседы Ф. Воробьёва с Т.В. Шалыгановой в музее Белинского 13.11.2015 г.

⁶⁶ Запись от 14.12.1973. Мясников Г.В. Страницы из дневника. М., 2008, стр. 180.

⁶⁷ Фролова А.Ф. «Вечный культпросветработник». // Сельская новь. 17.05.1988, № 60. С 1971 г. обычно экскурсии начинаются в центре композиционной площадки музея, у памятника «Белинский-гимназист» (скульптор Г.И. Малов).

⁶⁸ См. статью В.В. Долженкова: Временник, 1992, вып. 5.

⁶⁹ Обычно участники музейных торжеств возлагают букеты цветов на могилу. Об этом писала и А. Фролова в статье «Первый директор». // Сельская новь. 7.07.1988, № 92. Ныне в музее трудится всего 17 человек.

⁷⁰ Об этом сообщил Ф. Забнев в своём материале «У истока».

⁷¹ Из личной беседы автора статьи с О. В. Лариной 7.11.2015.

⁷² Последний раз 16.09.2012 г., по пути к себе в родное село, возвращаясь из сёл Апалиха и Лермонтово.

⁷³ Ашукины. Крылатые слова, стр. 17.

⁷⁴ Русский биографический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. М., 2007, стр. 103.

⁷⁵ Скатов Н.Н. В Чембаре у Белинского. // Огонёк, 1978, № 4. См. также: Скатов Н.Н. В Чембаре Белинского. // Истинный рыцарь духа. М., 2013, стр. 465 — 473.

⁷⁶ С мая 1948 г. — в городе его имени.

⁷⁷ Мир музея, 1991, март — апрель.

⁷⁸ Пензенская энциклопедия, стр. 466 — 467.

⁷⁹ «Музей — дело его жизни», — писала А. Фролова о Е.А. Грачёве. // Сельская новь, 1998, № 39.

⁸⁰ Отдельное исследование автора статьи о том, кто же был на самом деле «отцом русской интеллигенции», см. на сайте: <http://www.belinskij.kupec.cz>

⁸¹ Тонкий сборник «Афоризмов» критика (32 стр.), изданный в сувенирном исполнении, увидел свет в 2006 г.

⁸² Из письма Е.А. Грачёва к автору статьи, полученного 25.05.1993.

⁸³ Из выступления В.В. Путина 26.05.2004. Цит. по: Душенко К.В. Цитаты из русской истории. М., 2005, стр. 536.

Геннадий ГОРЛАНОВ

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

К 80-летию Н.А. Куленко

Седьмого ноября 2016 года культурная и литературная общественность Пензы и Заречного отметит 80-летний юбилей замечательного поэта Николая Андреевича Куленко. В связи с грядущим юбилеем «Сура» публикует очерк из книги Геннадия Горланова «Писатель и время», который напомним нашим читателям об основных вехах жизненного пути юбиляра. Редакция надеется и на то, что вы найдете прекрасные книги Николая Куленко в библиотеках и еще раз насладитесь его поэзией.

* * *

Под стеклом рабочего стола **Куленко Николая Андреевича (род. 7. 11. 1936 года)** лежит памятная фотография, погнутая с краёв, обшарпанная от долгого хранения в кармане военной гимнастерки. На ней изображён в отцовской буденовке Андрей Иванович, отец писателя, погибший на Крымской земле 10 апреля 1944 года. Боевой товарищ его, сержант А.С. Моисеев, сообщая жене убитого, Евдокии Савельевне, о последнем бое, восхищался мужеством и крепостью друга. Фотография же досталась сыну убитого воина от его двоюродного брата Николая Ивановича Куленко, хранившего образ своего дяди в нагрудном кармане. Погиб Николай Иванович на легендарной Курской дуге, когда вёл в атаку свой взвод. Пал он в бою, изрешечённый фашистскими пулями. Пробыты были его комсомольский билет и фотография дяди. Местная учительница уже после боя нашла окровавленное тело командира и достала из его кармана фотографию. Николая похоронили в братской могиле, а фотографию с засохшей кровью переслали родственникам.

Для кого-то такой биографический штрих может быть совсем не примечательный, а вот для поэта Николая Куленко, тёзки убитого брата, он играет роль аккумулятора, подпитывающего поэтическую

энергию. Поэт как бы проверяет себя всякий раз: всё ли он сделал, чтобы быть достойным памяти павших. Это не высокие слова. Фотография помогает сосредоточиться для творческого эмоционального порыва. Потому-то и лежит она на рабочем столе, как память, помогающая поэту Куленко продолжать заветы героев-родственников. На мой вопрос: *что было в твоей жизни выдающегося?* — Николай Андреевич ответил кратко: *«Ничего особенного: родился, учился, работал, служил в армии, женился и писал стихи...»* Да, конечно: родился... Но ведь родился в знаменательный день 7 ноября 1936 года, с первым его криком грянули трубы, пошла колонна праздничной демонстрации — начался праздник. На «красный праздник ноября» как бы приглашался будущий поэт.

Родился он в семье хлебороба на хуторе Тараново-Крутенька Васильковского района Днепропетровской области. Предки его — потомственные запорожские казаки. На войне погиб отец. Трудно было жить без родителя в те первые послевоенные годы. Об этом говорится в стихах Куленко: «Колосья мы собирали...», «Дым детства», «Алёшка», «Вдовья песня», «В поле послевоенном...». В них слышится голос человека, переживавшего вместе со страной то страшное лихолетье. Собрались соседки на свой женский праздник, больше половины из них не дождались с фронта мужей (почему и называется стихотворение «Вдовья песня»). Не дождалась и мама Николая Андреевича. Поют вдовы старинную песнь о Стеньке Разине, о том, как удалой атаман бросает свою печальную княжну в набежавшую волну матушки-Волги,

Но в этой песне старины
Услышал я всю смерть разлуки,
Всю боль пережитой войны.
И пели женщины негромко,
А мне казалось, что они
Читают снова похоронки
Перед притихшими детьми.

Учился без напряжения, с удовольствием. Обладая редкой памятью (с первого прочтения запоминал наизусть пять страниц книжного текста), Коля Куленко был любимцем учителей литературы, истории, языков: украинского, русского, немецкого.

После сельской семилетки, из-за чудовищной послевоенной нищеты, пришлось поступить в ремесленное училище металлургов — самое престижное на Днепропетровщине, окончить его успешно и работать на заводе металлургического оборудования в литейном цехе, куда стремились все выпускники-металлурги.

Армия. Военно-строительные войска. Рядового Николая Куленко зачисляют в полковую школу младших командиров. Школа окончена настолько успешно, что командир полка назначает сержанта на офицерскую должность командира

Н.А. Куленко

взвода. Из множества грамот и благодарностей выбрал одну, имеющую отношение к писательской работе.

«Николаю Андреевичу Куленко!

Выражаем глубокую благодарность за активную пропаганду поэзии поэтов пензенского края среди личного состава войсковой части 3479.

Командир войсковой части 3479 полковник Виноградов.

Начальник политотдела подполковник Шалагинов».

Нет, не посрамил он памяти погибших родичей.

Да. Стихи, стихи, стихи — они, наверное, из детства. На вопрос: откуда тяготение к стихотворчеству? — Николай Андреевич ответил: *«Не знаю. Прадеды — удалые запорожские казаки, которые любили выпить и попеть изумительные народные песни. Матушка была певунья на всю округу, сам я люблю петь, особенно в застолье... Народная песня — она очень*

поэтична. И когда их знаешь хотя бы сотню, то душа невольно становится «насквозь» поэтичной, отзывается на окружающий мир стихами...

И ещё. В детстве моя тётушка Прасковья — талантливейшая женщина — постоянно рассказывала мне — страстно, вдохновенно — сказки, многие из которых были сочинены ею. В сказках всё было очень красивым, безоговорочно осуждалось зло, приветствовалось добро, честность, великодушие. Сказки и песни вырастили мою душу. Отсюда, видимо, у меня стихотворчество. Я люблю всё прекрасное, чистое, благородное, великодушное и о человеке думаю — хорошо».

Муза поэзии приветливо улыбнулась ему, заглянув из любопытства в 5-й класс. Знакомство состоялось и продолжалось в годы учёбы в ремесленном училище, когда Николай был членом литературной группы «Плавка» при Дворце культуры завода имени Петровского. Хотя, скажем откровенно, увлечение не всегда было взаимным. Дело коренным образом изменилось, когда Куленко приехал в благодатный для творчества Заречный и стал посещать литобъединение «Рассвет» при Дворце культуры имени Кирова в Пензе. То ли украинский паренёк был не робкого десятка, то ли душа у него была необыкновенная, только труд и талант привели его в Москву, в Литературный институт, где он учился с 1964 по 1969 год, кстати, в одной группе с поэтом Николаем Рубцовым. Ку-

ленко, как всегда, честно и упорно преодолевал трудности, коих было немало. Да и стоит ли о них сейчас вспоминать?

Занимался он в семинаре Героя социалистического труда, лауреата Ленинской, Государственной, Шолоховской премий Егора Александровича Исаева. «Куленко — отменчал руководитель, — безусловно, является одним из лучших моих учеников-семинаристов... Он идёт от земли... от жизни...». Анализируя стихотворение «Память» студента литературного института Куленко, другой известный поэт, Владимир Туркин, цитировал строчки:

...Хлеба нет.
И в избе
Лебеда в чугунке закипает.

Братья варево ждут:
— Уж сварилось, поди, оно...
И едим мы, едим это варево,
А потом — на полу засыпаем,
Кто — на час,
кто — на два,
А Алёшка — меньшей — навсегда...

Туркин даёт следующую оценку: *«Много ли нужно добавлять к тому, что сказано здесь, чтобы пронзительной памятью почувствовать снова голодную годину войны? И попробуйте придумать, что варится в чугунке? «Варево». Поэт — не голодавший вместе со своим меньшим Алёшкой — не найдёт такое слово. Это — из стихотворения Николая Андреевича «Память». Материализованное словами, чувство его — убедительно, точно, ёмко. Редко какой поэт, художник сможет так обойтись со своими чувствами и словами. Да ведь сколько, к тому же, уже написано о голоде. А сколько раз обращались молодые поэты к теме войны и погибших на войне отцов. И какую остроту поэтического зрения нужно иметь, чтобы и в этой — не новой — теме не повторить уже точно выраженный поэтический взгляд».*

Почивать бы на лаврах автору стихотворения «Память», ан нет, он продолжал дорабатывать строчки. В издании 1984 года (сборник «Ранние зарницы») старший брат, сам голодный, протягивал сухарь маленькому Алёшке, чтобы тот выжил, ведь он маленький. Зримо, мастерски, запоминающе нарисован этот сухарь — воочию видишь его: он по форме вытянутый, похожий на брус, «покрытый плесенной ватой». Далее шел саркастический горький вывод: *«и сладкий, видимо, на вкус».* Именно, «видимо», потому что рассказчик не мог попробовать его: *«Я отдавал сухарь Алёшке — Как бинт от раны отрывал...».* Какое точное сравнение! Это уже не просто мастерство, а чутьё, волшебство поэзии. Все эти детали не выдуманные, как не придумана сама ситуация, имевшая место в реальной жизни. Приведу это стихотворение целиком:

Я об Алёшке, младшем брате,
 Который помер, говорю.
 В войну мы с ним
 в голодной хате
 Дивились молча сухарю.
 Сухарь был чуть продолговатый,
 Продольно вытянут, как брус,
 Покрытый плесенною ватой
 И сладкий, видимо,
 на вкус.
 Я отдавал сухарь Алёшке —
 Как бинт от раны отрывал,
 Потом смотрел,
                         как он
 по крошке
 Его замедленно жевал.
 Нет, не принёс сухарь спасенья,
 Но было: радость по лицу
 И даже
     к детству возвращенье, —
 К живым — и к хлебу, и к отцу.

Здесь я специально остановился на обоих вариантах: как нельзя лучше они раскрывают характер настоящего мастера. Такая неуспокоенность отмечалась и его литературными наставниками. Замечательный педагог, автор отзыва на дипломную работу Николая Куленко В.И. Мальков писал в рецензии: *«На первых обсуждениях стихов Николая Куленко в нашем семинаре начинающему поэту было высказано немало суровых и дружественных претензий. И было нетрудно заметить, с какой настойчивостью преодолевал он «сопротивление материала». Несколько раз возвращался он к работе над одним и тем же стихотворением. Искал необходимое слово. Избавлялся от длиннот. Находил верный сюжетный «поворот» в развитии замысла. В настойчивости, в трудолюбии, в умении извлечь из критики рациональное зерно уже виден был характер поэта, человека вдумчивого, настойчивого, любящего своё дело. В своих выступлениях на семинаре Н. Куленко был немногословен. Но чувствовалось, что за каждой репликой, за каждым новым стихотворением кроется сосредоточенная работа пытливей, ищущей мысли. Дипломная работа «Рубеж» представляет собой, на мой взгляд, итог работы, убедительный, свидетельствующий о том, что из стен дома Герце-на выходит в жизнь талантливый литератор».*

Годы учёбы у больших мастеров, накопленный личный опыт сделали и самого Куленко талантливым наставником, через доброе сердце которого прошли нынешние члены Союза писателей России. Успешно руководил он литературным

объединением «Радуга» в городе Заречном и литературным кружком «Поиск» при Пензенском отделении Союза писателей. Лично мне приходилось слышать в кулуарах Центрального дома искусств благодарные отзывы его воспитанников, регулярно посещавших «литературные среды». Это Маргарита Разорёнова, Наталья Панова, Светлана Додонова, Наталья Кабаева, Ольга Уткина, Лариса Пустова, Владимир Бахарев, Анатолий Аверьянов, Владимир Шаповалов, Нина Шеменкова, Алексей Чумаков, Анатолий Галкин, Владимир Лазарев, Владимир Антипов... Чувство уважения к своему учителю выразила Наталья Панова в стихотворении «Родник». Вполне уместно сравнение отзывчивой души учителя с родником:

Идёт, чтоб жажду утолить
И в путь с собой воды налить.
И стар, и млад — все у него.
Он не обделит никого...

Не без активного участия руководителя Пензенской писательской организации стали членами Союза писателей Ю.Б. Самсонов, В.Н. Давыдов, И.П. Щерблякин, С.Н. Гуляевский, Л.И. Терёхина, В.П. Иванов, В.В. Кельх, Б.В. Милавин, М.И. Кириллов, В.Д. Мищенко, В.С. Шаповалов, Ю.А. Кузнецов, В.А. Сухов, М.Г. Разоренова, Д.Н. Жаткин, Л.И. Яшина и др.

Учёба в Литературном институте окрылила молодого Куленко. Легко, вдохновенно лились из-под его пера поэтические строчки. Печатался он в альманахах «Земля родная», «Поэзия»; в журналах «Волга», «Донбасс», «Молодая гвардия»; в коллективных сборниках: «Голос поля», «Обелиски», «День волжской поэзии», «Радуга Заречья» и других. Если считать, что первое стихотворение Куленко опубликовано в газете «Молодой ленинец» в 1961 году, то в 2011 году — полвека его творческой работы.

В 1972 году в Приволжском книжном издательстве вышел первый сборник Николая Куленко «Рубеж». В том же издательстве в 1981 году появился «Первосвет», а затем — «Ранние зарницы». В 1987 году читатели познакомились с книгой «Рукопожатие огня», вышедшей в Москве. Затем выходили книги стихов «Вербное воскресенье», «Высокий берег», «Голубые ливни», «Черёмуховый свет», «Путевые костры». В Союзе писателей Куленко состоит с 1985 года. Он дважды лауреат Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова, отмечен премией губернатора, за большую творческую деятельность награждён Всероссийским почётным знаком «Патриот России».

Поэта волнует многое: и нелёгкий труд литейщика, знакомый ему не понаслышке, и напряжённая страда хлебороба, которую автор тоже знает ещё с детских лет, и подвиг солдата, и раздумья его современников. Немало в его книгах и стихов о любви, природе и бережном к ней отношении. Особенности его поэтической манеры видятся мне в большом эмоциональном задоре, в острой интонационной экспрессии стиха. Куленко стремится вырваться из ритмической строгости, что-

бы свободней и раскованней выразить вспыхнувшие чувства. Этому, видимо, способствует и большое тематическое разнообразие его стихотворений.

Немаловажное значение для любого поэта имеет содержательная сторона произведений. «*О чём писать. // На то не наша воля*». И тем не менее... У Куленко все стихи серьёзно-содержательные, по пустякам он не пишет, его дар не расплывается на мелочи. Князь Черниговский в ставке Батыя отказывается плюнуть на святой крест, хотя, выполни он волю хана, ему была бы дарована жизнь и свобода. Да об этом временном малодушии и знать никто не будет. Но не такой князь Черниговский — не может пойти на подлость, оттого-то и голос его наливается твёрдостью и решимостью, когда отвечает он врагу. Татары думали, что они судят князя, а на поверку сам он над ними возвышается:

Плюнь на веру,
На свой народ.
— Ишь чего захотел, варнак.
Ну а как домой возвратись,
В богом данные мне края,
Что мне скажет святая Русь,
Как пред ладушкой встану я!..

Так вот и погибает князь, не запятнав своего чистого имени. Тарас Бульба из одноименного произведения гибнет в огне костра за свободную Украину. Селькор в «Балладе о поэте» гордо принимает смерть, твёрдо зная, что песнь его останется людям. А коли так, то и смерти нет.

«Пуля — в грудь. Но смерти нет, // Если песня остаётся».

В «Маленькой истории», кажется, нет ничего героического: просто бабушка в старом доме кормила голубей, и Божьи птахи привыкли к доброте и ласке старушки. Но однажды утром створки окошка не раскрылись, голуби до полудня просидели у окна, а потом, догадавшись о трагедии, горестно взмахнули в облака и скрылись. Не спешите, это ещё не финал. Кульминацию и одновременно развязку поэт заключил в последние строчки — прилетали птицы и в третий, и в пятый, и в десятый раз. Вот уж и снег стаял, и яблони зацвели. Голуби всё отлично понимали: *«Больше не надеются, не ждут, // Просто так к окошку прилетают»*. Без пафоса и назидания, буднично, как буднично жила старушка, заканчивается «Маленькая история». И только чуть погодя, поразмыслив немного, читатель догадывается о смысле сказанного — на самом деле здесь совсем не маленькая, а большая поучительная история о человеческой доброте. По большому счёту, эта безымянная старушка достойна памяти, как и князь Черниговский, как и Тарас Бульба, как поэт-песенник из «Баллады о поэте», как боец-красноармеец, не желавший «жить вполнакала» («Красный всадник»), как пахарь, пашущий землю с незапамятных лет («Пахарь»). Эту житейскую истину прекрасно понимают голуби — Божьи птицы.

Дина Злобина особо выделила из сборника стихотворения «Маленькая история», «Высокий берег», «На речке Няньге», «Черёмуха», «Общежитие», «На кладбище», «Начало», «Первый день», «В цехе», «Жаворонок», «Поляна пылала в цвету...». Она писала: «Читая книжку стихов Николая Куленко с таким веселым названием «Первосвет», удивляешься: стихи о самых простых чувствах, наблюдениях, переживаниях безо всякой натуги и претензии на что-то особенное, из ряда вон выходящее. И по форме скромные, незатейливый ритмический узор, а строки западают в душу...».

Ритмический узор куленковских строф тесно связан с содержанием. Он разный в зависимости от выбранной темы: может быть чётким, мелодичным, отрывистым, чеканным:

Непомерно высокий трон.
Несказанно надменный хан.
Весь в рубинах кровавых он
И от власти над гостем пьян.

В подобных случаях поэт не обращает внимания на традиционное соблюдение размера в каждой строчке, основное внимание сосредоточено на точной рифмовке («трон», «он», «хан», «пьян»). Всё стихотворение построено на мужественных мужских окончаниях (так была написана Лермонтовым поэма «Мцыри»).

В повествовательной, почти бесстрастной, спокойной форме звучит стихотворение «Маленькая история». Величаво, размеренно-широко, былинно произносятся строчки в стихотворении «К Мамаеву кургану». Более того, она с ещё большей силой подчёркивает возвышенную древнюю песенность: «*Ты скажи, курган, отчего седой?*», «*Ты скажи, курган, отчего молчишь?*», «*Ты скажи, курган, отчего высок?*».

Композиционно организующую роль играют здесь повторяющиеся слова и словосочетания, вопросы и ответы. Стихотворение, в сущности, построено на диалогах:

Ты стоишь, курган, над рекой святой,
Где врагов своих сокрушил.
Ты скажи, курган, отчего седой?
— Горе Родины пережил...

Один из циклов стихотворений Николая Куленко в коллективном сборнике «У бесконечной дороги...», вышедшем в Приволжском книжном издательстве в 1992 году, называется «У каждого своя Россия». В самом деле, у каждого поэта она своя — в этом легко убедиться, прочитав поэтические книги пензенских писателей. Куленко любит её сердцем бывшего солдата, хлебопашца и рабочего. Его Россия скромная, но со строгим и одновременно ласковым лицом, поэтичным именем, вобравшим в себя «сельцо убогое» и «ракетодром», «вербу дедову у плетня» и «лесов напев разноголосый».

Она — страда солдатская,
Берёзки белой стать,
Могила в поле братская,
И у калитки мать...

Подобными образами ёмко выражает он суть такого сложного понятия, как Родина. Имажи эти невыдуманные, они, как говорится, в крови поэта. Он знает, какой дорогой ценой досталась Победа в годы Великой Отечественной, и на своём личном горе, и на горе своих родных. Нелёгкая судьбина выпала его тетушке Мотре: пять похоронок пришло в её хату. Пять чёрных воронов принесли ей трагическую весть о гибели мужа Ивана и четырёх сыновей: Ивана, Грицко, Николая, Ильи... И лежат храбрые сыны Отечества в земле от Волги до Берлина: Николай — в земле Курской, Илья — в Черниговской, а где остальные — один Бог знает. Отсюда как раз и «Могила в поле братская...», и мать, ждущая с войны мужа, а может быть, и сына, который тоже выполнял свой сыновний долг перед Родиной. Разные по возрасту, все они достойны звания Герой Великой Отечественной. Самому младшему из них, Илье, было 18 годов. Он погиб в 1944-м. Это о нём:

Брат ушёл тропой солдатской,
Навсегда исчез в дыму.
Под Черниговом он,
В братской...
Восемнадцать лет ему.

Чрез сердце поэта пропущено здесь лично пережитое. Сказано об этом просто и мудро. За характером одного человека встаёт героическое поколение, вынесшее годы лихолетья.

В общем хоре поэтов России отчётливо слышен голос Николая Куленко. В одном из стихотворений говорится:

Если сердце заскучает,
Затуманится заря, —
Только песня выручает,
Та, что сложена не зря.
Запою — и легче станет,
Вроде боль переболит,
Песня сроду не обманет,
В сердце рану исцелит.

Эти песни сложены добротнo. Совсем не зря он над ними трудился. Выручают они не только самого поэта. Хотелось бы, чтобы ещё долго-долго шагал запевалой в поэтическом строю пензенских писателей автор процитированных строк, поэт с гуманной душой, которую он щедро открывает в каждой своей строке, вкладывает в каждого своего ученика и товарища по писательскому перу.

Евгений ШТОРМ

**ПО БЕЗДОРОЖЬЮ
МЛЕЧНОГО
ПУТИ**

Стихи

* * *

В моём городе стонет вьюга
И разносит дурную весть,
Что уже не найти друг друга,
Он из прошлого соткан весь.
Принимает в свои объятия
Из застуженных мостовых,
Задержалось моё ненастье
Среди улиц его пустых.
И увидеть бы то, что скрыто
В отраженьях его витрин,
Но затеряно и забыто
Вместе с запахом южных вин.
Солнце светит, но греть устало.
Город встреч накрывает мглой.
Не хватало тебя, не хватало...
А теперь засыпай со мной...

* * *

13:43:49

В эти числа она приходит, садится рядом.
Говорит, что и так под её неустанным взглядом
Я живу от луны к луне,
На обратной её стороне.
Что устала, а время свой пазл не сложит.
Титров нет, и она ничего не может
Изменить, шепчет мне:
«Извини, что я снова к тебе».

* * *

Да, я знаю, ты тяготеешь к датам.
Ничего, не страшно, что сладким ядом

Ты ночами горишь во мне.
Утоляю тебя в вине.
И в тоске, что извечно меня тревожит
Не вино, ничего уже не поможет,
Позабыть. Наяву и во сне
Приходи, если тоже в огне.

* * *

Я путаюсь в датах.
В моей фонотеке осень.
Я слушаю ветер
И шорох опавшей листвы.
Мне кажется, время
Уже никуда не уходит,
А прячется в тучах,
Несущих грибные дожди.
Всё будто бы снится:
Чужие места и дороги.
Кружатся рисунком
Пропавшие без вести дни.
И плачет над чем-то
Моя заплутавшая осень,
Меня принимая
В холодные руки свои.

* * *

Море ждёт, что-то безрассудное шепчет.
Слышишь? Волнуется без тебя.
Дышит то спокойно, то нервно,
кромку берега теребя.
Ищет твои следы, чтобы ткнуться нежно,
тёплой волною пройтись по твоим ногам,
Горстку ракушек швырнуть на песок небрежно,
мол, выбирай, для тебя всё, что хочешь, отдам.
Море волнуется. Встречи редки и недолги.
Шепчет: «Возьми до меня без возврата билет.
И оставайся, я буду с тобою долго,
сколько нам небо предначертает лет».

* * *

Хорошо, если в этих зрачках не видно боли,
значит, я притворяюсь живым успешно.
Хоть бывают живыми и с большей болью,
но с этой, боюсь, не выдержит сердце.

Оно и так уже стучит саднящим мотором,
    долетит до края и разобьётся.
Я хотел бы упасть в море, в котором
    эта боль охрипнет и захлебнётся.
Я считал бы дни, но не знаю даты.
    Сны стреляют в упор, почти не целясь.
И ты снова ночью со мною рядом,
    а я снова вою, как волк, ощерясь.

* * *

По бездорожью Млечного Пути,
Идя в восходы и закаты,
Неся с собою все утраты,
Так хочется с ума сойти.
За каждым шагом — расставание,
За каждым словом — тишина,
И вся Вселенная полна
Бессмысленным существованием.
И разорвать бы этот круг
От самого Большого Взрыва,
Но холодно неотвратимо,
И звёзды падают из рук...

* * *

Мои ладони согревает
Ромашковый зелёный чай.
Глотками мелкими вплетает
Свою цветочную печаль.
Мне мнутся солнечные травы,
Луга без края, и ветра,
И то, что ты со мною рядом
В объятия заключена.
Услышь, меж нами нет разлуки,
Я помню все твои черты.
Твои пленительные руки
Не с ним, со мной обручены.
Пусть чашка чая остывает,
Она лишь временно дана.
Мои ладони согревает
Твоих ладоней теплота.

* * *

Дождь почему-то хандрит со мною, капля за каплей, пусть.
Может быть, с Рейна его водою твоя напоила грусть.
Может, он плакал с тобою вместе, касаясь твоей щеки,
Или за окнами в новом доме шептал про тебя стихи.

Не говорит мне, смолкнет устало. Его ли вина в тоске,
Что был я любимым любимой мало и память осталась мне...

* * *

У меня за спиной ночь, у тебя день.
Ты кружишься в танце, я — менестрель.
Ты поёшь о вечном, я о былом.
Я с холодного севера, юг — твой дом.
На границе миров, между наших снов,
Мы играем в созвучия нежных слов
И касаемся трепетно, чуть дыша.
Так бывает, если родная душа.
И пути разойдутся, и наш рассказ,
Может быть, окажется не про нас.
Но сегодня день, и сегодня ночь,
И мы гоним мысли о завтра прочь.
Так проще. Ведь было бы невыносимо
Признать, что рассудок с тобой.
Что явно хотела, сама и свершила.
Никто не стоял за спиной.
И ты не Алиса, и кот не Чеширский,
В своём остаёшься уме.
Твоё чаепитие слишком уныло
Идёт в летаргическом сне.
Укрывшись за маской и к ней прирастая,
Кого же ты хочешь унять?
Не ту ли себя, что в любую погоду
Умела на крыльях летать?

Виктор ВИННИЧЕК

ПОЕЗДКА ЗА ГРИБАМИ

Рассказы

ПОЕЗДКА ЗА ГРИБАМИ

Последние дни августа. Мы с приятелем Василием решили сделать вылазку за грибами, на рынке уже появились первые маленькие опята. В субботу рано утром мы стояли в конце большой очереди к пригородным кассам на железнодорожном вокзале.

К нам подошёл друг моего напарника Андрей и предложил поехать за грибами на вырубке у села Архангельское: «Вчера звонил двоюродный брат, говорит: оттуда грибы волокут корзинами». Мы с радостью согласились, вышли на привокзальную площадь и уселись в «уазик».

И вот мы уже за городом. Несмотря на раннее время, на трассе полно машин, к тому же неожиданно начавшийся дождь испортил нам настроение — движение стало небезопасным. Доказательством тому стало несколько машин, попавших в аварии, встретившихся нам по ходу движения.

Андрей был хороший водитель, мы раньше несколько раз ездили с ним на рыбалку. Попадали в различные сложные ситуации. Но он из них всегда выходил достойно.

Прошло немногим больше часа, как мы въехали в Архангельское. На середине села свернули с трассы на просёлочную дорогу и начали подниматься в гору, в сторону леса, к стоящему на отшибе села дому. Там, откровенно говоря, нас не ждали.

Огромный волкодав с яростью бросился на Андрея, едва тот подошёл к новой калитке в заборе. Псина метра два протасил за собой новую же будку, диво, что не оборвал цепь, на которой был к ней привязан.

Андрей, в долю секунды оказавшийся в машине, произнёс с негодованием: «Полтора года назад я подобрал его маленьким кутёнком, замерзающим на трассе, и привёз двоюродному брату в подарок, и вот тебе благодарность за спасение».

Он несколько раз посигналил. Наконец на крыльце появилась хозяйка, крепкая женщина, среднего роста, лет сорока пяти, застёгивая на ходу пуговицы халата и зевая одновременно. Спустившись по ступенькам, она попыталась приструнить пса, но не тут-то было. Тот, не обращая никакого внимания на хозяйку, неистово бросался в нашу сторону.

Появился и сам хозяин, высокий, жилистый мужик, лет пятидесяти, с большой кастрюлей в руках. «Цыган, ко мне!» — пробасил он.

Цыган повернул голову в сторону хозяина. То ли голос хозяина, то ли кастрюля в руках на пса подействовали магически. Через мгновение он уже увидался около хозяина, пытаясь влезть с головой в кастрюлю, но хозяин поднял её над головой и пошёл в сарай, увлекая пса за собой. Там он и закрыл его, как объяснил, для нашей безопасности.

Хозяина звали Николай, а хозяйку Валентина. Братаны обнялись. Валентина, посетовав о том, что Цыган её ни во что не ставит, а слушает только хозяйина, да и то под настроение, побежала накрывать на стол, срубленный прямо в саду из тонких брёвен. Дождь здесь прошёл полчаса назад, ярко светящее солнце уже успело высушить траву и листья деревьев, стало тепло. Воздух, насыщенный сладким ароматом созревающих яблок и горечью цветущей пижмы, возбуждал аппетит. Нас пригласили за стол, накрытый запасливой хозяйкой на скорую руку. В центре красовалась двухлитровая бутылка сливянки собственного производства, вокруг неё были расставлены разные яства: молодая отварная картошка с укропом, малосольные огурчики, тушёная баранина, маринованные опята и солёные рыжики, квас домашнего производства...

Николай, как радушный хозяин, наполнил гранёные стаканчики, встал и произнёс тост за приезд Андрея.

Затем хозяйка произнесла тост за знакомство. То ли потому, что сливянка была замечательная, то ли потому, что закуска была классная, тосты сыпались как из рога изобилия, один красноречивее другого. У всех было прекрасное настроение. Веселье, смех, шутки сменяли друг друга, как всегда бывает в таких случаях в хорошей компании. Мне уже показалось: родственники забыли, что мы приехали за грибами и каким образом мы сегодня вернёмся домой.

Андрей продолжал поглощать сливянку, становилось понятно, что здесь он застрянет надолго.

Но судьба оказалась к нам благосклонна. От села в сторону леса двигалось транспортное средство непонятной конфигурации, собранное из трактора, скутера и мотоблока наподобие кабриолета, издавая жуткий шум и оставляя за собой облако чёрного дыма. Завидев издали нашу шумную компанию, местный Кулибин, не сбавляя скорости, резко повернул в нашу сторону и через минуту был уже у калитки. Не глуша агрегат, упитанный мужчина среднего роста, в самом расцвете сил, подошёл к столу, со всеми поздоровался за руку, сообщил приезжим, что его зовут Михалыч, что у него мало времени и он едет на порубки за дровами.

Николай в целях экономии времени взял деревянную кружку, которой разливали квас, налил туда граммов триста сливянки. Михалыч, не присаживаясь за стол, на одном дыхании осушил кружку, смачно чмокнул и произнёс: «Хороша зараза!» Взял малосольный огурчик и, жуя его, пошёл к транспортному средству.

Наша компания последовала за ним и дружно принялась сооружать мне и Василию временные сиденья в кузовной части драндулета. Наконец нас усадили, рядом поставили корзинки и рюкзаки, налили на посошок. Получив наказ привезти нас обратно к трём часам, потому что в четыре часа пойдёт последний автобус в город, Михалыч «ударил по газам».

Транспортное средство оказалось на удивление приспособленным для езды по лесным ухабистым дорогам, заболоченным местам, песчаным наносам. Даже наши сиденья, сделанные на скорую руку, были удобны и хорошо амортизировали. Вездеход, да и только.

Проехав километров пять по лесу, мы оказались на просеке шириной метров двести. Она тянулась от горизонта до горизонта, рассекая на две половины лесной массив. Мы остановились на самой высокой части просеки. Перед нами открылась неопишуемой красоты панорама русской природы. Именно в таких местах ощущаешь всё её величие и значимость, а себя лишь маленькой частичкой в ней. «Трасса Татнефтепровода», — пояснил Михалыч. По обе стороны просеки просматривались порубки. «Поедем в 32-й квартал», — решил Михалыч и поехал вниз по просеке. Минут через десять он высадил нас у большой порубки, а сам, пообещав заехать за нами в два часа, укатил дальше вниз заготавливать дрова.

Мы с Василием начали прочёсывать порубки, но опять не было, вернее сказать, они были, но их срезали сегодня утром, а нам остались торчащие на пеньках корешки да отдельно стоящие в траве экземпляры, пропущенные грибниками.

Разочарованные таким поворотом событий, мы пошли по просеке по следам уехавшего «кабриолета» с надеждой, что Михалыч уехал не слишком далеко и обратно он будет возвращаться этой дорогой. Так оно и случилось.

Пройдя метров восемьсот по просеке, мы неожиданно столкнулись с Михалычем, который свернул прямо на нас с лесной, еле заметной тропинки. На нём не было лица. В одной руке у него была телогрейка, в другой — пятилитровая полиэтиленовая канистра. Промокшая от пота рубашка прилипла к телу, мокрые взъерошенные волосы торчали в разные стороны. «Что случилось?» — в один голос спросили мы с Василием, не дожидаясь, когда у Михалыча кончится запас крепких выражений. Оказалось, по дороге в лес Михалыч останавливался у магазина, купил сигареты, пообщался с односельчанами — одним словом, на несколько минут оставил без присмотра свой «кабриолет». За это время из него слили бензин — скорее всего, ребяташки, катающиеся на мопедах. Агрегат заглох во время разворота, на единственной лесной дороге, пе-

регородив движение в двух направлениях. Рассказав нам о случившемся, Михалыч виновато опустил голову. А услышав наш рассказ о грибном невезенье, сел на траву. Мы чувствовали, что Михалыч по природе очень хороший человек и ему стыдно и неловко перед нами за случившееся. Поднявшись, он грустно вымолвил: «Извините, мужики, что так случилось, но нам надо возвращаться. До села двенадцать километров». Тут уж мы с Василием опустили на траву. Вроде ехали недолго, а сейчас идти в гору, по песчанику — удовольствие ниже среднего. Воцарилось молчание. Каждый думал о своём. Михалыч о «кабриолете», я о потерянном выходном и несобранных грибах, Василий — как поскорее добраться домой. Он работал машинистом. В воскресенье в 12.30 у него поезд. Ему необходимо как следует отдохнуть перед медкомиссией.

Но что это? До нас донёсся звук приближающегося поезда. Он становился всё отчетливее, и вот через просветы между деревьями замелькали вагоны. Василий вскочил и побежал в сторону железной дороги, крикнув на ходу: «Ждите меня здесь!» Минут через десять он вернулся обратно в приподнятом настроении. Оказывается, он по пикетным столбикам, расположенным вдоль железной дороги, определил, что до ближайшей остановочной платформы всего четыре километра, и мы сможем уехать в город на электричке. Мы распрощались с Михалычем, его попросили зайти к Андреевой родне, сообщить, чтобы нас не ждали. А сами поднялись на железнодорожную насыпь и пошли по ней к остановке. Насыпь была из крупного щебня, идти по нему тяжело. Мы перешли в междупутье и пошли по железобетонным шпалам. Приходилось часто останавливаться, выходить на обочину, чтобы пропускать поезда. Устав, мы спустились с насыпи и пошли вдоль железной дороги. В какой-то момент я углубился в лес и оказался на небольшой поляне. За ней начиналась пойма, по которой росла ольха, изредка встречались старые, высохшие берёзы. Видимо, весной пойма заливалась водой, а сейчас была слегка влажновата, по ней росла высокая густая трава. На краю поляны параллельно друг другу лежали две огромные берёзы, вырванные с корнями ураганом несколько лет тому назад.

Ярко светило солнце. Стало жарко. Я пошёл к берёзам, чтобы отдохнуть пару минут. И о боже! Я не мог поверить своим глазам. Корни, стволы берёз, пространство между ними — всё было усеяно кучками крепких молодых опят. Они росли повсюду: на сломанных ветках, поверх стволов и под ними, на траве и на песке — на месте вырванных с корнями деревьев. «Царство опят во всём его великолепии!» — подумал я, закрыв глаза и сразу же открыв их, словно опасаясь не увидеть эту красоту снова.

Я стал звать Василия, но тот не отзывался. Не ответил он и на звонки сотового телефона. Абонент недоступен. Нет сети.

Я начал аккуратно срезать опята. Через полчаса большая корзина, ведро и рюкзак были заполнены доверху. Наконец вышел на связь Василий. Оказывается, в поисках грибов он перешёл на другую сторону железной дороги, набрал полведра волнушек. На пути ему встретилось болото. Он стал его обходить и

вышел на железную дорогу в километре от меня, ближе к платформе. Услышав мой рассказ о грибах, он попросил меня остановиться и дожидаться его прихода. Усевшись на обрубок берёзы, я начал уничтожать запасы прихваченных из дому продуктов — аппетит разыгрался на свежем воздухе.

Вскоре всё было съедено. Я стал рассматривать соседнюю берёзу, на которой выстроились, как на парад, опята. Казалось, они, как и я, греются под солнечными лучами последних летних дней.

И вдруг я остолбенел и напрягся. По верхней части ствола берёзы, плавно огибая торчащие сучки и кучки опят, не издавая ни малейшего шороха, полз огромный гад, длиной около двух метров, толщиной со спичечный коробок. Найдя на берёзе небольшой участок, поросший мхом, он сложил своё длинное гладкое тело, переливающееся тусклыми оттенками тёмно-серых красок, раскрашенное узорами, полосами и ромбиками, во множество колец, приподнял над ними голову с постоянно колеблющимся во рту жалом, слегка поворачивая её то в одну, то во вторую сторону, словно изучая всё вокруг себя.

В этот момент я рассмотрел у него с двух сторон на тыльной части головы два жёлтых пятнышка. Сомнений не было — это был на редкость большой уж. Напряжение мгновенно спало само собой, и я стал с любопытством наблюдать за незванным гостем. Осмотревшись по сторонам и убедившись в том, что ему ничего не угрожает, уж опустил голову и начал греться на солнышке. Потеряв всякий интерес к ужу, я лёг спиной на берёзу и начал рассматривать вначале скопления мошкеры, небольшими облачками кружащейся над кустарниками и высокой травой, затем высоко кружащегося в небе сокола, выискивающего свою добычу. Незаметно для себя, пригретый солнышком, после сытного обеда, я задремал.

Проснулся я от дикого, ранее никогда не слышанного писка, который исходил из травы в пяти шагах от меня, между двумя берёзами. Я сел на берёзу и начал смотреть в сторону, откуда доносился странный писк. Там я увидел большую лесную лягушку серого цвета. Если сказать, что вела она себя странно, — это значит ничего не сказать.

Она находилась в полусогнутом состоянии, передние лапки приподняты вверх. Опираясь на задние лапки, развёрнутые в противоположные стороны так, что они цеплялись друг за друга, нехотя, медленно двигалась вперёд, издавая при этом душераздирающий писк. Складывалось впечатление, что она каждой клеточкой своего организма из последних сил сопротивляется продвижению вперёд, взывает о помощи, но не может противостоять какой-то неведомой силе, которая её туда влечёт. За то время, пока я смотрел на лягушку, она продвинулась почти на метр.

Тогда я перевёл взгляд в сторону её странного движения. На расстоянии двух метров от неё я увидел моего знакомого ужа. Его двухметровое тело было вытянуто в одну линию, словно струна. Он весь находился в густой невысокой траве, лишь голова, выдвинутая на открытое пространство, была приподнята

сантиметров на двадцать над землёй и в упор смотрела на лягушку. Во всём его теле чувствовалось неистовое напряжение, казалось, что он совершенно неподвижен, рот слегка приоткрыт, даже жало прекратило свои обычные колебания. Лягушка продолжала двигаться к ужу, а по мере её продвижения его голова всё ниже наклонялась к земле, а рот становился шире. Вот она в метре от него, в полуметре... силы постепенно оставляли бедняжку. Писк становился всё слабее, задние лапки уже не были развёрнуты в разные стороны, и она почти покорно продолжала двигаться навстречу своей гибели. Вот голова ужа уже лежит на земле, ужасная пасть открыта во всю ширь, а наша бедняжка, внушительных размеров лесная лягушка, сама входит в неё. Уж смыкает свои мощные челюсти, приподымает голову немного вверх и начинает глотательными движениями проталкивать лягушку по пищеводу. Через несколько минут уж в полузабытьи уже нежился на солнце, в трёх метрах от места своей удачной охоты, переваривая весомую добычу.

После всего увиденного мне стало не по себе, было жалко лягушку. Ведь она никому ничего плохого не сделала, а её съели. Заметил моё огорчение и подошедший Василий. «Что с тобой? Нашёл столько грибов, а смурной!» «Потом расскажу, пошли, а то опоздаем на электричку», — ответил я. Затем я позвал Василию лежащего на поляне ужа.

На обратном пути домой, в электричке, я рассказал ему об увиденной мной охоте, полной ужаса и драматизма.

СТЕНЬКА РАЗИН

Поехали мы всей семьёй в отпуск в деревню Новики Гродненской области.

Это был мой первый визит к тёще после четырёх лет совместной жизни с её дочерью Машенькой. К этому времени у нас было два сына: Максим — трёх лет, Сергей — полтора.

Тёща нас приняла радушно, но предупредила, что у неё есть петух Стенька Разин, который не даёт прохода никому, ни взрослым, ни детям. Даже кошки и собаки обходили курятник стороной, да и прочая скотина сюда не забредала. Женщин он клюёт за ноги, детям садится на спину и клюёт в голову, мужчинам он норовит клюнуть в глаза. Выслушав рассказ тещи, я улыбнулся. Подумаешь, невидаль какая, петух, а то я мало на своём веку петухов видел!

Тёща он не трогал, ходил кругами вокруг неё, когда она кормила кур. Он даже помогал их кормить. Схватив зёрнышко покрупнее, отбегал в сторону, подзывал к себе кур и безвозмездно отдавал им свою добычу.

Тёща вся округа жаловалась на петуха. Она бы давно его зарубила, но хорь передумал почти всех курей в соседских курятниках, и она считала, что благодаря агрессивности петуха её курятник оставался нетронутым.

Первое свидание со Стенькой у меня состоялось буквально через три часа после приезда. Посидели за столом, который накрыла нам тёща на скорую

руку. Потом пошли на большой, красивый пруд, который находился за дорогой в пятидесяти метрах от дома. Пруд нам очень понравился. По его периметру росла ольха и красная смородина. Ветки плакучей ивы свисали до самой воды. Часть пруда была занята камышами, около которых плавала семья белых лебедей. Нежная, заботливая мама лебедь плыла впереди семейства, то и дело погружая свою красивую белую головку с красным клювом под воду, вытаскивая оттуда мелких рыбёшек, лягушек или головастиков. Пять маленьких сереньких комочков плыли за ней следом, друг за другом, как по линейке. Когда в мамином клюве оказывалась добыча, они мгновенно образовывали круг вокруг неё, и та отдавала пойманное своим прожорливым деткам, соблюдая строгую очерёдность. Папа лебедь плыл последним и зорко наблюдал за своим семейством, водной гладью, небом и камышами. Его грациозная осанка вызывала восхищение. В птице чувствовалась сила, уверенность, готовность в любое мгновение защитить свою семью.

Кристально чистая вода искусила меня на купанье, но проплыл я не более пятидесяти метров и вернулся — она была очень холодная. На берегу я никак не мог согреться, несмотря на жару. Мальчишки дотрагивались до моего холодного тела, визжали от восторга и гонялись за мной по крошечному пляжу.

Наше озорство прервала жена.

— Смотрите, лебеди!

Они были метрах в десяти от берега.

Машенька сбегала домой и принесла хлеба и вареного картофеля. Мы стали бросать их в воду.

Мама лебедь первой брала пищу в клюв, проверяла и измельчала каждый кусочек и бросала их на воду, где её потомство, сражаясь за каждую кроху, с удовольствием всё проглатывало.

В надежде выманить лебедей из воды я всё ближе и ближе к берегу бросал комочки пищи. Через некоторое время мама лебедь со своим прожорливым потомством плавали в метре от берега.

Неожиданно папа лебедь зашипел и поплыл к берегу, а мама лебедь заняла его место в трёх метрах от берега. Серые комочки последовали за ней, подальше от берега.

Машенька с детьми отбежали подальше.

Папа лебедь принял угрожающий вид и вышел на берег. Он вытянул шею, зашипел, похлопал крыльями и, весь такой страшный и грозный, пошёл на меня. Я отступил немного назад и бросил «агрессору» кусочек хлеба. Тот посмотрел на меня, выждал паузу и съел. И так второй, третий и последующие кусочки. Потом я поставил ему кастрюлю с остатками корма и отошёл к жене и ребятишкам.

Лебедь опустошил содержимое кастрюли, и семейство удалилось к камышам. Я наметил место для вечерней рыбалки.

Отдохнув после обеда, я накопал в саду за сараем червей и пошёл к крыльцу за удочками. И уже миновал курятник, когда на меня набросилось нечто ужасное. Я едва успел выставить левую руку перед лицом. Огромная птица вцепилась когтями в мою руку. Петух клевал мою руку; когти, казалось, проникли до кости. Придя в себя от неожиданного нападения, я ударил правой рукой по петуху. Он соскочил с руки, но не убежал, а занял атакующую позу и пошёл на меня. Резко уйдя в сторону, я оказался сзади петуха, поймал его за спину, немного потрепал и выбросил в огород. Вернулся домой, залил раны спиртом, а уже вечером сидел на мостике и ловил рыбу. Рыбалка оказалась на редкость удачной — поймал больше десятка карасей, несколько окуней и две плотвички. В общей сложности около четырёх килограммов. Было поздно, почти темно. Занёс ведро с рыбой в сарай. Накрыл его большой старой сковородой, сверху положил полено и пошёл спать.

Проспал до девяти часов. Разбудили меня ребяташки, им очень хотелось посмотреть, какую рыбу поймал папа вечером. Мы пошли смотреть улов, но в сарае нас ожидал сюрприз. Тяжеленная сковорода и полено валялись на земле. Вокруг ведра с водой были мокрые пятна и рыба чешуя, но рыбы в ведре не было. На песчаном полу увидели следы взрослой лисы и лисят.

Лиса прорыла нору под стеной сарая со стороны леса, полакомилась рыбкой, а так как её оказалось много, то она привела весь свой выводок для кормления и обучения рыбной ловле. Ребяташки расстроились, но не пали духом и через некоторое время радостно помогали мне заделывали дыру под фундаментом — подносили камни и кирпичи.

Тёща проверила курятник. Куры и цыплята были целы, но петуха не было. Она расстроилась и сказала, что, наверное, петух утащил лис. Я промолчал, вспомнив о своей встрече с петухом накануне, и подумал, что этот вражина жив. И оказался прав — на второй день петух объявился.

Он исправно исполнял все свои петушиные обязанности: топтал кур, помогал теще их кормить. Правда, по словам тещи, он изменился. Он никого не трогал, ни на кого не нападал. Жена и дети свободно играли во дворе, даже девушка почтальон доносила газеты до самого крыльца. Но стоило мне выйти во двор, петух оставлял свой курятник и начинал следить за мной, он ходил за мной буквально по пятам, но ближе пяти метров не приближался. Даже когда я уходил на рыбалку, он провожал меня до пруда и, пока я сидел с удочками, наблюдал за мной из-за кустов. Тёща не могла понять причину изменений в его поведении, но они её радовали. Она даже кличку ему изменила, вместо «Стенька Разин» стала называть его «Телохранитель».

Время шло, к причудам петуха все привыкли, в том числе и я.

Однажды тёща мне пожаловалась, что под навесом уже более года лежат берёзовые чурбаки, а никто не соглашается их переколоть.

Рано утром я вытащил колоду за пределы двора, чтобы опилки и щепки не засоряли двор, где играют ребяташки. Петух, как всегда, проследовал за

мною. Пока я колол кругляки, он сделал несколько кругов вокруг меня, потом сел на стойку ворот, в которые въезжали на телеге, когда привозили сено или дрова. Расстояние между стойками ворот было больше четырёх метров. Петух посидел на одной стойке, прокукарекал, потом перелетел на вторую стойку за мою спину, поднялся на цыпочки, похлопал себя по спине крыльями и пропел своё любимое «Кукареку!» Солнце поднималось всё выше и выше. Стало жарко. Я разделся до трусов и продолжил колоть кругляки. Когда я в очередной раз согнулся, чтобы вытащить колун, то почувствовал острую боль в шее. Петух сверху набросился на меня, вонзил свои когти в плечи и начал клевать меня в голову. Я схватил его за шею, с болью оторвал его когти от тела и со злостью бросил на землю. Петух вскочил на ноги и, в панике развив огромную скорость, побежал в сторону курятника. Он не вписался в открытые ворота, ударился о стойку и упал замертво.

А я пошёл домой заливать раны спиртом. Когда вернулся к дровам, петуха уже не было.

Мы две недели гостили у тётчи, Стенька не объявлялся.

И уже дома получили от тётчи письмо и узнали, что петух вернулся в курятник на следующий день после нашего отъезда. Он стал ещё более злым. Сначала напал на соседа, потом на почтальоншу. В итоге теща его зарубила, но к мясу своего любимца не притронулась — отдала пострадавшему соседу.

Виктория МУШКОВА

**ЛИРИЧЕСКИЕ
ОТКРОВЕНИЯ
ЭПОХИ ИСХОДА**

Есть книги — и среди них, как ни странно, именно сборники стихотворений, отзывающиеся всею своей лирической целостностью на болевые процессы. Такова нашумевшая книга лирики Ирины Евсы «Юго-Восток» (2015), где просматривается облик утраченной в сердцах Украины. Такова — с иными, более отчетливо выраженными акцентами — и книга лирики Вячеслава Шаповалова «Чужой алтарь» (2011). Открывая новую тему, она стала своеобразной исповедью потерянного поколения, все утраты и обретения которого пронизаны щемящей болью, вызванной ощущением неизбежности трагического исхода, обусловленного геополитическими причинами.

Крах империи и последующие катаклизмы на постсоветском пространстве не притупляют у поэта чувства родины, искренней любви к маленькой Киргизии, в которую в стародавние времена переселились его предки и которая волею судеб оказалась для него всем — и домом, и кровом, и источником вдохновения — крохотной и в то же время огромной вселенной, из которой открывается дорога в большой мир. Однако родина уже не та, что прежде: она изменилась, не столь приветлива и благосклонна к поэту; ему остается лишь вспоминать о времени, когда «расправляла крыла» дружба, а позиция русскости в центрально-азиатском мире казалась прочной и незыблемой: *«Народ с народом — бережно сходясь, / здесь русский знал киргизское наречие... / Союз людских племен очеловечивая, / над колокольнями, сердца просвечивая, / вилась крестов возвышенная вязь»* («Русская Троя»). Именно поэтому любая весть, напоминающая о недавнем духовном единстве и родстве, вселяет в сознание поэта надежду, что не все потеряно, порождает радостные эмоции, прорывающиеся сквозь колкие поэтические строки: *«Облака летят, на короткой ноге / С действующими президентами СНГ, / В глазах у осадков сухой вопрос: / Не надо НАТО — на шо с нами ШОС?»* («Хроника культурной жизни»).

Воспоминания о былом важны для Вячеслава Шаповалова потому, что помогают нивелировать ощущение социального дискомфорта, смягчить эмоционально-психологическую травму, вызванную глубинным осознанием масштабы происходящих трагедийных событий. Где-то подспудно возникает мысль о кольцевой композиции нашего бытия, в котором черные полосы сочетаются с белыми, а прошлое в новом обличье приходит в далеком будущем. Осознанию трагедийности также способствует осознание поэтом самого себя и своего творчества в границах расширенного исторического пространства, в котором есть место и далеким героям кыргызского эпоса, и традиционным национальным культурам, и упокоившейся в Переделкине плеяде советских переводчиков, учителям и друзьям, которых уже нет в этом мире, и среди них — Михаилу Гаспарову, Андрею Вознесенскому, Евгению Озмилетю, Льву Шейману и, наконец, великому Айтматову, благодаря которому крошечная Киргизия стала известна всему миру: *«Кто б знал эти склоны и доли, в веках позабытые, / Когда б не звенели о них озаренья Айтматова!»* («Имперская элегия»).

Движение эпох в рамках масштабного исторического пространства неизменно влечет за собой смену приоритетов и общественных ценностей, в результате чего и вновь происшедшие трансформации, в возможность которых ранее трудно было поверить, представляются хотя и болезненными, но вполне закономерными, обусловленными самим течением времени: *«Щекочет ноздри прах веками прежними, / отар на склоне гаснет пентаграмма, / кружась, ткут облака над побережьями / свой млечный холст — для парусов Адама»* («Вечерний пейзаж»).

За кулисами аллюзий лирический герой Шаповалова вольно или невольно отвлекается от насущных каждодневных забот и проблем, преодолевает психологический дискомфорт, начинает ощущать себя песчинкой в многомерной Вселенной. никоим образом не утрачивая своей индивидуальности, он в то же время перестает концентрироваться на трагических перипетиях собственного существования, задумывается о том вечном движении, благодаря которому происходит не только неизбежное обновление, но и сохранение новыми поколениями духовных ценностей предшественников: *«Летит иноходец и длится любви заклинание / Над пустошью лет, над людскою судьбой одичалою! — / На дне этой жизни, невнятной, как воспоминание, / Дрожит тополек, не укрытый косынкою алою»* («Имперская элегия»). Именно сопричастность вечности придает осмысленность хрупкой человеческой жизни, причем границы бытия раздвигаются и лирический герой попадает из «азиатского круга» (формула, растиражированная его собратьями в Киргизии), в котором он существует в силу объективных обстоятельств, в «круг веков», в котором рушатся пирамиды, становятся иллюзорными надежды: *«Не лукавь, / взглянув на круг ипподрома — / круг земной. / Тебе только кажется, что ты дома. / Это дом не твой. / Не роняй, однако ж, в бессилье руки, / ты ведь не таков, — / ибо ты не только в азиатском круге, / ты — в кругу веков»* («Азиатский круг»).

Однако и историко-философская нота не позволяет полностью преодолеть трагическое мироощущение, поскольку подлинная трагедия состоит не в распаде

СССР (как мы помним, все империи, в том числе и самые великие, рано или поздно распадались), а в тех геополитических последствиях, которые он вызвал.

Немало русских пришло в Киргизию задолго до революции, вместе с первыми экспедициями П.П. Семенова-Тян-Шанского и Н.М. Пржевальского, открывавшими европейской цивилизации кочевой мир юрты. Для первых русских поселенцев Киргизия была чужой землей, их стремление изменить вековечный порядок вызывало отторжение людей, населявших дикий край, неприятие самой первобытной природы: *«О певец Калыгул, пусть подули иные ветра, / все — солжет, / не солжет лишь надежды изустная книга. / А она говорит, что деяний людских не поймет / и не примет природа: / спокойно осенний ковыль догорает, / если русский придет, то его неизбежен исход — / минет год или тысячелетье, / ибо Время — никогда ничего не теряет»* («У памятника Семенову-Тян-Шанскому»). В стихотворении «Пржевальский» в двух удивительно глубоких строках Вячеслав Шаповалов одновременно акцентировал как трагичность судьбы великого путешественника, нашедшего последнее пристанище на берегу Иссык-Куля, так и иллюзорность, эфемерность идеи преобразования «другого мира» по своим лекалам: *«В тифозном бреду разве вспомнить, зачем начинали / дорогу в полмира — чтоб путь оборвался в полсвета»*. В особенности бессмысленной становится тяга к преобразованию того самого «азиатского круга», жизнь которого неспешно течет по тысячелетним скрижалям: *«Бесконечная Азия счет своим дням не ведет, / век не движется, ибо бессмысленно это движение. / Все вернется на прежние тропы. / Мирозданья невидимый ход, / кочевая звезда — кочевого костра отраженье»* («У памятника Семенову-Тян-Шанскому»).

Если печальный исход изначально был неизбежен, то почему он столь катастрофичен в восприятии поэта? За те без малого полтора века, что прошли со времен тех памятных экспедиций, выросли новые поколения русских Киргизии; и для этих детей, внуков, правнуков далекий край стал, казалось бы, единственной родиной, которую нельзя не любить. Для этих поколений особенно значимой стала нерасторжимая связь со страной предков, где они родились, где прошла их жизнь, где они отдали все свои силы, поднимая промышленность, развивая науку и культуру. И даже *«смерть большевистской империи, крушенье культур и надежд, маскарад безъязычия»*, приведшие к тому, что позиция русскости на постсоветском пространстве ослабла и сама родина стала по-иному относиться к русским, не заглушили большого светлого чувства к земле, ставшей судьбой: *«В дерьме, в огне, в родной стране, / но с Божьим словом наравне, / в аду, в раю, идя по краю / и повторяя “Мать твою!..”, / я гимны прежние пою / и родину не укоряю»* («Нас было много на челне...»).

Чувство родины оказывается устойчивым к самым жестоким перипетиям повседневности; оно не разрушилось ни с гибелью империи, ни с изменением отношения к русским со стороны многих представителей титульных наций в центральноазиатских государствах, ни с трансформациями политического устройства, вызванными цветными революциями. В восприятии Вячеслава Шаповалова само понятие родины оказывается одним из стержневых, нравственно

скрепляющих личность, тогда как исторический процесс предстает во всей его сумбурности, объяснимой стремлением к сиюминутным выгодам и краткосрочным интересам: *«Сотворение истории — элементарно: / все, что происходит, делается на бегу. / Каждая эпоха рождает себе минотавра, / накануне отдаваясь соответствующему быку»* («Ода цветным революциям»).

На долю Вячеслава Шаповалова и его поколения выпало грустное осознание потерянности, вызванное необратимостью исхода, — русские покидают центральноазиатское пространство и больше туда уже не вернуться: *«Эпоха исхода: / народы уходят — / чтоб не встречаться вновь»* («Азийский круг»). Достижения цивилизации, ради которых были отданы годы кропотливого труда — в промышленности, науке, культуре, образовании, будут утрачиваться. И в этом трагедия не только лирического героя как выразителя мыслей и чувств русских в Киргизии, но и трагедия самих киргизов, еще не осознаваемая ими, увлеченными возвращением к родным истокам, к народным культурным корням.

Отвергая достижения цивилизации, националистически настроенная часть общества считает их навязанными вмешательством извне. Поэт с усталым равнодушием констатирует: *«И там, где вновь расцвел костер кочевника, / где тих туман, в лощинах оседа, / прикурит от горящего учебника / вечерняя зарница молодая»* («Вечерний пейзаж»). Глубокий образ зарницы, которая одновременно оказывается и «вечерней», и «молодой», словно подчеркивает всю неуместность возвращения отдельно взятого народа к укладу первобытного кочевого мира, находящегося на другом полюсе общественного развития и чуждого мировым культурным ценностям, это негромкое предостережение тем, кто радуется происходящему, поскольку, вспоминая Гераклита Эфесского, «в одну и ту же реку нельзя войти дважды».

В «Имперской элегии» Вячеслав Шаповалов разворачивает перед читателем характерную картину преображения пророков, изверившихся в возможности достучаться до сердец и умов «дураков-соплеменников», в политиков, имеющих свои прагматические цели: *«Пророку в отечестве худо: охрипнув, аукает, / Бесхозных выводит на свет дураков-соплеменников, / А вслед ему юные волки, свистя, улюлюкают / Да смотрят бесслёзные очи его современников. / И все они — нытики, критики и паралитики — / Ни знать не желают, ни видеть, ни верить, ни чувствовать. / Устав и изверясь, пророки уходят в политики»*. Отсутствие диалога с культурным наследием предков, с историческим прошлым, утрата связующей нити поколений способны привести народ к трагическим событиям, в частности, скрытым под личинами цветных революций, вершители которых, уверяя окружающих в том, что наконец-то наступила «новая историческая фаза», в реальности повергают свою страну в пучину лихолетья, из которой невозможно выбраться без потерь: *«Только опасливый взгляд на падающее светило / говорит, что не кончится это добром, / и бродит в умах, коим пофартило, / произнесённое имя — Погром... / А дальше? Новая историческая фаза / самопознания толпы / в сладостном единстве мародёрского экстаза, / в копоты и огне судьбы»* («Ода цветным революциям»).

Порождениями цветных революций становятся не только войны, переделы сфер влияния, но и определенные трансформации массового сознания, в котором очернение исторического прошлого вызывает отторжение от русского мира как символа имперского начала. Вячеслав Шаповалов показывает, насколько нелегка судьба русского человека в «азиатском круге», насколько неустойчиво то зыбкое равновесие, в котором пребывает его хрупкий внутренний мир. От России, что «*хранима в сердцах*», он ждет большей геополитической активности, большей заинтересованности в судьбах русских, оказавшихся рассеянными по всему миру. Поэт сожалеет, что современная Россия во многом похожа на кукушку, забывшую о «*разбросанных <...> птенцах*», и риторически вопрошает: «*Мы виновны ль, коль гнёзда тесны, / коль язык нам дарован для пенья / далеко от родимой страны?*» («Вечер поэзии в Доме отдыха»). В стихотворении «Азийский круг» та же мысль звучит более резко, как крик души человека, трагически переживающего свою потерянность, позабытость: «*Что страшнее, когда отвернулась Россия / от своих сынов!*» Поэт не верит в то, что счастливое существование малых «птенцов» сможет долго продлиться вне материнского крова, вне чуткой материнской заботы. «*Вот и коротко наше мгновенье*», — замечает он в стихотворении «Вечер поэзии в Доме отдыха», невольно подводя к мысли, что опустошенность души, утрата опоры неизбежно приведут к полному исходу, — недалек тот день, когда на берегах Иссык-Куля перестанет звучать русская речь.

Подводя итоги пережитого, поэт склонен размышлять об удачах и поражениях, о радостях и тревогах. Особый трагизм этим размышлениям придает осознание того, что жизнь стала дорогой в никуда, что стремления и надежды молодости не оправдались: «*Жизнь — позади, мы пришли, в никуда вырастая: / от озаренья души — к пустоте мирозданья*» («Дорога»). Поэт с тревогой думает о том, что ожидает его народ, — сможет ли он справиться со всеми напастями, найти верную дорогу, отстраниться от навязываемых ему извне «мародерских» настроений. Если в прошлом он находит внутреннюю опору, то в будущем видит лишь становящийся неподъемным груз неизвестности: «*А тело бредет по погостам, / присматривая, где прилечь / согласно кладбищенским ГОСТам — / и сбросить грядущее с плеч*» («Заболоцкий»).

Впрочем, не все так трагично, и поэт, чувствуя себя малой частицей народа, рассеянного по всему свету — от Аляски и Канады до Австралии и Новой Зеландии, — находит в себе мужество, чтобы встретить «*час испытаний*», не переиначив «российской яркости черты»: «*Пусть нас рассыпало по свету, / но мы храним надежду эту, / как виденную раз комету: / фамильный светоч потускнел, / но это ли судьбы предел?! // Час испытаний обозначен, / и лик прародины утрачен, / но мною не переиначен: / сквозь соль азийской смуглоты — / российской ярости черты. // Не привыкать нам жить в изгоях / страны, погрязнувшей в героях — всех этих бесконечных Троях, / без нас / счастливых и чумных, / но с нами — чуждых и чужих*» («Русский след»). Как видим, даже своему «изгойству» он пытается найти объяснение: слишком много у России героев, великих поэтов и ученых, чтобы помнить о маленьких людях, следы которых — в далеких азийс-

ких, кавказских и многих других просторах. Потерянность эта сродни обреченности, но поэт не утрачивает надежды, что впереди еще может забрезжить свет, что судьба еще может повернуться иначе.

Русская поэзия почти просмотрела этот трагический сюжет собственной культуры.

Вряд ли автор сам думает, что исповедальная интонация его поэзии звучит как голос в хоре потерянного поколения. Называя поэта «эпичным», критик Майя Кучерская не одинока; еще знаменитый Бахыт Кенжеев, имея в виду у Шаповалова тему утрачиваемого мира, отмечал, что его «тональность не столько *лирика*, сколько *мелика*, обращение рапсода к аудитории». Станным образом столкновение двух достаточно далеких друг от друга авторов — Кенжеева и Шаповалова — породили неожиданную формулу: «поэты-мигранты». Это заставляет не без горечи обнаружить неожиданный вектор самоощущения лирического героя поэзии Шаповалова: от идентификации себя как представителя большого этноса, от чувства трагического родства с историей, от ощущения масштабности раскола — к нарастающему и становящемуся всеохватным одиночеству мигранта (*«полегло бывшее — уж как помогли испытанья, / поколенья в пределы отчие не возвратятся, / горстку варваров встретит забвенная испитая — / не то череп в окладе, не то оскал святотатства»*), к апофеозу безнадежности и бессмысленности человеческого пути. Настоящее у лирического героя поэзии Вячеслава Шаповалова все сильнее искажает облик будущего.

Совершенно иным путем, но, кажется, к этой же доминанте приходит одна из значительнейших представительниц современной русской поэзии Ирина Евса. Позволим себе привести обширную цитату из ее интервью по поводу получения ею Русской премии: «...Каким поэтом ощущает меня моя страна? Если мать с детства говорит ребенку, что он — родной и любимый, он и будет чувствовать себя таковым. А начни она внушать ему, что он — подкидыш, таким он и станет. Еще до перестройки я назвала литераторов, живущих в Украине и пишущих на русском, бесхозными. Очень точно это потом сформулировал Александр Кабанов — «меж двух отчизн, которым я не нужен». В этом смысле мало что изменилось за время независимости. А потому украинским поэтом я назвать себя не решаюсь, поскольку моя страна считает иначе. Слово «русскоязычный» всегда внушало мне отвращение. И в то же время я не уверена, что вправе назвать себя русским поэтом, поскольку на русском языке я описываю отнюдь не российские реалии. «Как твое имя?» — спросил Циклоп Одиссея. И тот ответил: «Никто». Ну, что ж, если я и в самом деле для Украины — Никто, могу сказать одно: за столько лет я к этому притерпелась».

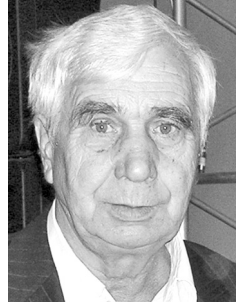
Это горестное признание — укор стране и обществу, где проходит жизнь и длится творческий путь Ирины Евсы. Судьба же народного поэта Киргизии, заслуженного деятеля культуры — счастливее.

Тогда откуда такая тревожная общность в ощущении сталкивающихся времен — настоящего и будущего?..

Эдуард АНАШКИН

ПО ПРАВУ ПРАВДЫ

С каждым годом неумолимо редет круг друзей. Зябкий ветерок прощания все чаще касается покрытых серебром волос. Не просто неуютно, но сиротливо ощутил я себя, когда в день своего рождения умер Валентин Григорьевич Распутин. Вспомнилось вдруг въевшееся это ощущение из детства, детдомовское ощущение, что тебя покинул едва ли не самый близкий человек... Некоторые, возможно, захотят меня поправить, что Распутин умер не в день своего рождения, а накануне. Но и тут включился тот символизм, который неизбежно присутствует в жизни великого писателя. По московскому-то времени — накануне. Но с учетом часовых поясов это не совсем так. Да и не в часовых поясах дело. Главная причина в том, что жил-то Распутин по-сибирски, настолько корневой был, что название «московский писатель» по отношению к Распутину ощущается с натяжкой, хотя, конечно, Москва немало дала ему, провинциальному сибирскому гениальному мальчику, будущему писателю всея Руси. Сибиряки-земляки, к которым по праву рождения причисляю себя и я, уверены: Распутин умер именно 15 марта, в день своего рождения. В Сибири уже была глухая ночь — 15 марта. Так же считают и священнослужители. И как бывает, когда уходят очень близкие люди, целый год я не мог убрать из телефона ни его московский домашний номер, ни иркутский, ни сотовый. словно ждал его звонка, не веря в его кончину. А до распутинских дарственных книг с автографами, его писем, открыток, телеграмм смог дотронуться только после годовщины со дня смерти. И то после звонка выдающегося нашего литературоведа Сергея Куняева, который попросил подумать о материале про Распутина.

Сразу же хочу выразить глубокую признательность известному иркутскому прозаику, критику Валентине Андреевне Семёновой, от моего имени возложившей букет цветов во время похорон Распутина и в годовщину со дня его смерти...

Мое эссе вовсе не воспоминания о Распутине — чего вспоминать, если я его никогда не забывал. Как вечное напоминание о нем — стоящий на моем рабочем столе первый в России бюст Валентина Григорьевича работы московского скульптора, народного художника России Николая Александровича Селиванова. Спасибо Николаю Александровичу за то, что подарил его мне! Русская литература в лице лучших ее творцов — Михаила Ломоносова, Павла Васильева, Николая Клюева, Василия Шукшина, Николая Рубцова, Юрия Бондарева — занимает значительное место в творчестве этого скульптора. Год назад эту галерею выдающихся людей дополнили прекрасные скульптурные портреты Василия Белова и Валентина Распутина. «Хочу своими скульптурами оставить в памяти потомков память об этих великих деятелях нашей культуры», — говорит Селиванов. Сегодня уже более 80 работ Николая Александровича хранятся в 38 музеях нашей страны! Славная память!

Я не впервые пишу о Валентине Григорьевиче. Но впервые пишу — посмертно. Мои воспоминания и очерки о нём публиковались в региональной и центральной печати, было дело, сейчас даже странно вспоминать, но окорачивал зарвавшихся бойких журналист и критиков Распутина, очевидно не понимавших, на ЧТО они руку поднимают, точнее, грязное свое перо. Но в основном доводилось мне писать о Распутине-писателе. А вот как о человеке, земляке начал писать не так давно. Хотя знакомы мы с Валентином Григорьевичем целую вечность — с того далёкого 1965 года, когда он делал свои первые шаги в литературе. Мы тогда ещё не нажили отчеств, были молоды и нетерпеливы. И все у Распутина тогда было еще впереди — признание, книги, ордена, премии. А главное — его чудесные произведения, в которых русский наш язык явлен в такой красоте и силе, что поневоле понимаешь: такой язык не может не быть дан писателю не иначе, как свыше.

...15 марта, вторник. За окном снег, 5 часов утра. Уже много десятилетий просыпаюсь в это время. Кофе, сигарета, письменный стол. Обычный вроде день. Да нет! Сегодня год со дня смерти Распутина. Включаю телевизор — об этой скорбной годовщине, как и о Распутине, ни слова. Чем только ни заполнен российский телеэфир, каким только мусором в виде новостей о свадьбах и разводах безголовых певичек и прочих актёров... Что это за российское телевидение такое, что Россия-то ему как раз и не интересна? Но, слава Богу, в иркутских газетах, журналах много пишут о Валентине Григорьевиче. А после его смерти многие люди стали особенно интересоваться его творчеством и биографией. Что ж? Что имеем — не храним! За последний год, минувший после смерти Распутина, у него столько друзей появилось — и таких, что подчас врагов не надо. Пишут не столько о произведениях, сколько лезут в личную жизнь, видимо, такое «влезание» считая главным доказательством близкой дружбы. Пишут, чем он болел, какие ему делали операции, — ощущение такое, что изучили медицинскую карту!

В.Г. Распутин и Э.К. Анашкин

распутинской скромности некоторые факты его биографии. Родился Валентин Распутин в районном центре Усть-Уда Восточно-Сибирской (ныне Иркутской области). Его отец Григорий Никитович (именно так значится на его могиле в Аталанке, о чем просветила меня племянница Распутина Екатерина из Братска) работал в Усть-Удинском лесничестве лесником, часто ездил в другие деревни по служебным делам — тушить пожары, пресекать незаконные вырубki леса. После свадьбы Григорий Никитович работал экспедитором в райпотребсоюзе. Между прочим, мало кто знает, что местом одной из многих сталинских ссылок была Усть-Уда! Причем, став генсеком, Сталин не забыл о ней, и по его указанию многие юные усть-удинцы побывали в Москве.

Когда семья Распутиных в 1938 году переехала в Аталанку, отец устроился работать сопровождающим почту при Аталанском отделении связи, а жену его Нину Ивановну, маму будущего классика отечественной литературы, приняли на работу на должность писмоносца — почтальона. Однажды в Доме творчества Переделкино я спросил у Валентина Григорьевича: почему именно в Аталанку переехала семья? Ведь эту деревню не найти на картах даже в Иркутской области, не то что России!

Вячеслав Огрызко в статье «Возможен ли прорыв» (книга «Время Русь собирать», Москва, 2005 г.) пишет о Распутине: «Он очень долго умалчивал о своих родителях». Как говорят у нас в Самаре, любит Вячеслав Вячеславович ежа запустить под череп читателю.

Обычно самые невероятные слухи рождаются при недостатке информации. Сам Валентин Григорьевич особо про свою личную жизнь не рассказывал. Да и с чего? Но эта жизнь стала той «питательной средой», на которой расцвели его прозаические шедевры на радость и гордость всей России. Ну уж раз пошли биографические копания, придется вывести из тени

Распутин почти дословно ответил мне так: «Дело в том, что в этой деревне жила вся огромная семья Распутиных, жил дедушка Никита Яковлевич с бабушкой Марией Герасимовной (в девичестве Черновой). А вот откуда дедушка появился в Аталанке, где женился на бабушке, — вопрос для меня не изученный. В Нижнеудинском районе нашей области жили да и живут много тофаларов, жили деревнями и друг друга не сторонились, потому перемешались, теперь и не понять, где русские, где тофалары. Вот дедушка, видимо, из тех краёв...»

— В моей крови намешано много: и польская, и цыганская, и тунгусская, и русская, — тогда же сказал мне Валентин Григорьевич. — И хотя сейчас нам старательно внушают, что мы россияне, но какой это я россиянин? Да, у меня в паспорте теперь нет графы национальность. Но сколько я ни был за границей, то слышал только то, что я русский... Да и в тебе, Эдуард, как я заметил, тоже разных кровей намешано. Не ошибаюсь?..

— Не ошибаетесь, Валентин Григорьевич, — в свою очередь вспомнил свою родословную я. — Прадедушка по отцовской линии — поляк, фамилия Бонзо, был управляющим золотыми приисками в Минусинском уезде Красноярского края. Прабабушка — из богатого казачьего рода Анашкиных. Но брак свой не оформили, потому что прадедушка католик, а прабабушка — православная, хотя и любили друг друга. А другая прабабка по отцу — сербка, прадедушка — из Молдавии. При строительстве Транссибирской магистрали всех их выселили в Петровск-Забайкальск Забайкальского края. А вот со стороны матери я полностью как есть русак! С именем Эдуард, конечно, неувязка получилась.

— Как это понять? — заинтересовался Распутин.

— В 1948 году мои родители приехали в отпуск на родину матери в Орловскую область. Вот здесь-то моя бабушка возмутилась: как так внук некрещёный?! Решили покрестить, но батюшка, посмотрев в книги, не нашёл в них имя Эдуард и предложил родителям наречь меня в крещении Сергием.

Валентин Григорьевич громко и от души рассмеялся:

— Всё ясно. Как и я, настоящий сибиряк!..

На том мы, что говорится, и порешили.

...В 1939 году в семье Распутиных хлопот прибавилось — родилась сестра Валентина Григорьевича, которую называли Альбиной, но родственники и односельчане её звали просто Ага... Весть о начале войны в Аталанку запоздала (радио в селе не было), так что о начале Великой Отечественной в затерянной в бескрайних просторах Сибири Аталанке люди узнали из газеты «Правда», приехав с пахоты. В списке призывников на фронт был отец Валентина Григорьевича Распутина — Григорий Никитович. На военные сборы он прибыл 19 июля 1941 года. Вслед за ним ушли десятка два его односельчан и родственники — сестра Клавдия Никитовна, брат Виктор Никитович, зятья: муж сестры Александры — Алексей Анциферов, муж сестры Кристины — Алексей Спирин. Виктор Никитович, дядя Распутина, как и многие аталанцы, не вернулся домой,

погиб в 1942 году под Сталинградом. Зять, муж сестры Кристины, Алексей Терентьевич, умер от ран в 1944 году под Витебском. На фронт призывался и дед Валентина Григорьевича — Никита Яковлевич Распутин, воевал под Ленинградом, участвовал в прорыве блокады, получил тяжёлое ранение, после лечения был комиссован.

...Отец Валентина Григорьевича воевал на мурманском направлении. На этот северный порт наступал отборный горно-егерский корпус фашистов. Распутин-отец был одним из тех, кто своей грудью встретил первый удар врага. Здесь и получил ранение. А затем, после лечения, опять в строй.

— Папа вернулся домой 7 октября 1945 года, — пишет мне сестра Валентина Григорьевича Альбина Григорьевна, — весь в орденах и медалях. О фронте отец ничего внятного не рассказывал, всё больше отмалчивался, может, не хотел ворошить трагическую память, расстраивать меня и брата?

Хотя в самой Аталанке старожилы деревни вспоминали о Распутине-отце как воине доблестном — попадал в тыл к немцам, выходил из окружения вместе со своим ротным командиром.

— В ноябре 1945 года папа поступил на работу в Аталанское отделение связи, работал начальником отделения, — вспоминает дочь Альбина Григорьевна, — а мама уже работала контролёром на почте.

В 1946 году в семье Распутиных родился третий ребёнок — сын Геннадий. И тогда же в семье произошла трагедия.

Григорий Никитович, в очередной раз получив крупную сумму денег как начальник отделения связи, для выплаты рабочим в Аталанке, встретился в райцентре с друзьями. Встречу по-мужски так хорошо отметили, что Григорий Никитович сел на пароход и заснул. Русский человек вообще беспечен, пока не найдется подлец, который обязательно этой русской беспечностью воспользуется. И такой подонок нашёлся — срезал у пьяного мужика сумку с деньгами, и загремел Григорий Никитович в Магадан, на рудники, на 7 лет. Вернулся домой по амнистии только в 1953 году, совсем больной. Вот уж жестокая русская правда: от сумы и тюрьмы не зарекайся. А тут срезанная сума и привела человека в тюрьму! После возвращения на свободу отца Распутина приняли на работу десятником в Замараевский лесозаготовительный пункт Аталанского леспромхоза. Умер Григорий Никитович в 1974 году в возрасте 61 года. Похоронен в Аталанке, там же, где покоятся его отец и мать, похоронен его младший сын Геннадий в 2001 году и многочисленная родня Распутиных — Черновых.

«После похорон отца маму Нину Ивановну я взяла к себе в Братск, — говорит сестра Распутина Альбина Григорьевна. — Прожила она у меня до 85 лет и похоронена в Братске. Валентин каждый год приезжал к нам повидаться. А мы с мамой каждый год, как только наступала весна, на «Метеоре» уплывали в Аталанку и жили там в родном доме до глубокой осени. Возились на огороде, заготавливали грибы и ягоды.

— Отца, я, конечно, простил за его грех, хотя, признаюсь, простил не сразу, — признался как-то в разговоре со мной Валентин Григорьевич во время нашей встречи в Иркутске на всероссийском литературном празднике «Сияние России». (Эта наша встреча оказалась последней!) Маму очень жаль, очень досталось маме, — рассказывал Валентин Григорьевич. — Работу на почте ей пришлось оставить. Да и наши односельчане не сразу поверили, что сумку у отца украли: судачили разное, иные говорили: прикарманил... Мама, которую я сильно любил до самой её смерти, с грудным ещё ребёнком, сестрой и со мной переехала в деревню Замараевку. Здесь находился лесозаготовительный пункт, и мама устроилась на работу банщицей в казённую баню. Целый день коромыслом, вручную, носила воду для бани. Труд очень тяжёлый, но надо было как-то кормить нас, ребятшек.

— А как тяжело жили мы в Аталанке во время войны, даже вспоминать не хочется, — Распутин, помнится, грустно посмотрел на меня и, словно ободряя почему-то меня, положил мне руку на плечо. — После похоронки на мужа в 1944 году в Аталанку вернулась в родительский дом отца сестра Кристина со своими четырьмя малыми детками. Моя бабушка, Мария Герасимовна, отдала ей большую часть дома, а в маленькой поселилась сама со своими детьми Татьяной и Леонидом. Здесь же утились и мы с мамой.

Непростая выдалась судьба и у дяди Распутина, Леонида Никитовича. Как и многие его сверстники, в годы войны работал наравне со взрослыми на лесозаготовках.

— Мужиков тогда не хватало, все воевали на фронте, но планы лесозаготовок никто не отменял. Вот собирали и старых, и малых. Я в бригаде валила лес, а Леонид был возчиком, перевозил брёвна на лошадях, — это уже рассказала мне Полина Николаевна Распутина, которая в дальнейшем стала женой Леонида.

Кристина Никитовна, тетя Распутина, тоже не лытала от дела — на лесозаготовках валила лес, рубила сучки. А так как только одна Мария Герасимовна из всей родни трудилась в колхозе «Память Чапаева», то и делянку для покоса ей давали одной. Вот и приходилось держать только одну коровёнку. А что это значило для семьи из 12 человек?

— Тяжело было, — вспоминает сестра Распутина Альбина Григорьевна. — Мы с Валеёй глубокой осенью и ранней весной ходили на колхозные поля, где выращивали картошку. Неважно, какая картофелина попадалась, всё несли домой. А осенью нас выручал лес — грибы, ягоды: брусника, клюква, облепиха, голубика, смородина.

Лес-батюшка всегда выручал русского человека!..

Возвращаясь к Распутину, именно в Аталанке он пошёл в начальную школу, которую успешно окончил, и перед матерью встал вопрос: что дальше? Нина Ивановна, как любящая мать, приняла мудрое решение: сын должен учиться дальше. Он был первым из деревни, кого повезли учиться дальше в среднюю школу, в райцентр Усть-Уде.

О том, как Валя Распутин жил и учился в средней школе райцентра, хорошо сказано в его знаменитом рассказе «Уроки французского». А ведь это было за пятьдесят километров от дома. Окончив в 1954 году с медалью школу, Распутин поступает на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В студенческие годы стал подрабатывать внештатным корреспондентом областной молодёжной газеты «Советская молодёжь». На физмате Иркутского университета училась старшая дочь известного иркутского поэта, первого председателя иркутской писательской организации Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, Светлана. Они с Валентином познакомились, стали общаться, а затем дружба переросла в любовь. На дворе стояло лето 1960 года. Но годом ранее Валентин Распутин закончил университет и стал работать корреспондентом в областной молодёжной газете, где в студенческие годы был внештатником. С 25 февраля 1961 года Валентин и Светлана стали жить вместе, а официально зарегистрировались 11 октября этого же года.

Первый рассказ «Я забыл спросить у Лёшки» — романтическая история о дружбе и смерти — был напечатан в 1961 году в журнале «Ангара». 21 ноября этого же года в семье Распутиных появился малыш — сын Серёжа. В 1962 году Светлана окончила университет и получила направление на работу преподавателем высшей математики Красноярского технологического института. В августе молодая чета Распутиных уехала в Красноярск, где они получили комнату в общежитии для педагогов. Распутин устроился на работу в областную газету «Красноярский рабочий».

Чего только сегодня не пишут о втором сыне Распутиных Романа: и родился-то он в Красноярске, и здесь же умер и похоронен, и жили-то Распутины в бараке, где и простудили ребенка так, что даже имя ему не успели дать. Слухами земля полнится, а уж когда человек именитый — тем более! В марте 1966 года Распутины возвратились на постоянное место жительства в Иркутск. И вот 15 октября 1968 года у них родился сын Роман, умерший от пневмонии 28 ноября 1969 года. Похоронен ребенок в Иркутске.

Не могу не сказать несколько теплых слов о Виктории Станиславовне Молчановой — теще Валентина Григорьевича Распутина, которую он не только уважал, но и любил. На книге Валентина Распутина «Что передать войне?», изданной в Кургане в 1995 году, которая хранится у младшей дочери Евгении Молчановой, такой чудесный, как сегодня бы сказали, эксклюзивный автограф:

«Жил-был зять... и была у него одна теща (а посмотрите-ка, сколько теперь у зятьёв бывает тещ!), и этот зять дарит своей единственной теще в день её юбилея юбилейную книгу не в последний раз. Итак — Виктории Станиславовне, любимой теще, от зятя Валюши.

В. Распутин. 14 апреля 1996 года».

...Накануне своего золотого юбилея Валентин и Светлана Распутины 12 октября 2010 года венчались в храме Касперовской иконы Божьей Матери по

Могила В.Г. Распутина на территории Знаменского монастыря (Иркутск)

улице Лесной, 145. Таинство венчания совершил протоиерей Алексей (Серединов). А 15 марта 2012 года в день своего 75-летия Валентин Григорьевич с супругой, уже на тот момент тяжело больной, возвратились из Москвы в Иркутск. Болезнь Светлана Ивановна переносила стойко. Никогда не жаловалась, даже когда боль была непереносимой. До самой её смерти, 1 мая 2012 года, рядом с ней была её младшая сестра Евгения Ивановна, жена известного в России поэта Владимира Скифа...

...Утром к нам в гости пришёл внук Архип, он восьмиклассник местной средней школы. С порога радостно извещил:

— Дедуля, вчера вечером пошарил в компьютере и нашёл статью о Распутине. Распечатал, принёс, читай.

Поблагодарил внука, принялся читать. Но, как говорится, лучше бы не читал! Статья «В пламени Пожара» появилась 2.12.2015 года. К сожалению, как многие статьи о Распутине, изобилует «новостями» и «фактами», высосанными из пальца. «...У молодожёнов (имеется в виду молодая чета Распутиных. — **Прим. авт.**) родился сын Сергей. Ныне он преподаёт английский язык в одной из иркутских школ». Или другой «факт биографии» писателя, что дочь этого сына Антонина, родившаяся в 1986 году, — единственная внучка писателя.

По счастью, Распутин — «многодетный» дедушка! У него четверо внуков: Антонина, Григорий, Люба, Надя. А вот правнучку он дождался и подержал на

руках только одну — Алису. Внучка Антонина жила со своей семьёй у бабушки в Москве...

...Не могу не сказать пару слов о свояченице Валентина Григорьевича. Есть очень многогранное понятие — сибирячка. Произнесёшь это слово, и сразу перед глазами встаёт совершенно непохожий ни на волжанок, ни на северянок образ женщины. Такова статная, сдержанная, но в то же время радушная и открытая младшая сестра Светланы Ивановны — Евгения. Она мне очень много помогала и помогает в работе по сбору материала о Распутине, своей старшей сестре, племяннице Марии. Из породы тех самых сибирячек и Альбина Григорьевна — сестра Распутина, её дочь Екатерина Мавроди, которые так же очень много мне помогли в работе над этим очерком.

Выдающийся современный критик, редактор отдела критики журнала «Наш современник» Сергей Куняев вспоминает, что Распутин по жизни был однолюбом и всегда говорил: «У меня одна родина — Россия, одна любимая жена на всю жизнь и один журнал «Наш современник». Сергею Станиславовичу я благодарен за то, что он своим предложением написать наконец этот очерк сподвиг меня плотнее сесть за работу над ним.

А закончить мне хочется отрывком из статьи Николая Савельева «Живу и помню», которая была опубликована в годовщину смерти Валентина Григорьевича Распутина в «Российской газете»:

«Ему выпало похоронить не только свою дочь, жену, мать, а ещё и старуху Анну, и Настёну, а ещё перешагнуть тюремные ворота с обездоленной героиней последней повести. «О Господи... и это пережить... И сердце на клочки не разорвалось».

Думаю, оно, сердце, разрывалось у нашего классика всегда, на протяжении всей жизни. И гулами разрывов становились его великие произведения, ныне составляющие гордость литературы 20 — 21 веков.

Роман ДАВЫДОВ

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

По профессии Ольга Дарвина журналист. Прошла путь от редактора заводской многотиражки до литсотрудника областных газет «Пензенская правда» и «Наша Пенза». В свободное от основной работы время занимается литературой художественной. Выпустила в Пензе несколько авторских сборников стихов и прозы. А еще Ольга сочиняет песни на стихи М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, а также наших современников — Ларисы Яшиной, Михаила Кириллова, Вячеслава Филонова, Светланы Попеевой и свои собственные.

В свое время она окончила фортепианное отделение 3-й музыкальной школы и даже солировала в тамошнем детском хоре. За эти годы голос окреп, развился. О. Дарвину даже пригласила в свой коллектив основатель Пензенской оперной студии Галина Стояновская. В течение нескольких месяцев она совершенствовала вокальные навыки своей подопечной, аккомпанировала ей на концертах. Уроки мастерства прервала, увы, смертельная болезнь Галины Евгеньевны...

«Я с удовольствием разучивала песню «Прикосновение любви», она не банальна, мелодична», — признается хормейстер 1-й музыкальной школы, обладатель Гран-при Международного фестиваля-конкурса «Учитель музыки 21 века» и именного диплома народной артистки СССР Ирины Архиповой Татьяна Кравченко, озвучившая эту песню в октябре 2010 года на презентации поэтической книги Ольги Юрьевны «В круге времени». Партию рояля исполняла автор.

Ти, хой лаской в сердцах защеми, взгляды наши смущенные
 встретят. ся. Как от вспышки, ночной малахит хит неба. лав. м. во. го
 неба за. светит. ся. **припев** И нежнейший из вечеров не за.
 бу. де. те. Мо. жет быть, мо. жет быть... Э. го чув. ство. пока не лю. бовь,
 лишь мечта, лишь смятение. е. вроде бы. Про. сто // вроде бы.

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

Слова и музыка Ольги Дарвиной

1. Тихой лаской в сердцах зашемит,
 Взгляды наши смущенные встретятся.
 Как от вспышки, ночной малахит
 Шаловливого неба засветится.

Припев:

И нежнейший из вечеров
 Не забудете. Может быть, может быть...
 Это чувство — пока не любовь,
 Лишь мечта, лишь смятение. Вроде бы.

2. Просто хочется вместе молчать
 И сидеть тихо рядом, без трепета,
 И коснуться боясь невзначай,
 Замирая от взгляда ответного.

Припев.

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостинный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

БЕЛОВА Лидия Александровна. Литературовед и писатель-фантаст. Окончила филологический факультет МГУ. Долгие годы работала ведущим редактором в издательствах «Просвещение» и Профиздат, в «Российской исторической газете», в Союзе писателей. Автор книги «Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова», выпущенной Профиздатом тремя изданиями (2005, 2008, 2014). Опубликовала большое количество статей русских писателей и более всего о Лермонтове, Чехове, Цветаевой. Повести публиковались в журналах «Дружба» (русско-болгарском), «Россияне», «Мир женщины», в сборниках издательства «Молодая гвардия», «Фантастика-90», в сборнике Профиздата «Космос — моя работа». Член Всесоюзной ассоциации востоковедов при Академии наук СССР, отличник народного просвещения СССР, отличник печати СССР. Награждена почётными значками «Отличник народного просвещения» и «Отличник печати» (РСФСР и СССР), а также значком Международного фонда имени М.Ю. Лермонтова (1999).

ВИННИЧЕК Виктор Леонидович. Родился в 1952 году в городе Барановичи Белорусской ССР. По специальности инженер-строитель. В настоящее время на пенсии. Стихи начал писать с четырнадцати лет. Всё своё свободное время старается проводить на природе. Как автор пробует себя в поэзии и прозе. Живет в Пензе. В «Суре» публикуется впервые.

ГОРЛАНОВ Геннадий Елизарович. Родился в 1941 г. в Пензе. Доктор филологических наук. Профессор кафедры литературы ПГУ.

Автор фундаментального труда «Теория и практика стихосложения», «Очерков истории культуры пензенского края», многих поэтических сборников, книг по литературному краеведению, более 80 научных статей. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органических и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

КАМБУРГ Роман. Родился в 1953 году в Казани (Россия). Ученик профессоров Н.В. Кавериной, В.Ф. Богоявленского, Д.М. Зубайрова, И.В. Заиконниковой. Писатель и поэт. Врач и исследователь. В 1991 году в Казанском университете издана первая книга «Поэзия и проза врачевания», в которой медицина представляется соединением науки и искусства. С 1993 года живет и работает в Израиле. В 2001 году издателем Матвеем Черным в Тель-Авиве выпущена книга стихов разных лет «Миг». В 2007 году в Тель-Авиве издателем Эвелиной Рокитской выпущен роман «Восхождение» о судьбе человека по фамилии Пофигенов, который сменил страну, а вместе с ней и эпоху-пофигеновщину. В 2015 г. в Ришон Ле-Ционе опубликована новая книга «Партии с Богом», рассказы с 2002 до 2014 год, а также переводы. Проза последних лет связана с израильской жизнью и медициной. Роман Камбург — лауреат конкурса альманаха «Атланты» (Москва, 2015).

КОРЖАВИНА Анна Сергеевна. Родилась в 1985 г. в Заречном Пензенской области. Окончила ПГПУ им. В.Г. Белинского. Лауреат трех областных поэтических конкурсов. Автор книг «Слушаю звезды», «Танец с прошлым». Автор публикаций в сборниках «Я стихи выпускаю в небо», «Молодая пензенская поэзия», «Гори, не гасни, «Радуга!»», альманахе «Берега», журнале «Студенческий меридиан» (Москва), литературной газете «Лик» (Кемерово). Участница поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура», литературного объединения «Радуга» (Заречный).

МУШКОВА Виктория Владимировна. Родилась в 1991 г. в Пензе. Окончила историко-филологический факультет педагогичес-

кого института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета. Работает преподавателем кафедры «Перевод и переводоведение» в Пензенском государственном технологическом университете. В «Суре» публикуется впервые.

НЕКРАСОВА Марина Сергеевна. Родилась в Чите в 1971 году. Окончила музыкальное училище, факультет журналистики Забайкальского госуниверситета. Защитила диссертацию по русскому языку. Работала учителем в музыкальной школе, журналистом, преподавала русский язык в госуниверситете Китая. Рассказы печатались в литературных журналах «Слово Забайкалья», «Встречи», «Парус», «Дальний Восток», «Сибирские огни». В «Суре» публикуется впервые.

НЕФЁДОВ Вячеслав Викторович. Родился в 1969 г. в с. Александровка Бековского р-на Пензенской области. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Кандидат исторических наук, учёный-белинсковед, вице-президент Фонда содействия развитию русской культуры. Автор более 1500 публикаций в СМИ и научных сборниках. Автор эссе о Белинском «Чернорабочий литературы». Лауреат премии журнала «Сура».

САМСОНОВА Ирина Юрьевна. Родилась в 1960 году в селе Махалино Кузнецкого района Пензенской области. Окончила факультет журналистики (газетное отделение) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, квалификация по диплому: журналист, литературный работник газеты; отделение народного хорового творчества и дирижирования (социально-культурная деятельность) ГБОУ СПО «Пензенский колледж культуры и искусств», квалификация: руководитель коллектива народного хорового творчества, преподаватель (по специальности социально-культурная деятельность и народное художественное творчество). Работает вахтёром службы дежурств СПб государственного электротехнического университета «ЛЭТИ». Публиковалась в альманахах «Метроном» (ЛЭТИ); «Поэтический фарватер»; сборник ЛИТО «Путь на моря» им. Всеволода Азарова (Санкт-Петербург, Дом писателя). Автор сборников текстов песен «Деревенские истории», «Дождь сквозь солнце»; книги «Поэт» (проза); сборника рассказов «Золотаревские сокровища». Член общества РАО (Российское авторское общество). В «Суре» публикуется впервые.

СОСНИЦКАЯ Маргарита Станиславовна. Родилась в селе Рудовка Луганской области. Автор сборников стихов: «Опиум отечества», «Стихи на веере», «Молоко Жарь-птицы», Молчание Кассандры»; прозы: «Званный обед», «Записки на обочине», «София и жизнь», Битва розы»; Книги Притч; публицистики: «Трава под снегом», «Последние 20 лет Паоло Трубецкого», «Диссидентская графиня», «Язык — свидетель», «Антиобломов», «Архангель Михаил русский поэзии»; Сказок феи Ведариты: «Волшебное зеркало», «Царевна-ящерица», «Приключения Кота-рыболова и его волшебной удочки» и пр. Член Союза писателей России. В «Суре» публикуется впервые.

ФЕДОРОВ Михаил Иванович. Родился в 1953 г. в Вологде. Окончил школу-интернат физико-математического профиля при Московском государственном университете и Высшую Краснознаменную школу Комитета Госбезопасности им Ф.Э. Дзержинского. Автор многих романов и публикаций в журналах «Российская юстиция», «Роман-журнал XXI век», «Россияне», «Пражские огни». Адвокат. Член Союза писателей России.

ЧЁРНАЯ Аля (Алина КУЗНЕЦОВА). Родилась в 1995 г. в рабочем поселке Исса Пензенской области. Окончила ПГУ по специальности «Государственное управление». Поступила в НИУ ВШЭ (Москва) на специальность «Доказательная образовательная политика». Публиковалась в «Суре» и на сайте журнала «Новая литература».

ШИГИН Борис Владиленич. Родился в 1952 г. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Журналист, поэт. Автор многих поэтических книг и песенных альбомов. Публиковался в журналах «Москва», «День и ночь», «Русское эхо», «Подъем», «Странник», «Волга — XXI век», «Простор», в «Литературной газете», а также в Израиле, Италии, Германии, США. Главный редактор литературного журнала «Сура». Лауреат Всесоюзной премии имени Карпинского, губернаторских премий за достижения в области журналистики и литературы (1997, 2000, 2003), Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова (2007, 2008, 2014), премии Московской организации Союза писателей РФ «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М.Ю. Лермонтов. 1814 — 1841». Заслуженный работник культуры РФ.

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Д.Н. ЖАТКИН, Н.М. ИНЮШКИН,
С.В. КАЗАКОВ, А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА,
А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, Е.Г. ЧЕБАЛИНА, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ,
Ю.А. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ,
В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор
Борис Владиленович ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20
Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а
Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте
областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)
Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),
lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), ngml@sura.ru (редактор отдела
истории и краеведения)
Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 29.08.2016 года. Подписано в печать 29.09.2016 года. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.
Заказ № 971. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «Областной издательский центр».

Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Кирова, 65/2. Тел. 52-06-64, e-mail: Oblizdat@yandex.ru